НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

АФГАН

Афган вторгся в нашу жизнь внезапно, рывком. В стране как бы мир, как бы размеренная спокойная жизнь... И вдруг – ограниченный контингент за южными рубежами, «груз двести» на военных аэродромах, сотни и тысячи инвалидов, неприятие «интернациональной миссии» мировым сообществом... Как и почему началась эта война? Кто принял решение на ввод войск? Можно ли было ее избежать и, главное, нужно ли было избегать? Слово тем, кто присутствовал при рождении войны...

1·82

Я НАЧИНАЮ ВОЙНУ!

Николай ПИКОВ

С предисловием Руслана АУШЕВА

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Афган вторгся в нашу жизнь внезапно, рывком. В стране как бы мир, как бы размеренная спокойная жизнь… И вдруг — ограниченный контингент за южными рубежами, «груз двести» на военных аэродромах, сотни и тысячи инвалидов, неприятие «интернациональной миссии» мировым сообществом… Как и почему началась эта война? Кто принял решение на ввод войск? Можно ли было ее избежать и, главное, нужно ли было избегать? Слово тем, кто присутствовал при рождении войны…

- Николай Пиков
  - Предисловие
  - Начало июня 1978 года
  - Конец июня 1978 года
  - Рассказывает заместитель Министра иностранных дел СССР Георгий Максимильянович КОРНИЕНКО[1]
  - Делится своими воспоминаниями Леонид Митрофанович ЗАМЯТИН (бывший руководитель международного отдела ЦК КПСС)
  - ГЕНШТАБ БЫЛ ПРОТИВ ВВОДА ВОЙСК
  - Вспоминает генерал-лейтенант в отставке Лев Николаевич Горелов (бывший Главный военный советник в Афганистане в 1975–1979 гг.)
  - Рассказывает генерал-майор Василий Петрович Заплатин (бывший советник первого Начальника ГлавПУ афганской армии)
  - 14 сентября. Покушение на Амина
  - Четверка
  - Экбаль Вазири
  - Вспоминает бывший заместитель
  - Экбаль Вазири
  - Делится воспоминаниями бывший заместитель
  - Экбаль Вазири
  - Салех Пируз
  - Первый командующий 40-й объединенной армией генерал-лейтенант в отставке Юрий Владимирович ТУХАРИНОВ делится своими воспоминаниями
  - Рассказывает бывший резидент КГБ в Кабуле А. Морозов
  - Рассказывает генерал-лейтенант в отставке Владимир Алексеевич БОГДАНОВ (бывший начальник Южного направления Главного оперативного управления

Министерства обороны СССР)
- ШТУРМ ДВОРЦА ТАДЖ БЕК
- ТАМ ШЛА ВОЙНА…
- Из книги «Война в Афганистане»
- Делится своими воспоминаниями полковник в отставке Валерий Дмитриевич НЕСТЕРОВ (бывший начальник штаба полка, который одним из первых вошел на территорию Афганистана)
- Вспоминает подполковник НАСРУЛЛА (бывший офицер-спецпропагандист афганской армии)
- Вспоминает «перевертыш» из КГБ экс-генерал Олег Калугин
- Заключение

- notes
  - 1

Николай Пиков
Я НАЧИНАЮ ВОЙНУ!

Предисловие

К сожалению, время неумолимо летит вперед. Участники и очевидцы афганской войны постепенно уходят из жизни, и очень важно, чтобы они оставили свои объективные воспоминания о ней. Поэтому такие книги, как эта, очень важны и актуальны.

В конце декабря 2009 года исполнилось тридцать лет со дня ввода советских войск в Афганистан. Сегодня не принято об этом говорить, но мы тогда, честно говоря, рвались на эту войну. Были и такие, кто выкладывал партбилет на стол, чтобы остаться в Союзе. Их было очень мало. Трудно сегодня провести черту: где тогда кончалась романтика и где начинался трезвый расчет? В Афганистане нам всякого хватило… Но там я почувствовал, что действительно я — командир. Понял, что такое братство. Что такое дружба. Там по-настоящему узнал, что такое — **Родина.** У нас любят поговорить о **Родине,** но когда ты вдалеке от нее и при этом не в самом лучшем положении — вот тогда это чувство становится особенно острым. **Родина** должна быть превыше всего для каждого человека. Это главное условие для развития и процветания нашего государства. К сожалению, определенные силы делают все, чтобы дискредитировать это чувство.

Ввод советских войск в Афганистан оказался неоправданным, неадекватным в сложившейся обстановке политическим шагом. Отсутствовал научный подход к выработке форм и методов деятельности, к анализу обстановки. Всяческие рекомендации были практически неприемлемы. У многих ответственных должностных лиц появилось стремление доложить вышестоящему руководству именно то, что оно желало бы услышать, а отнюдь не объективную реальность. Мы оказались не готовы к действиям в этой стране в сложившейся ситуации. Происходил механический перенос советских реалий в эту страну, что крайне недопустимо.

Как нам в Афганистане ставились задачи? Там-то и там-то душманы мешают людям заниматься уборкой урожая. Мы должны выйти в этот район, освободить его и помочь в проведении этих работ. Мы на своем уровне, конечно, не видели, какие процессы происходят — ни в наших, ни в афганских «верхах». Это сегодня известно, что, по сути, даже не были определены конкретные задачи нашим войскам. Не было никаких приказов кого-то победить… Были поставлены задачи якобы обеспечить охрану государственных объектов, государственных границ… что практически осуществить в условиях Афганистана было нельзя.

Мне хорошо помнится, как в Кремлевском Дворце съездов проходило Всеармейское комсомольское собрание. В зал вошла

делегация Туркестанского военного округа. Мы-то за два года в академии уже оттаяли, а они входят солнцем обожженные, глаза настороже… Я и подумал тогда: сидишь тут на тыловых харчах, а они воюют… Тогда окончательно решил ехать во второй раз. Поэтому, получив распределение в Группу советских войск в Германии, я в конце концов оказался снова в Афганистане.

Тут уж дело, видимо, как раз в расчете: новый командир должен будет учиться воевать — не на картах, не на полигоне, а реально на крови. Пока освоится, сколько людей положит? А зачем, если я уже имею? Этого же никто не подсчитал, сколько такие люди, которые воевали больше положенного срока, солдатских жизней спасли! А сколько было «стариков», которые вместо молодых солдат шли на боевые действия…

Получилось так, что эта война для нас закончилась, но проблемы остались. Получилось так, что государство сначала бросило на войну наших военнослужащих, а потом вообще бросило, выбирайтесь, дескать, сами по себе. Союз развалился, и «афганцы» сегодня живут в суверенных государствах.

Пора ввести в рамки закона то, что все заявления о ветеранах, их проблемах должны находить решение со стороны государства, честно и объективно, открыто. К сожалению, этого не происходит. Все попытки общественных организаций в этом плане не смогут сделать то, что должны делать государственные структуры, политики. Давно уже наступило время принятия принципиальных, смелых и решительных действий по решению проблем медицинской реабилитации, военнопленных, социальных, как это давно делается во всем мире.

Ведь в результате-то ныне существующей политики на улице оказываются, прежде всего, ставшие инвалидами. А где? В бою — по приказу **Родины.**

В США это поняли в 1989 году и создали министерство по делам ветеранов, которое получает в настоящее время по 112 млрд. долларов ежегодно на свои нужды. У нас же ветераны почти ничего не имеют.

Нужен государственный орган по делам ветеранов в каждом государстве СНГ. От испанской, через Отечественную, до афганской… Орган, имеющий свой бюджет, обладающий влиянием в правительстве, готовящий рекомендации, координирующий политику государства по ветеранским проблемам.

Все первые лица в своих предвыборных речах напрямую обещали и обещают помощь ветеранам — и старым, и молодым. Пришла пора оплачивать выданные векселя! Пора держать слово. Давно уже настало время установить День ветеранов боевых

действий в Российской Федерации.

Поэтому, говоря о принятии решения о вводе советских войск в Афганистан, мы должны еще и вспомнить тех, кто воевал там. А их около 600 тысяч человек. Действительно, для нас все вроде бы позади. Но не закончилась афганская эпопея. Она будет продолжаться до тех пор, пока жив хоть один из тех, кого мы сейчас — точно ли, не точно ли, это не суть важно — называем воинами-интернационалистами. Мы в долгу перед ними — все вместе и каждый из нас в отдельности. Долг этот святой, и никто с нас его не снимет — ни бывшие президенты, ни ныне действующие, ни сам Господь бог.

Наши войска покинули Афганистан, который довольно длительное время самостоятельно продолжал небезуспешно защищаться и давать отпор оппозиции, поражая умы соответствующих российских аналитиков и заграничных спецслужб. Чувствовалось, афганцы благодаря присутствию ОКСВ приобрели опыт ведения боевых действий и поверили в свои силы. Так что наше присутствие там имело положительные результаты.

Конечно же, все зависело от экономической и военной помощи России. Увы, как оказалось впоследствии, она была никому не нужна. После вывода войск помощь Афганистану постепенно свернули. Страну, оставшуюся без поставок топлива, боеприпасов из России, захлестнуло новой волной гражданской войны, продолжающейся и поныне.

Что касается издания настоящей книги в связи с тридцатой годовщиной ввода ОКСВ в соседнюю с нами страну, выражаю свое полное удовлетворение тем, что имею возможность представить ее. Рад использовать возможность обратиться ко всем «афганцам» со словами приветствия и пожеланиями мира, благополучия и достойной жизни. Вы это заслужили всеми вашими делами и своей жизнью на благо нашей **Родины —** России.

Председатель Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств СНГ Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Р. С. Аушев

Начало июня 1978 года
Москва. ЦК КПСС

Из Афганистана Николай Нестерович Симоненко, заведующий сектором ЦК по Среднему Востоку, вернулся удрученным. Командировка была краткой, всего несколько дней, но ему, занимавшемуся Афганистаном не один десяток лет, не составило особого труда соединить в логическую цепь разрозненные вроде бы факты, по интонациям бесед понять общее настроение и в руководстве страны, и в республике в целом.

Особое беспокойство вызывал сам Нур Мухаммед Тараки. Как ни прискорбно, но он предстал соловьем, который слышит только собственную песню. Что-то можно было, конечно, списать на эйфорию от победы революции, но Николай Нестерович слишком хорошо знал нынешнего председателя Революционного совета еще по прежним временам.

В декабре теперь уже далекого 1956 года ему поручили встретиться с Генеральным секретарем ЦК. Тогда НДПА только что была создана. Правда, высказали пожелание:

— Неофициально и не в кабинетах на Старой площади.

Тогда они с Ульяновским и увидели первый раз Нур Мухаммеда Тараки. Афганец, как оказалось, прибыл в СССР, направляясь на лечение в ФРГ. Транзит был через Москву, и Генеральный секретарь просто не пришел на регистрацию, чтобы не лететь дальше.

— Наша партия — достаточная сила, чтобы совершить революцию и установить режим народной демократии, — увлеченно, с гордостью доказывал Тараки на этих встречах. В открытую, правда, ничего не просил — ни помощи, ни поддержки, а может, был просто уверен в этом и не считал нужным напоминать. Ему важнее было другое — утвердиться в глазах самой влиятельной компартии мира. — Наша революция станет победоносной, — заключал он в конце каждой беседы.

А их было несколько — в ФРГ Тараки так и не выехал, дожидался обратного рейса в Москве. За это время Николай Нестерович попытался выяснить уровень теоретической подготовки лидера НДПА, и здесь вновь его ждало разочарование. Из Ленина Нур Мухаммед уяснил для себя, кажется, только одно — надо захватить власть и удержать ее первое время. Далее все должно стабилизироваться само собой. Словом, ввяжемся в бой, а там посмотрим. Каша из Ленина, Наполеона и Тараки.

— Он же не учитывает, а есть ли объективные и субъективные

предпосылки для революции, — горячился Симоненко перед более сдержанным Ульяновским, когда они оставались одни. — Он совсем не берет в расчет международную ситуацию.

— Ему можно посоветовать только одно: укреплять партию, — соглашался Ростислав Александрович. — Она рыхлая, а о ее связи с народом, конечно же, речь вообще вести пока рано.

— И все-таки мы победим! — уехал с галилеевской уверенностью на устах Тараки. Уехал, надо думать, обиженный разговором, почувствовав недоверие.

И сделал ход, которого от него не ожидал никто, тем более в ЦК КПСС. Буквально через неделю после московских встреч Тараки сам пришел к королю Захир-Шаху и… покаялся в грехах. Трудно сказать, был ли это тактический ход — снять с себя и партии лишние подозрения, показать свою якобы лояльность к существующему режиму, или сработало обыкновенное чувство самосохранения. Но, как бы то ни было, король простил его. Простил, потому что, в отличие от Генерального секретаря, не воспринимал его партию серьезно. Более того, когда в начале семидесятых в Советском Союзе издали книгу Тараки «Новая жизнь» и переправили тираж в Кабул, король дал указание определить, где печаталась эта книга без обозначения типографии. И вновь лишь усмехнулся, когда назвали одну из основных версий — Советский Союз: нашли на кого ставить, кому помогать.

И вот сейчас Тараки кажется, что все-таки он был прав — революция-то победила. Но и здесь Симоненко увидел смещение акцентов: победила не из-за революционной ситуации и силы партии, а в первую очередь из-за слабости режима Дауда. Николай Нестерович чувствовал, что не будет мира на этой земле, пока у власти будут находиться Тараки или Амин. Потому что вся история Афганистана — это непримиримая борьба между двумя пуштунскими племенами — дуррани и гильзаями. Закрыть на это глаза, не брать в расчет — это уподобиться страусу, ибо последние двести лет страной управляли представители дуррани. А, к несчастью для революции и партии, Тараки и Амин относятся как раз к противоположному лагерю — племени гильзаями, и уже из-за одного этого обречены на сильнейшую оппозицию, противостояние. Сейчас противник в шоке, не очень организован, но придет время, когда дуррани начнут предъявлять свой счет. Это историческая неизбежность, которую Тараки тоже не хочет замечать и придавать ей серьезное значение. У него сейчас все хорошо, у него нет проблем, а что там, за порогом, он просто не желает знать и видеть. Он победитель! Даже принимая делегацию КПСС, с определенной долей высокомерия посмотрел на старых

знакомых: когда-то я вынужден был просить у вас встреч, вы кое-как снисходили ко мне, но теперь я — председатель Революционного совета, глава правительства, Генеральный секретарь победившей партии. Не верили?

Барство и снисходительность Тараки почувствовал Симоненко и по его отношению к советским советникам. Единственным, к кому тот относился более-менее уважительно, оставался посол. Да ладно отношение, в остальном ведь тоже остался прежним — прогнозирующим, дискутирующим, причем теперь уже не только и не столько об афганских делах.

— Я виню Насера в том, что он не оставил после себя преемника, — глубокомысленно изрекал он, давая оценку уже мировому революционному движению. — Он умер, и Египет сразу же ушел в стан врага. Я, например, такой ошибки не повторю, у меня уже есть преемник. — Он похлопывал по плечу находившегося всегда под рукой министра иностранных дел Хафизуллу Амина.

Насколько недальновидным, догматичным выглядел Тараки, настолько хитрым и коварным показался Амин. «Смесь шакала с гиеной», — сказал о нем кто-то из делегации, и Симоненко согласился в душе с такой характеристикой. Настораживала по отношению к Амину и информация о том, что во время учебы в Америке он возглавлял там землячество афганских студентов. Ни один из подобных «старост» не миновал внимания ЦРУ. Ни один до и после Амина. Неужели только он не приглянулся им? Честолюбие, хитрость в сочетании с великолепными организаторскими способностями и огромной работоспособностью — на эти человеческие качества, надо думать, многоопытное ЦРУ не могло не клюнуть. Или он у них на очень глубоком крючке и в свое время они предъявят счет? В общем, со временем Амин может стать для Тараки самым страшным врагом, такие люди умеют выжидать, они редко торопятся.

По наблюдению Николая Нестеровича, не замечал, не хотел видеть Тараки и еще одну опасность — углубление кризиса в отношениях с «Парчам». Отношения между фракциями, объединившимися перед революцией, сейчас, при дележе портфелей и должностей, вновь осложнились. Вновь Тараки и Бабрак называют «Хальк» и «Парчам» не крыльями НДПА, а самостоятельными партиями. И если после революции Тараки хоть некоторое время старался проводить более сбалансированную политику и доверял пусть и не главные, но все же и некоторые министерские посты парчамистам, то сейчас, спустя всего два месяца после победы, начал понемногу оттеснять

их от управления страной.

Открыто возмущается пока только Кадыр, главный исполнитель революционного восстания. По его мнению, революцию ведут куда-то не туда, и он, если убедится в этом, готов совершить третий переворот в своей жизни и свернуть головы тем, кто предает Апрель.

Кадыр… Кадыр… Совершенно непредсказуемая личность. В свое время Дауд умело использовал офицеров-коммунистов, вернее, их стремление к постоянным переменам. Ведь только благодаря перевороту в армии, который совершили в 1973 году Кадыр, Ватанджар и Гулябзой, он смог поднять руку на короля. Дауд не забыл этой услуги: сержанта Гулябзоя сделал офицером, получил повышение в должности Ватанджар, Кадыр же стал начальником штаба войск ВВС и ПВО, подполковником. Авторитет в армии рос у него стремительно, хотя как политический лидер он не мог представлять опасность. И опять же в силу своего происхождения, вернее, малочисленности и непопулярности племени, выходцем из которого он был. Не та страна Афганистан, чтобы не придавать этому значения. Но Дауд понял, что Кадыра могут просто использовать другие силы, точно так же, как и он в свое время, вместо тарана. И незадолго до апрельских событий убрал ретивого сорвиголову подальше от армии, назначив его директором небольшой мукомольни.

Можно, видимо, представить себе обиду Абдула Кадыра на руководство, его злость и решительность. С явным проявлением чего он и возглавил вооруженное выступление против своего «благодетеля».

За кем пойдет он сейчас? Насколько серьезно настроен он в своих угрозах?

— Я не парчамист и не халькист. Я просто армейский коммунист, — подчеркивает в последнее время Кадыр.

Такой непредсказуемости и импульсивности своего министра обороны Тараки тоже следовало бы поостеречься. Больше трезвости нужно бы афганскому лидеру. И внимания в первую очередь не борьбе за власть, а своему народу…

— Ну, и что будешь докладывать? — спросил Ульяновский, когда Николай Нестерович поделился с ним своими нерадостными, в общем-то, впечатлениями от поездки. — Я знаю, что по другим ведомствам доклады идут более оптимистичные.

— Значит, менее глубокие доклады, — взорвался Симоненко, но сумел справиться с эмоциями и ответил уже спокойно: — Буду докладывать то, что есть.

Конец июня 1978 года
Кабул

— Проходи. Что так возбужден?

— С Кадыром говорил. Опять при всех набросился на Тараки. Сотню раз советовал сдерживать эмоции. Нравится он тебе или нет, но он — глава государства. Зачем раздражать его по пустякам? А он — как специально. Чаем угостишь?

Заплатин развел руками — самоваром еще не обзавелся. Горелов удивленно кивнул на стоящий напротив стол Экбаля:

— А что же подшефный не следит за своим начальством?

— Во-первых, не обязан, а во-вторых, он сам вечно голоден, ест один раз в сутки.

— Что так?

— Полно родственников, да к тому же десятки всевозможных делегаций, которых тоже как-то надо угощать и одаривать подарками.

Замолчали. Отношения между главным военным советником и советником начальника Главпура налаживались трудно. Прямоту и резкость суждений Заплатина поначалу Лев Николаевич Горелов воспринял как попытку нового сотрудника подмять всех военных советников под себя, подчеркнуть свое положение главного политработника. Некоторое время Горелов даже демонстративно не замечал Заплатана, обговаривая вопросы только с представителем КГБ Ивановым.

Но все же общность решения одних и тех же задач заставила пойти на сближение, а узнав немного характеры, они стали понимать и поступки друг друга.

— От твоего начальства что-нибудь есть? — нарушил молчание Заплатин.

— Утром звонил Огарков. Как всегда, продолжать тесное сотрудничество, попытаться исключить репрессии, снятия с должностей. Кадыр припоминает некоторым своим бывшим сослуживцам, что не помогли, не заступились за него, когда Дауд убирал его из армии, а он просил у них помощи. Что у тебя?

— То же самое. Кроме решения военных и политических вопросов советуют, чтобы мы рекомендовали руководству партии идти в народ, в племена, разъяснять цели и задачи революции. Словом, не сидеть в Кабуле. Что на пакистанской границе?

— Пока тихо, проехали и пролетели почти всю. Доложил Амину свои соображения по ее укреплению. А Амин попросил проводить с ним индивидуальные занятия по военной подготовке.

С одиннадцати вечера до часу ночи ежедневно, больше у него времени нет, проводились с ним занятия на высших военных курсах «А». Работоспособность, конечно, у него была дикая.

Горелов спросил:

— Как идет легализация парторганизаций?

Это для Заплатина был самый больной вопрос. Партийные организации в армии до сих пор продолжали находиться в подполье, и в первую очередь таились друг от друга халькисты и парчамисты. Существовали и две партийные кассы, в каждой организации в глубокой тайне шел прием новых членов. В некоторых полках, правда, попробовали назвать коммунистов. Постарались сделать из этого праздник: людей выводили перед строем, пожимали руку, благодарили за мужество в борьбе, верность идеям НДПА. Но если халькисты шли на это охотно, то «Парчам», скорее всего, продолжал скрывать свои структуры. Пять-семь человек на батальон или полк раскроют — и вроде больше никого нет. Это, конечно, было не так, и уже затаивались новые обиды, продолжало расти недоверие.

Зато уж халькисты развернулись до такой степени, что некоторые коммунисты-командиры поспешили на своих кабинетах вывесить таблички: «Вход только членам партии». Вот такие неожиданные вывихи, и где и что выпрет завтра — одному Аллаху известно…

Горелов уловил состояние Заплатина и, уже зная его болезненную ответственность за свой участок работы, поспешил добавить:

— Да, чуть не забыл. Побывал я на политзанятиях в Гардезе. Спрашиваю солдат, что они знают о Советском Союзе. Встает один, поднимает автомат: «Калашников — это Советский Союз, противогаз — это Советский Союз, кровати — это Советский Союз. Но главное — это политзанятия». Так что передай Епишеву, пусть порадуется и погордится.

— Передам. Нам бы этих солдат с пола поднять, заставить тыловиков отдавать им простыни, которыми они торгуют в дуканах. Сделать так, чтобы все продукты шли в котел, а не тем же перекупщикам. И котелки, тарелки солдатам чтобы выдали, а то хлебают из каких-то общих корыт…

— Мечты… — вздохнул Горелов. — Мне на роты, батальоны назначать некого, вчерашние лейтенанты полками командуют. А ты к тому же создал ореол славы политработников, лучших офицеров забираешь.

— Сейчас слово может быть главнее всего остального, — не согласился Заплатин, хотя и сказал это Горелов с улыбкой и пониманием. — Кстати, что с командирской учебой?

— Тараки разрешил открыть трехмесячные курсы для офицеров и школы для сержантов. Если не поднимем армию… — Горелов обреченно махнул рукой.

Информация (получено представителем КГБ в Кабуле):

«В начале июня с. г. в Аннаполисе (США) состоялся симпозиум атлантической группы НАТО, где обсуждались перемены в Афганистане и «вытекающие отсюда последствия для Америки и ее союзников по НАТО». В симпозиуме под кодовым названием «Морское звено» приняли участие более 270 генералов, адмиралов, дипломатов, ученых и официальных лиц. Единодушно было заявлено, что Америка и Запад не могут позволить себе такой роскоши, как заниматься только Европой. Афганистан был объявлен, таким образом, еще одной зоной жизненно важных интересов стран НАТО, и в первую очередь США.

В Кабул под дипломатическим прикрытием вылетел некий Луи Дюпри, которому поручено координировать действия антиправительственных элементов в афганской столице.

В Пакистане, близ границы с Афганистаном, начали создаваться лагеря афганских беженцев (Читрал, Чират, Кохат, Кветта, Наушери и др.). В этих лагерях начали подготовку группы боевиков из числа офицеров и солдат афганской армии, оставшихся преданными Дауду и перешедших в Пакистан.

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Документ (из переписки советского посла с МИД):

Запись беседы с послом США в ДРА Адольфом Дабсом

7 августа 1978 г.

…В ходе состоявшейся беседы Дабс высказал недоумение по поводу напечатанной в газете «Правда» за 1 августа 1978 года статьи корреспондента ТАСС «Подрывная деятельность против народа Афганистана», где говорится, что США оказывают финансовую помощь диверсионным группам, выступающим против правительства ДРА. Дабе сказал, что позиция США в отношении ДРА базируется на принципе невмешательства во внутренние дела страны…

Я… заметил, что в американской печати была развязана шумная кампания пропаганды о том, что Апрельская революция в Афганистане явилась «делом рук русских».

Дабс никак не отреагировал на это замечание.

Послом был задан вопрос, не заключал ли Советский Союз с ДРА соглашение о военном сотрудничестве. Ответил отрицательно.

Посол СССР в ДРА А. Пузанов».

Рассказывает заместитель Министра иностранных дел СССР Георгий Максимильянович КОРНИЕНКО [1]

В своей книге «Холодная война» Г. М. Корниенко сообщает о том, что события в Кабуле были для Москвы совершенно неожиданными. Он пишет: «Позже лидер НДПА Тараки в беседе со мной откровенно говорил, что, хотя у них имелась возможность уведомить советских представителей в Кабуле о готовившемся перевороте, они сознательно не стали делать этого. Они опасались, что Москва попытается отговорить руководство НДПА от вооруженного выступления. Эти опасения руководителей НДПА, — продолжает он, — не были лишены оснований. Если бы в Москве узнали об их намерениях, скорее всего, последовал бы совет не предпринимать этого шага. Такую, правильную, по его убеждению, линию поведения Москвы Корниенко мотивирует двумя аргументами: во-первых, в стране «с марксистской точки зрения» не было революционной ситуации и, во-вторых, «отношения Советского Союза с Афганистаном и при короле Захир-Шахе, и затем при Дауде, несмотря на заигрывания последнего с Западом, в целом были дружественными».

Оставим в стороне второй аргумент Корниенко как совершенно неприемлемый по принципиальным соображениям: для советского дипломата, разумеется, в полном и аутентичном значении этого понятия, было абсолютно недопустимо рассматривать вопросы сотрудничества СССР с тем или иным государством, тем более с государством, где правил антинародный режим, в отрыве от классовой борьбы и классовых схваток, происходивших в Афганистане и вокруг него. И никакие оправдания со ссылками на чрезмерно «заидеологизированный подход» определенной части руководства СССР Корниенко тут не помогут; слишком уж явно проглядывают в его позиции признаки гнилого ревизионизма, который все более утверждался в советской внешней политике в послесталинский период и достиг своего апогея во времена горбачевской перестройки.

Что касается рассуждений Корниенко об отсутствии в Афганистане революционной ситуации, то надобно прежде всего спросить: о какой революции шла, собственно, речь? Ясно, что речь шла о народно(национально) — демократической революции. Социально-политические преобразования, к которым приступила новая власть в Кабуле, по своему основному

содержанию были антифеодальными и антиимпериалистическими. Выступая на обеде в Кремле 5 декабря 1978 года, Н. М. Тараки отмечал, что специфика афганской революции состояла в том, что она была осуществлена под руководством НДПА вооруженным путем мужественными и героическими офицерами, являвшимися выходцами из рабочих и других слоев трудящихся. «Революция, — подчеркивал он, — полностью покончила с правящим режимом, связанным с реакцией и империализмом, и на его место пришел прогрессивный демократический республиканский режим».

Заметим, что на том же обеде Л. И. Брежнев говорил в своем выступлении о «подлинно народной революции, которая круто повернула многовековую историю Афганистана». Корниенко, конечно, известно, что такого рода заявления первого лица в руководстве СССР не делались на потребу дня: за ними, как правило, стояла тщательная аналитическая проработка вопроса. Но что теперь Корниенко до этого? Теперь, когда дело афганской революции загублено, он дует в одну дуду с перевертышами и хулителями всего святого и революционного. Саурскую революцию он называет теперь исключительно «переворотом». Он договаривается до утверждения о том, что НДПА не смогла, де, получить в афганском обществе «сколько-нибудь массовой поддержки. Без чего государственный переворот не мог перерасти и не перерос в социальную революцию». К тому же, развивает мысль Корниенко, среди пришедших к власти в Кабуле было, видите ли, немало «леваков», «сторонников голого насилия», пренебрегавших национальными и исламскими традициями, нравами и обычаями страны, что еще больше настраивало людей против новой власти». Наконец, Корниенко очень не нравится то, что в Афганистан «хлынул поток всякого рода советников из СССР», которые «не могли научить афганцев ничему другому, кроме советской модели социализма, в чем афганцы, конечно же, нуждались меньше всего».

Все эти и другие подобные высказывания Корниенко — весьма тенденциозны и явно не в ладу с фактами. Сводить значение Саурской (Апрельской) революции к «перевороту» — значит, по существу, игнорировать современную политическую историю Афганистана. То есть не видеть динамики и основных этапов развития афганской революции, ее закономерного характера, обусловленного конкретными особенностями мирового революционного процесса в 70-х годах. И уж совершенным абсурдом является то, что, лишая Саурскую революцию даже самого права называться революцией, Корниенко тем не менее тут же афиширует свои собственные

(разработанные совместно с С. Ф. Ахромеевым и внесенные в ЦК КПСС) предложения по борьбе с афганской контрреволюцией, «как внутренней, так и внешней». Стало быть, революции не было, а контрреволюция — пожалуйста, и в лучшем виде! Что же касается «леваков», то их было достаточно во всякой революции. Революции вообще не бывают ровненькими и приглаженными, без «левых» и без «правых», без сучка и задоринки. Записывать же в «леваков» руководителей афганской революции у Корниенко слишком мало оснований. Впрочем, повторим, что для Корниенко афганская революция — это всего лишь «переворот», а этим понятием можно манипулировать как угодно.

Не будем комментировать заявление Корниенко, отрицающее, по сути, значение использования опыта Октябрьской революции для афганцев. Еще бы! Для самого Корниенко куда как более значим опыт и оценки американского истеблишмента. Ведь получив шифровку от советского посла в США А. Ф. Добрынина о том, что в беседе с ним 8 марта 1980 г. Бжезинский заявил о готовности США признать за Афганистаном статус типа Финляндии, решительно выступая при этом против превращения его во вторую Монголию, Корниенко, как отмечалось выше, незамедлительно поддержал такую позицию США на совещании в ЦК КПСС и, более того, представил эту позицию как свою собственную. Корниенко получил отпор со стороны членов ЦК, но в дальнейшем это не остановило ретивого «американиста», и он снова и снова прибегал к попыткам дискредитации афганской революции, отстаивая позиции, выгодные, прежде всего, США.

Далее обратим внимание на высказывания Г. Корниенко, сделанные в ходе съемок фильма «За девять лет до окончания войны» под руководством Генриха Боровика:

«С моей точки зрения, во всяком случае, ввод войск — это было не начало нашей ошибочной линии поведения в афганских делах, а кульминацией… этой ошибочной линии.

Начинать, я думаю, надо с апреля 78-го года, когда в Кабуле произошел, прямо скажем, переворот, который потом стали называть Апрельской, или Саурской революцией… В действительности же, и об этом Наджибулла, кстати, в одной из бесед с Шеварднадзе говорил прямо, в апреле 78-го года произошла не революция и даже не восстание, а переворот.

Так вот, когда произошел переворот, на Западе, да и у нас, многие считали, что, конечно, Москва приложила к этому руку. Тем более что совершили переворот афганские офицеры, которые обучались в Советском Союзе и принадлежали к Народно-Демократической партии Афганистана, руководство которой считало себя марксистами. «Конечно, Москва приложила свою

руку…»

В действительности же о перевороте в Москве в МИДе, и не только в МИДе, и военные, и другие узнали из сообщения английского агентства «Рейтер». Я в то время был заместителем министра иностранных дел СССР, поэтому могу твердо об этом сказать. Потом уже поступила информация из посольства, от других наших служб из Кабула.

Никаких сообщений и по линии органов госбезопасности не поступало. И, более того, впоследствии, уже в 1979 году, в одной из бесед, которые у меня были с Тараки, он мне прямо сказал, что да, конечно, у нас была возможность за день-два, во всяком случае, известить ваших представителей в Кабуле. С ними у нас, в принципе, были контакты, но мы сознательно не стали этого делать. Мы боялись, что Москва начнет нас отговаривать от вооруженного восстания, ссылаясь на то, что в Афганистане не было в ту пору революционной ситуации.

И действительно, если бы уведомление было предварительно получено в Москве, практически на сто процентов уверен, судя и по другим случаям, как мы реагировали в подобных ситуациях, Москва действительно начала бы отговаривать их от этих действий.

Беда в том, что когда переворот стал совершившимся фактом, и произошел он без нашего касательства, без нашего подталкивания и даже без нашего ведома, то многие в Москве, и прежде всего наши партийные идеологи, международники партийные, я имею в виду Суслова, Пономарева и в целом международный отдел ЦК, сочли это за благо. Сочли, что в близкой перспективе (если не завтра и не послезавтра, то уж в очень недалеком будущем) мы будем иметь еще одну социалистическую страну у нас в южном подбрюшье. Не смущало их то, что эта страна была еще в дофеодальной стадии развития.

На аргументы, которые приводились в этой связи, ответ был один: «Ну, вон Монголия тоже из феодализма перепрыгнула сразу в социализм».

В этой связи вспоминаю, в частности, одно из совещаний, которое было в ЦК еще в 78-м году. На нем я позволил себе высказать сомнение насчет концепции второй Монголии в Афганистане. Я высказал мысль о том, что с точки зрения интересов Советского Союза, дай бог, чтобы Афганистан стал каким-то азиатским вариантом нейтральной Финляндии по отношению к Советскому Союзу, дружественным государством, но не более. На это последовало недоуменное восклицание со стороны Пономарева: «Как можно уподоблять Афганистан Финляндии! Ведь Финляндия — это буржуазное государство!»

В ответ на мой вопрос «А неужели всерьез можно считать, что Афганистан созрел для социализма?!» последовал назидательный по своему тону довод его заместителя Ульяновского: «В мире сейчас нет страны, которая не созрела бы для социализма!»

Вот с таким подходом мы столкнулись сразу после Апрельского переворота в Афганистане. Видимо, этот ответ включал в себя и Соединенные Штаты Америки, и Западную Европу. Если понимать буквально, было сказано, что в мире нет такой страны, которая не созрела бы, включая, значит, и Соединенные Штаты.

Наши отношения с Афганистаном всегда были нейтрально-дружеские и при короле, и при Дауде, но где-то с 75-го года наметилась линия отхода от тесного сотрудничества с нами. Американцы через иранского шаха соблазняли многомиллиардной помощью, но с условием свертывания сотрудничества с Советским Союзом, военного в особенности. А военное сотрудничество между нашими странами было с 19-го года. В то время в Афганистане работали около ста наших военных консультантов. Королем были предприняты определенные шаги в этом направлении. Поэтому причины опасаться некоторого военного присутствия, если не в прямом смысле военного, то разведывательного, были… у нас в те годы.

Но, повторяю, когда совершился переворот, у многих глаза загорелись, что это завтрашняя социалистическая страна, ну, если не завтрашняя, то послезавтрашняя. Это было не просто теоретическое представление, что вот Афганистан может стать второй Монголией, за этим последовали действия.

Массовым потоком пошли наши партийные советники в Афганистан, в том числе и советники по другим ведомствам. Были уже в ту пору, это 78-й — начало 79-го года, и в МИДе у кое-кого из нас, и у военных, я знаю, сомнения насчет слишком большой и быстрой вовлеченности нашей страны в афганские дела. Были сомнения, что это может привести к обратным результатам, с точки зрения поддержания режима населением, из-за присутствия большого количества советских людей. Но это отметалось с порога, и поток все время увеличивался.

Что касается пришедших к власти в Афганистане Тараки, Кармаля и Амина, могу твердо сказать, что Громыко как министру иностранных дел их имена после совершения переворота ни о чем не говорили. Уверен, что для нашего высшего руководства они тоже были люди малоизвестные. Были контакты в определенных случаях с ними, ну, на уровне международного отдела ЦК, того же Ульяновского, скажем. Я не могу утверждать, но я уверен, что даже Пономарев с кем-либо из

них до этого имел какие-то встречи. Поэтому было много не совсем ясного и для руководства, но повторяю, партийно-идеологическая наша часть быстро взяла курс на то, чтобы действовать как в отношении не в полном смысле завтрашней, во всяком случае, в ближайшем будущем социалистической страны. Не просто соседней страны…

Между тем в самом Афганистане довольно быстро нарастало сопротивление новому режиму. Именно внутреннее сопротивление, но постепенно все больше с определенной подпиткой извне. Тем более что в том же Пакистане были группировки, враждебные еще королю, и потом Дауду, которых и американцы подкармливали в порядке давления на того же Дауда. Тут появился совершенно новый режим, если еще не коммунистический, то просоциалистический, — эти группировки, конечно, против этого режима тоже начали наращивать свои действия.

В марте 79-го года было открытое и довольно широкое антиправительственное выступление в Герате, и в этой связи поступило первое обращение от афганского руководства, от Тараки, о присылке наших частей. Я должен сказать, что у некоторых военных, профессиональных военных, было такое легкое поползновение как-то этой ситуацией воспользоваться, ну, для проверки боеспособности наших военно-десантных частей, и нанести одиночный такой удар. Высадиться, навести порядок и убраться. Но что касается высшего руководства, в том числе и Устинова — министра обороны в ту пору, это было с ходу отметено. По-серьезному эта проблема в руководстве даже не обсуждалось.

Когда Тараки 18 марта позвонил Косыгину с просьбой о присылке войсковых частей, Косыгин высказал большое сомнение на этот счет, но добавил, что «я, естественно, должен обсудить со своими коллегами Ваше обращение».

Вот тут было первое более-менее обстоятельное обсуждение этого вопроса в рамках тогда еще не существовавшей официально комиссии Политбюро по Афганистану — она была создана где-то уже после ввода войск, в 80-м году. Но де-факто уже тройка, Андропов, Громыко, Устинов, иногда с Пономаревым, иногда без него, периодически встречались, обсуждали афганские дела. И в связи с этим звонком было обсуждение, как реагировать на обращение Тараки. В общем-то у всех было единое мнение, что — нет, нельзя идти на этот шаг.

Было решено пригласить Тараки срочно приехать с закрытым визитом в Москву, более обстоятельно с ним поговорить и растолковать ему нецелесообразность таких действий. Буквально

через день, 20 марта, Тараки прибыл в Москву, повторяю, с закрытым визитом, об этом мало кому было известно и в Москве, и в Кабуле. И тут вначале Косыгин, обстоятельно и развернуто, уже от имени всего руководства высказался против ввода войск, закончив прямо тем, что: «Ввод, присылка войсковых частей в Афганистан наверняка не улучшит, а усложнит ситуацию, прежде всего для вас, для режима. Мы все взвешивали, этого делать нельзя».

Ну, для того чтобы не оставлять у Тараки надежды на то, что есть вот еще более высокая инстанция — Брежнев, сказали, чтобы к нему он обратился с этой просьбой. С довольно большим трудом, поскольку в ту пору Брежнев уже мало функционировал, организовали беседу у Брежнева в тот же день — 28 марта. Брежнев коротко, по заготовленному тексту зачитал ему коллективное мнение, в котором подтвердил то, что сказал Косыгин, что посылать войска мы не будем, этого делать нельзя, исходя из ваших же интересов, это не укрепит ваши позиции, а, наоборот, ослабит.

Уже в 78-м, то есть вскоре после переворота, начался раскол в афганском руководстве. Кармаль оказался вне Кабула, послом в Чехословакии, Анахита Ратебзад в Югославии послом, и многих других парчамистов разослали по всему миру. Наши советники и люди в Москве это, конечно, знали. Каких-либо усилий по предотвращению углубления раскола, насколько я знаю, никто из них не предпринимал, были какие-то попытки сглаживать эти разногласия, но не очень серьезные попытки, то есть это считалось их внутренним делом, тем более что каких-то, по представлению наших идеологов и работников партийных, не было предпочтений в пользу «Парчам», и почему бы не оставались халькисты во главе в ту пору, имею в виду — 78-й — начало 79-го года.

Но потом, по мере усиления репрессий против парчамистов, особенно уже в 79-м году, когда все больше набирал силу Амин, становилось все более ясным, что эта ситуация только усугубляет положение и ослабляет позиции того режима, который был в Кабуле. Помню, что предпринимались более серьезные попытки разговора и с Тараки, и с Амином, попытки уговорить, чтобы они этого не делали. Но это не оказывало никакого влияния.

После марта 79-го года внутренняя ситуация все больше осложнялась для кабульского правительства — и в силу того, что они сами вели левацкую линию и многое самим себе портили, и в силу того, что продолжало нарастать внешнее проникновение и подпитка из Ирана и Пакистана. Довольно часто поступали новые просьбы из Кабула о присылке советских воинских частей. Всего

их было порядка четырнадцати, таких обращений.

До сентября никаких больше дискуссий в этой связи не возникало. Каждый раз все довольно быстро приходили к тому мнению, что этого делать нельзя, как и в марте.

В сентябре, как известно, произошел новый переворот в Кабуле, то есть Тараки был устранен, во главе стал Амин. Тараки был уничтожен физически. Вот после этого, как я понимаю, и начались новые размышления, и новые веяния в нашем руководстве.

Переворот не был для нас полным сюрпризом. В Москве было довольно хорошо известно, что Амин уже ведет работу против Тараки, и не исключалось, что он может Тараки убрать. Я, в частности, хорошо помню, что когда в конце августа 79-го года Тараки через Москву летел в Гавану на конференцию неприсоединившихся государств, именно мне было поручено побеседовать с ним, никто на более высоком уровне в этот раз с ним не беседовал, беседовали с ним, когда он уже вернулся из Гаваны. А на этот раз мне было поручено в рабочем порядке поговорить с ним, выяснить, как он уехал из Кабула, с каким настроением, и предупредить его по поводу возможных событий в Кабуле в его отсутствие. И условиться о контакте с ним в Гаване через наше посольство, в случае возникновения необходимости быстро связаться. То есть мы держали сторону Тараки.

Но он, надо сказать, довольно спокойно обрисовал ситуацию. Он подтвердил, что знает о наличии разных людей в Кабуле. Об Амине он довольно тепло отозвался, сказал, что тот держит все под контролем, в своих руках, и он не ожидает никаких чрезвычайных событий в Кабуле в его отсутствие. Хотя, я повторяю, у нас уже были опасения, что они могут его убрать…

Опасения были уже где-то с августа. У нас никаких признаков охлаждения к нему не усматривалось. Хотя, конечно, не очень хорошо, что все обошлось на уровне замминистра. Ну, по крайней мере, тот же Пономарев мог с ним встретиться. У Тараки тоже не ощущалась озабоченность и тревога…

Хотя после возвращения из Гаваны он встречался с афганскими студентами и сказал: «…в нашем обществе афганском появилась раковая опухоль». Что он имел в виду? Многие считают, что это он связывал с Амином.

Это возможно, поскольку после возвращения из Гаваны, из Москвы в Кабул там имел место инцидент с Амином во дворце Тараки. Так что, хотя у него был спокойный вид на пути в Гавану, в действительности он уже знал, подозревал и даже готов был что-то предпринять в связи с Амином. Но кончилось тем, что, наоборот, Амин взял верх, а Тараки не стало.

В то время в Кабуле находился Иван Григорьевич Павловский. Он прибыл со специальным заданием разобраться с состоянием афганских вооруженных сил, что нужно сделать для помощи им в улучшении этого состояния. Никакой рекогносцировки насчет ввода войск, как некоторые считают, он не производил. Кстати, когда Павловский уезжал и говорил с Устиновым и зашел разговор о просьбах афганцев о вводе войск, Устинов тогда ему сказал, и я верю, что он искренне сказал в тот момент, что об этом не может быть и речи. Так что он никаких других поручений не имел.

Ну, что Амин уже выходит из-под контроля, это да, это было уже известно, именно это я имел в виду, когда рассказывал в беседе с Тараки по пути в Гавану. Настороженность в отношении Амина у наших ведомств уже определенно была.

К тому времени уже пошли сведения о возможной связи Амина со спецслужбами Америки, были данные, что его завербовали во время учебы в США. Хотя эти слухи начали циркулировать после того, как Амин взял власть в свои руки.

После смерти Тараки было принято решение вести дела с Амином как с фактическим руководителем. Соответствующее указание было направлено всем нашим представителям в Кабуле. В октябре, вскоре после возвращения из Нью-Йорка с Генассамблеи ООН, Громыко замкнулся и не касался вопросов ввода войск, хотя новые обращения были уже и от Амина в это время. По моей реконструкции, именно в этот период начались колебания, не стоит ли пойти на какие-то активные шаги, может быть, вплоть до ввода войск, для того чтобы не упустить…

Обычно совещания проводились в узком кругу: Устинов, Огарков, Ахромеев, Андропов, Крючков, Пономарев, иногда и Ульяновский.

Совещания проводились в Ореховой комнате. Она расположена между залами заседаний и приемной кабинета Генерального секретаря. Там всегда собирались. Считалось, что когда члены Политбюро собираются или какая-то группа членов Политбюро, то им надлежит встречаться не у кого-то из них по месту работы или жительства, а в расположении апартаментов Политбюро. Эти встречи проходили там, — ну, иногда, когда потом заседала комиссия по Афганистану в более широком составе, с приглашением представителей из Кабула и ведомств, собирались в ЦК, в зале заседаний Секретариата. В рабочем порядке никаких протоколов этих встреч не велось. Если договаривались подготовить предложения для внесения на Политбюро, если нужно было принимать какое-то решение или там указание нашим представителям в Кабуле, ну, тогда они на

уровне замов после этого собирались, готовили эти предложения и вносили для рассмотрения, а протокольных каких-то записей не велось.

Наверное, это сложилось исторически и давным-давно. Хотя не исключаю, что в этом процессе был такой нюанс. Два-три человека — члены Политбюро — встретились неизвестно где и неизвестно о чем говорят, а тут официальная резиденция, и хотя не в полном составе, но Политбюро. Члены Политбюро встречаются для обсуждения тех вопросов, которые Политбюро же поручило им, так сказать, наблюдать и вести.

Что касается прослушивания, я знаю, что службы Госбезопасности тщательно следили и проверяли время от времени все эти помещения в предположении, что они могут прослушиваться, чтобы убедиться, что это не происходит или, во всяком случае, что эти помещения технически защищены.

В декабре, где-то с 8 по 10 декабря, я отсутствовал на работе, так как болел до конца месяца и не знал о происходящем по афганской проблеме.

Как мне после стало известно, Устинов впервые дал устное указание 10 декабря насчет подготовки одной военно-воздушной дивизии и трех, по-моему, мотострелковых дивизий для возможной операции в направлении Афганистана. Но только 12 декабря к концу дня было принято политическое решение на ввод войск в Афганистан. По моим данным, это решение было принято в очень узком составе, это не было заседание Политбюро, участвовали там Брежнев, Андропов, Устинов, Громыко, в чем я твердо уверен, Суслов там был. Косыгина не было, он в это время болел. Тихонов, который исполнял его обязанности, тоже там не присутствовал.

Никакого письменного решения, которое потом поступило бы в МИД, в Министерство обороны или еще куда-то, не было, как я знаю. Устинов после этого своим объявил, что вот принято политическое решение.

Огарков, который был тогда начальником Генштаба, по моим данным, находился в приемной там же, где происходила эта встреча, но в самой комнате, где шел разговор и принималось решение, его не было, его мнение в этот решающий, окончательный момент никто не спрашивал. Устинов вышел и сказал ему: «Вопрос решен. Поехали в Генштаб, надо принимать соответствующие меры». Здесь я могу сказать, но опять-таки основываясь уже на своих разговорах с Огарковым, Ахромеевым, Варенниковым. Они относились отрицательно к вводу войск. Будучи военными, не высказывали каких-то политических возражений против решения, в вопросы высокой политики не

вдавались, но они объясняли свою позицию тем, что эта операция не может быть выполнена силами 70–75 тысяч человек, о которых вначале шла речь, что неизбежно туда мы должны будем посылать все больше и больше, втягиваться, и все равно было неизвестно, сколько потребуется войск для того, чтобы навести там порядок, ссылаясь на пример того же Вьетнама, что у американцев было войск около 650 тысяч, да и невозможно без того, чтобы не выводить войска из Центральной Европы или оголять китайское направление, которое в ту пору было у нас весьма неспокойным. Поэтому они делали вывод, что эта операция бессмысленна и на нее нельзя было идти. Но на это им было сказано, что вы есть генералы, вам надо исполнять решение, а политическое решение как таковое принято.

Насколько я помню и понимаю, задача никем четко не формулировалась и не осознавалась и теми, кто принимал решение. Во всяком случае, когда 24 декабря, по моим данным, Устинов собрал своих заместителей, главкомов, еще кого-то, руководящий состав Министерства обороны и сообщил, что принято решение Политбюро, была долгая молчаливая пауза. До этого об этом знали только несколько человек в Генштабе, в Туркестанском военном округе начали вести подготовку, но даже руководство Министерства обороны не было осведомлено об этом. Он тогда даже не сформулировал задачи и цели ввода войск. В тот же день, правда, впервые в письменном виде, 24 декабря, была подписана Устиновым директива на ввод войск. В письменном виде впервые. Устные распоряжения, начиная с 10 декабря и тем более после 12-го, когда окончательно было решено политическим руководством, отдавались, но письменный документ был подписан 24-го, цель была сформулирована очень и очень в общем: «…с целью оказания интернациональной помощи правительству Демократической Республики Афганистан и пресечения возможных угроз для безопасности Советского Союза». В более конкретной форме, но в ходе устных разговоров, распоряжений речь шла о том, чтобы наши войска были размещены гарнизонами в основных центрах, прежде всего в Кабуле, в провинциальных административных центрах, на аэродромах, тем самым высвободив собственные афганские войска для более активных действий против оппозиционных вооруженных формирований. К тому же некоторые наши товарищи считали, что само присутствие наших войск окажет отрезвляющее влияние на эту оппозицию и все обойдется без больших жертв для нас и более-менее спокойно.

На самом деле все получилось наоборот, всю войну практически уже вели впоследствии наши войска. И, конечно же,

вот этой системы, чтобы наши стояли в гарнизонах и не принимали участия в боевых действиях, не получилось. Уже где-то к концу февраля 80-го года, то есть буквально через два месяца, наши войсковые части начали принимать участие в операциях.

Когда я сказал об этом Андрею Андреевичу Громыко, то оказалось, что он этого не знал, и на ближайшей встрече с коллегами он этот вопрос поднял, вот, дескать, мы с вами договорились, только чтобы они стояли, а поступают сведения уже об их участии в боевых действиях. На это Устинов ответил: «Да, очень просили афганские руководители в порядке проведения отдельных операций оказать помощь по поискам и уничтожению тех отрядов, которые особенно досаждают. Ну, мы с Андроповым посоветовались и такое вот оперативное решение приняли… То есть это не считалось даже каким-то изменением, так сказать, предыдущих решений и политики».

Ввод войск начался 25 декабря в 15:00 московского времени. И нашими военно-транспортными самолетами, направлявшимися в Кабул, и нашими мотострелковыми дивизиями.

Кстати, встречал нашу первую колонну на афганской территории старший брат Амина, который был в то время на севере Афганистана, то есть это для Амина не было действительно неожиданностью. Кое-кто так толкует, что мы действовали даже без ведома Амина, — это абсолютно неправильно, он сам тоже ставил вопросы и, конечно же, был осведомлен.

Могу совершенно определенно и с полной ответственностью сказать, что наше главное внешнеполитическое ведомство, каковым было Министерство иностранных дел, абсолютно не привлекалось. Никто, кроме Громыко как участника принятия этого решения, не привлекался. Насколько я знаю, очень и очень узкий круг высших военных руководителей был посвящен в это…

Операция огромная, последствия политические, военные, какие угодно, огромные… Изначально ничего не просчитывалось, не прорабатывалось разными ведомствами. С даудовской операции, когда его убили, а Пузанов в это время уехал на рыбалку, как он сам рассказывал. После запроса из Москвы узнавали в приемной: убит или не убит. Высшие военные руководители получили указание на проработку возможных последствий — что, как будет, но заблаговременно ничего не было сделано, до принятия решения о вводе.

Практически, даже с точки зрения военно-технической, операция была совершенно неподготовленной. Войска вводились не полностью укомплектованные, из состава непосредственно

Туркестанского военного округа. Из резервистов. И пришлось уже в январе-феврале следующего года менять значительную часть состава, перебрасывать из других округов служивых людей, заменять, вывозить обратно тех, кого впопыхах набрали и завезли в Афганистан. Так что и чисто в военно-техническом отношении она тоже была не подготовлена.

Сегодня я могу определенно и твердо говорить, что Громыко не мог первым высказаться в пользу ввода войск. Сужу по тем обсуждениям, которые у меня были с ним вот до октября, его настрою и его аргументации против моих доводов, и из некоторых разговоров уже после мне было ясно, что не он проявил инициативу. Кто из тройки: Андропов или Устинов, а в основном все-таки тройка определяла в ту пору эти решения, — я мог только догадываться. Я и сейчас не могу с абсолютной уверенностью сказать, что первым высказался Устинов или Андропов, хотя больше я склонялся к тому, что, видимо, первым высказался в пользу этого, как ни прискорбно, Андропов. Я мог об этом догадываться, исходя из того, что я знал настрой его служб, его подчиненных, которые уже в течение какого-то времени были все за все более активные наши действия, вплоть до каких-то операций, пусть краткосрочных, а в общем-то, и более масштабных операций. Но до каких-то пор он не воспринимал это…

Речь идет о разведке, а вернее, об известном первом Главном управлении (ПГУ), представители которого — подчиненные Крючкова; именно они давали информацию насчет подозрений о связи Амина с ЦРУ, насчет того, что это фактически агент американский, что он уведет страну к американцам. Оттуда это шло, и поэтому я не исключаю, хотя абсолютно не уверен, что Андропов мог сказать «а». Устинов же мог довольно быстро сказать «б», а уже вдвоем они дожали и Громыко. Тут я могу сказать, что Андрей Андреевич, это было ему вообще присуще, до тех пор, пока он придерживался какого-то мнения, он аргументированно и твердо, когда это нужно, отстаивал это мнение, возражал против каких-то предложений. Но когда по тем или иным причинам он отступал от этого мнения — то ли его переубедили, то ли он видел, что не может переубедить других и надо отступать, — он перевоплощался. Он становился тогда твердым сторонником принимаемого решения, не просто формально подчиняясь ему, а на глазах преображался. Он даже более умело, чем первоначальные инициаторы, умел обосновать это решение, никаких колебаний сам, ни тем более со стороны своих подчиненных не допускал в каком-то отрицательном отношении к принимаемому решению.

Это было партийное правило — способствовать уже принятому решению, независимо от того, какую позицию ты занимал до него… То есть партийная дисциплина. Далеко не у всех была способность меняться так, что ты вроде бы с самого начала так и считал сам.

Такая черта у него была. Если дело идет к принятию решения и он снимает свои возражения против этого, то он становится очень добросовестным, убежденным, во всяком случае для внешнего мира, сторонником этого решения.

Международный отдел в лице Пономарева уже с самого начала и самым активным образом был вовлечен в афганские дела, в то, что касается посылки туда партийных советников, других хозяйственных и прочих советников, этим они занимались. Малейшие просьбы из Кабула: вот пришлите еще, пришлите еще, — обычно организовывались самими же нашими товарищами, активно поддерживались, тут же готовилось решение, оформлялось, посылали. Попытки уговорить не делать этого пока всегда кончались ничем, тем более что Андрей Андреевич Громыко в этих случаях считал, что это «их дело». Он тщательно следил, чтобы Международный отдел не совал свой нос в американские, германские дела, еще какие-то вопросы большой политики, а там, где касается идеологической подоплеки, сферы третьего мира, тем более страны социалистической ориентации, тут он волю давал Международному отделу.

Не сомневаюсь, уж кто-кто, а Пономарев возражать против ввода войск наверняка не стал бы. Принимал ли он активное участие в обсуждении решения, я просто не знаю.

Что касается Комитета, то это была наиболее активная сторона в этих вопросах, исходившая из представления о том, что разведка должна не просто собирать и докладывать информацию, а играть активную роль в нашей внешней политике. Что я всегда считал неправильным, но что поддерживалось и Андроповым, он считал это важным и гордился активной ролью разведки во внешнеполитических делах, и это было как бы само собой разумеющимся. Вряд ли это, как и в данном случае, шло на пользу.

Информацию из посольства направляли и само посольство непосредственно, то есть его дипломатическая часть, посылала и разведка КГБ, и военная — там и разведка, и советнический аппарат, это к тому же были разные службы… В КГБ тоже был советнический аппарат, но они действовали совместно с резидентурой, обычно информация у них была нераздельная, общая.

Информация, надо сказать, довольно часто была очень разноплановой — от одних одно, от других — другое. Между собой они не координировались и часто придерживались разных точек зрения, ну, даже если брать военную линию, то советнический аппарат мог так оценивать ситуацию, а резидентура по-другому. Это не редкость была.

Если брать различие между комитетской службой и военными, то военные — те и другие — всегда были более осторожными, большей сдержанности и трезвости. Далеко не во всем и не всегда, но сравнительно. И если брать еще вот военных, в смысле советнического аппарата и непосредственно разведки, то тут советнический аппарат, насколько я вспоминаю, был еще трезвее и правдивей в своих оценках. А КГБ, они-то как раз, исходя из самой посылки о том, что надо более активно действовать, естественно, информацию направляли соответствующую, которая оправдывала бы эту линию. Их представители были далековаты от реальной обстановки в стране.

В их информации преобладала забота о государственной безопасности, это и естественно, и так обычно и формулировалось, — это что касается аргументации. Побудительные мотивы за этой информацией, особенно за предложениями насчет каких-то более активных действий, исходили из самого представления о том, что разведка должна играть активную роль, подталкивать к каким-то конкретным мероприятиям, а не просто информировать. И предоставлять кому-то возможность делать выводы и принимать решения.

Необходимо подчеркнуть, что в этот период, с ноября по декабрь, уже произошла смена послов, Пузанов уехал, Табеев только приехал, и по-настоящему обстоятельной, взвешенной информации от истинно посольской части в общем-то не было, и, к сожалению, Табеев, когда там появился, нередко присоединялся к оценкам резидентуры КГБ. Ну, тут можно понять: своего еще никакого опыта, представления у него не было, та служба считалась наиболее информированной, поэтому и могло это происходить.

Пузанов был уже на исходе в любом случае. И по состоянию здоровья, и поскольку принималось решение о серьезной акции, считалось, что он не сможет выполнять новую роль. Он был более тесно связан с Тараки, потом с тем же Амином, а тут надо сменить всю сцену, на которой действие будет происходить… И потом уже он говорил, что он не за такое развитие событий, и я вполне это допускаю, но его мнением никто особенно и не интересовался, как и в других случаях мнениями послов, к

сожалению.

Кто бы ни сказал первым «а», эта тройка после перехода на позиции за ввод войск действительно руководствовалась своими представлениями об обеспечении нашей безопасности, об угрозе этой безопасности, которая может исходить из Пакистана, если там окажутся американцы, с одной стороны. А с другой стороны — из ложных, я уверен, представлений о том, что сравнительно легко можно предотвратить эту опасность путем ввода наших войск. Но вот и над тем, и над другим, по моим ощущениям, висело нечто идеологическое, которое исходило из того, что если мы потеряем Афганистан, то не просто соседнюю страну, допустим, как Иран, где и без того американцы уже были, и тем более Турция. А эта вот страна не просто соседняя, а завтрашний, так сказать, член социалистического содружества. То есть вот это представление об Афганистане как стране, ставшей на путь строительства социализма, в моем представлении, довлело над этим. В какой мере тут сказывалась аргументация, допустим, того же Суслова в каких-то внутренних обсуждениях в этот период, точно я не могу сказать, поскольку не был участником.

Решения Политбюро, письменно оформленного или каким-то другим образом, не было. Ничего не было. По Министерству обороны было Постановление Совета Министров по вопросам финансирования, льгот, личного состава, находящегося в Афганистане, и то через некоторое время оно было отозвано. Никаких других постановлений, решений Политбюро, Президиума Верховного Совета и т. д. в Минобороны не поступало, и, по-моему, они и не оформлялись. То есть в течение десяти лет шла война, юридически не оформленная.

Принявшие это решение товарищи, в общем-то, придавали немалое значение тому, чтобы каким-то образом это решение было одобрено более широким форумом в лице всего ЦК. И на июньском пленуме ЦК в 1980 году была информация по этому поводу. Единогласно, без всякого обсуждения, было принято решение «одобрить», очень краткая формулировка, без всякого обоснования, одобрить ввод ограниченного воинского контингента в Афганистан.

Я тогда еще не был членом ЦК, но впервые присутствовал в качестве приглашенного на этом заседании. Тогда по наивности удивился, что никто не только не выступил с каким-то несогласием, но даже вопросов никаких руководству не было задано, ничего. Была информация, и все дружно проголосовали одобрить, в том числе и те члены ЦК, которые потом, спустя пять лет, обличали, и кляли, и осуждали и т. д.

В то время никто ни слова не то что против, даже вопросов не

задал. Я, может быть, ошибаюсь, но я думаю, что если бы развернулось в ту пору в июне 1980 года такое обсуждение, наверняка высказывавшиеся против или выражавшие какое-то сомнение пострадали бы; но, если бы было такое обсуждение, может быть, это еще как-то сказалось бы. В то время мы еще не очень сильно увязли, и, может быть, не было бы такой длительной, такой кровавой миссии нашей в Афганистане.

Отношения Л. И. Брежнева с тройкой были самыми дружественными и теплыми. Все, можно сказать, были на короткой ноге с ним. Хотя, скажем, с Устиновым он был особенно близок по своим прежним временам сотрудничества в области космоса, вообще военной техники, в ту пору, когда Брежнев был действующей и работающей фигурой. С Андроповым у него тоже были довольно близкие, дружеские отношения, но, по-моему, менее близкие, чем с Устиновым. Менее близкие и дружественные отношения были с Громыко. Беда в том, что уже к концу 1979 года Брежнев был неработоспособен.

И самостоятельно мыслить, самостоятельно принимать какие-то решения он, в общем-то, не мог. И практически целиком и в данном случае полагался на то, что считают эти люди плюс Суслов… К Суслову он до последнего времени относился, по моим наблюдениям, с уважением, особенно в вопросах, касающихся международных, идеологических дел. Во многом полагался на него. Поэтому для него было достаточно того, что вот Суслов и эта тройка высказались «за», самостоятельного «за» или «против» у него уже не могло быть в ту пору.

Попыток предупредить или объяснить подобное развитие событий практически не было. Более того, было требование особой секретности, чтобы это неожиданно было, никаких упреждающих шагов, которые смягчили бы, хотя вряд ли бы они и смягчили, но, тем не менее, они не предпринимались. Первые дни мы молчали и делали вид, что ничего не происходит. К нам обращались американцы 25, 26, 27 декабря, что «вот мы знаем, видим, что движутся войска»…

Мы отмалчивались, мы ничего не объясняли. Потом, через несколько дней, начали чем-то аргументировать, объяснять, а предварительных, упреждающих каких-то шагов не было. Вот в том и беда, одна из больших бед — не были взвешены все последствия, я уверен, что не допускалось, что все так тяжело будет в последующий период проходить. Думаю, при принятии самого решения во многом сказывалось то, что отношения наши с Западом к этому времени были существенно подпорчены. Был фактически уже обречен договор СОЛ-2 еще до Афганистана, а сам Афганистан последний гвоздь в гроб загнал, но обречен он

был еще до этого.

12 декабря было принято решение НАТО о размещении ракет среднего радиуса действия в Европе, накопился к этому времени ряд других событий, которые говорили о том, что наши отношения с Западом заметно ухудшились и имели на тот момент перспективы дальнейшего ухудшения. Наверное, эти соображения тоже присутствовали. Да, будут последствия политические, да, будет, конечно, резкая реакция Запада, но и без этого уже отношения с Западом довольно сильно были испорчены.

25 декабря в Кабуле начали высаживаться первые самолеты с войсками. Наверное, и это было на Западе воспринято как ввод войск. Мы, может быть, из-за этого дали дату — 27-е, хотя фактически ввод войск начался 25-го. После этого сразу последовал, конечно, взрыв общественного мнения. И тогда только начали думать, а раньше думать никто не мог о наших шагах в ООН. Начали готовиться и рассылаться указания послам о проведении с руководством стран бесед, объясняющих ситуацию. Основные аргументы там были такие, что, с одной стороны, это вынужденный шаг по просьбе правительства, на основе договора, на основе Устава ООН, в связи, прежде всего, с внешними агрессивными действиями; с другой стороны, что никаких своих собственных целей Советский Союз не преследует. И как только будет прекращена внешняя агрессия в отношении Афганистана, отпадет необходимость, войска будут выведены. Такая разъяснительная работа начала вестись. Она не была, конечно, очень убедительной, как показал опыт, и не могла, наверное, быть в этих условиях убедительной. Но тогда эта работа началась.

Когда же началось все-таки отрезвление и понимание того, что люди, которые выступали против ввода войск, были правы, то у тех, кто с самого начала были против подобных действий, или, во всяком случае, сомневались, высказывали эти сомнения, отрезвление тем более наступило быстро. У других оно было постепенным. К сожалению, у некоторых оно до самого конца не наступило. К концу 1980 года и, во всяком случае, в 1981 году все больше и больше, в том числе и в высшем эшелоне, вызревало мнение о том, что военным путем проблему не решить.

Надо было искать какие-то другие пути решения. К осени 1981 года внутри МИДа и по инициативе самого же МИДа были подготовлены предложения о том, чтобы начать какой-то дипломатический процесс. Этот процесс в конечном счете вел бы к мирному урегулированию и к выводу войск. Тот же Андропов, который к этому времени стал вторым лицом в партии после

смерти Суслова, и тот же Устинов, в общем-то, поддержали Громыко, и после этого были внесены предложения, чтобы организовать под эгидой ООН непрямые переговоры между Афганистаном и Пакистаном по вопросам мирного урегулирования. Путь впереди был еще очень долгим, но вот завязка этого процесса свидетельствовала уже о понимании необходимости искать какие-то пути выхода из создавшейся ситуации, не надеясь на то, что вооруженным путем удастся навести порядок, укрепить этот режим.

Что касается операции, то по линии МИДа никаких указаний посольству не было, и мы сами ничего по этому поводу не знали. Но я лично уверен в том, что решение об устранении тем или иным путем Амина — это было составной частью самого решения о вводе войск, а иначе зачем нужно было везти туда Бабрака Кармаля? Явно это было заранее определено и решено, что Амина должен сместить Бабрак Кармаль.

Андропов, уже будучи секретарем ЦК, поддержал предложение МИДа, и, собственно, даже он, по-моему, и подписывал наряду с Громыко, Устиновым, Чебриковым и Федорчуком тогда записку с этими предложениями. Насчет начала процесса никто не знал, как, когда и чем кончится. Но все-таки нацеленность была ясна — на мирное урегулирование, что создало бы условия для вывода войск.

В ту пору было определенное различие между комитетской линией и позицией Андропова как второго человека в партии. Когда он стал уже Генеральным секретарем ЦК, тогда его настрой на поиски выхода из Афганистана стал еще более определенным. Я в этом наиболее зримо и явственно убедился, когда в марте 1983 года он принимал Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, в конце марта это было, и когда он ему четко и ясно сказал, что мы за мирное урегулирование конфликта, которое позволило бы вывести советские войска. Не остановился на этой общей констатации, а перечислил пять мотивов, по которым мы придерживаемся установки на мирное урегулирование. Он так, загибая пальцы, говорил: «Сложившаяся ситуация портит, осложняет наши отношения, во-первых, с Западом, во-вторых, с социалистическими странами, в-третьих, с исламским миром, в-четвертых, со всем остальным третьим миром и, в-пятых, что не менее важно, она очень болезненна для внутреннего положения Советского Союза, его экономики и общества».

Я хорошо вот эту формулу, особенно концовку, запомнил. Потом Перес де Куэльяр мне говорил, и Кордовес присутствовал при этом, что это не просто общая фраза, что мы за вывод, а они почувствовали, что за этим кроется серьезное намерение.

Андропов был достаточно талантливый политик… Я уверен, что это отражало его искреннюю позицию. Это подтверждается тем, что через некоторое время после этого, где-то в середине июля, в Москве находился Бабрак Кармаль, и Юрий Владимирович, хотя чувствовал себя неважно, в этот момент он был в больнице, тем не менее, твердо решил побеседовать с Кармалем. Готовили мы для него соответствующий материал. В связи с этим представленным ему материалом он сам позвонил мне с просьбой уточнить какую-то деталь в этом материале, но потом завел разговор вообще о концепции беседы с Бабраком. Он согласился с предложенной концепцией и добавил от себя, что «я ему скажу совершенно четко, чтобы он не рассчитывал на длительное пребывание советских войск в Афганистане». Он не называл конкретного срока, но предупреждал, чтобы не рассчитывал на длительное время. И что ему нужно расширять базу своего режима политическими методами. И такой разговор действительно в довольно жесткой форме с Бабраком Кармалем состоялся. Но, к сожалению, на Кармаля это впечатления, как скоро мы убедились, не произвело. У него было довольно твердое убеждение, что мы очень заинтересованы быть в Афганистане, что мы оттуда не уйдем, поэтому все эти разговоры он всерьез не воспринимал. Ну а Юрию Владимировичу не оставалось достаточно времени для того, чтобы довести до конца решение этого вопроса. Должен добавить, что в те годы могло и не получиться еще, поскольку американцы, как и другие западники, еще довольно длительное время потирали руки в связи с нашим нахождением в Афганистане, что мы увязли там. Они публично говорили одно, а в общем-то понимали, что наши позиции, особенно в третьем мире, подрывают наши действия в Афганистане.

Многие, во всяком случае, там считали, что надо как можно дольше держать русских, и, в частности, в том же 1983 году, когда наметилось довольно существенное продвижение на афгано-пакистанских переговорах, в которых мы фактически постоянно участвовали, только за Кулисами, и Кармаль заявил, что документы готовы на 95 процентов, американцы всполошились, и у нас были доказательства того, что они нажали на пакистанцев и притормозили продвижение на этих переговорах. Поэтому в 1983 году, когда был жив Андропов, и даже в 1984 году могло еще и не получиться с решением этого вопроса. Но что нацеленность в те годы была по возможности на быстрейшее завершение — у меня нет сомнений.

Информация фактически не изменилась, но изменилось понимание Андроповым и рядом других здравомыслящих

руководителей, что в действительности получается, а что не получается…

То, что он оказался в роли первого человека в партии и государстве, неизбежно сказалось на его подходе.

Горбачев к тому времени уже был секретарем ЦК и проявлял немалый интерес и к вопросам внешней политики. Но на заседаниях Политбюро, во всяком случае, со своими выступлениями, мнениями и суждениями не влезал, то есть внешней политики не касался. В одной из наших с ним бесед он сказал: «А ты знаешь, большое впечатление на меня произвел по афганским событиям мой разговор с Кадыром». Кадыр приезжал после того, как Андропов вступил в должность Генерального секретаря. Записей беседы нет, помнит о содержании только переводчица, которая в настоящее время проживает в Венгрии, Кадыр был единственным человеком, который говорил Андропову всю правду в глаза. Кадыр говорил острую правду. Он как-то высказал свою оценку всего того, что мы делаем в Афганистане. Впоследствии Андропов заявил: «Вот ты знаешь, умный человек Кадыр. Он считает, что Афганистан сейчас работает на разъединение стран Варшавского договора, на осложнение нашего положения внутри Советского Союза». Горбачева же он неоднократно осаждал, когда тот пытался высказывать свои мнения по внешнеполитическим вопросам: «Ты посиди, посиди, Миша, до сельского хозяйства дойдем».

С приходом Горбачева на пост Генерального секретаря в 1985 году он очень быстро обозначил свою установку на быстрейшее, по возможности, решение афганской проблемы — такое решение, которое позволило бы вывести наши войска. Вначале это была именно принципиальная, общая установка. Но впереди был еще очень длинный и нелегкий путь, поскольку при всей важности такой принципиальной установки было, конечно, очень важно обеспечить скоординированное, правильное взаимодействие различных ведомств, различных людей для выполнения этой установки.

В дальнейшем выводить войска оказалось не менее сложно, чем вводить. Видимо, даже более сложно, потому что там потребовалось всего 12 дней безо всякой проработки, а здесь несколько лет.

Практически к этому времени никто фактически не перечил тому, что надо решать вопрос о плане вывода. Упиралось все в то, а каким Афганистан останется? Каким мы его оставим после вывода войск? И тут начинался совершеннейший разброд. Одна линия была на создание некоего коалиционного режима, в котором НДПА занимала бы очень скромное, но законное место,

чтобы не кончилось тем, что их поголовно вырежут потом, то есть трансформировать, пока там наши войска, с нашей помощью. И, прямо скажем, при определенном взаимодействии и с Западом, который не был заинтересован в победе фундаменталистов. В то же время — чтобы Афганистан оставался нейтральным к нам в военном отношении. А в политическом отношении — не враждебной нам страной. Рассчитывать в ту пору, что это будет очень дружественная страна для нас, мы прямо говорили об этом, было невозможно.

Другую линию олицетворяли, прежде всего, Шеварднадзе и Крючков, который тогда был заместителем председателя Комитета государственной безопасности. Они отстаивали такие практические шаги, которые, в общем, были нацелены на иллюзорные представления о том, что режим этот может сохраниться. Во всяком случае, если не как полновластный, то как определяющий фактор в этой стране и после нашего ухода. К сожалению, наш лидер Горбачев, на словах вихляя то в одну, то в другую сторону, во многом предоставлял свободу рук скорее представителям второй точки зрения.

Допустим, Горбачев с нашей же подачи, с использованием наших заготовок говорит Наджибулле: вы должны поделиться минимум половиной реальной власти с оппозицией для того, чтобы создавать какие-то коалиционные органы власти. Тут же в беседах того же Шеварднадзе, Крючкова с Наджибуллой эта установка подменяется рекомендацией поделиться половиной портфелей министерских, да еще дается совет: вот вы разделите одно министерство, другое, чтобы побольше было этих портфелей, которые можно будет оппозиции раздавать. Причем портфели не первостепенной важности, но по количеству пусть это будет половина или больше половины. Вот раздавайте эти портфели. То есть были совершенно разные установки. Естественно, очереди за такими портфелями не установилось и не было никакого шанса на создание такого коалиционного правительства. С подачи именно тех же товарищей в 1987 году возникла идея, что президентом должен стать Наджибулла. Якобы лидер НДПА должен быть главой государства, то есть стать компромиссной фигурой для осуществления политики национального примирения. Горбачев пытался втолковать это Наджибулле, который был вначале растерян подобной постановкой вопроса. Но после празднования 70-летия Великой Октябрьской Социалистической революции и бесед с Шеварднадзе и некоторыми другими товарищами у Наджибуллы появляется совершенно новое толкование того, что ему говорил Горбачев. Вроде бы Горбачев ему говорил не о том, он должен

быть там один из 3–4 кандидатов, а что просто его одного на Лойе Джирге должна выдвинуть не только НДПА, но еще 2–3 какие-то партии или организации. То есть опять с ног на голову. Так оно и произошло, и, конечно, единогласно или почти он был избран президентом, но что дальше происходило, мы знаем.

При Черненко продолжали действовать все установки, которые имели место во времена Андропова. И при нем процесс непрямых переговоров и поисков путей развязывания узелков, которые бы пригодились потом для окончательного урегулирования, продолжался. Без каких-либо активных действий со стороны Горбачева к маю 1985 года в результате предшествующего процесса переговоров документы по урегулированию были согласованы, не побоюсь сказать, на 98 процентов. Хотя два процента были самые трудные, поскольку они касались именно точных сроков вывода, условий, порядка вывода, но при всей важности этого не менее важны были многие другие положения, которые требовались в то время, и они уже были выработаны. При Черненко процесс не остановился, и ничего с его стороны не мешало реализации этого процесса.

Начиная с ввода войск и в ходе всех последующих событий ни у кого из наших военных, того же Устинова как министра или других каких-то деятелей, не улавливался элемент того, что нам нужно присутствовать в Афганистане с военно-стратегической точки зрения, тем более в наших интересах продвижения на юг: к Персидскому заливу.

В органах НАТО и на других узких совещаниях западных спецслужб, конечно же, потирали руки: как это здорово, что тут Советский Союз в связи с Афганистаном сел в лужу и не надо делать что-либо, чтобы он быстро из этой ситуации не выпутался.

Представляется небезынтересным упомянуть о периоде конец 1987 — начало 1988 года, то есть канун подписания Женевских соглашений, после которых вывод начался. Это был очень критический и ответственный момент. Во-первых, к концу 1987 года после визита Горбачева в США у американцев окончательно одержали верх те, кто считал, что надо по-хорошему выпустить Советский Союз из Афганистана. У них внутри даже существовали термины: были «блидес» — кровопускатели, которые считали, что Советский Союз пусть там проливает кровь, и чем больше, тем лучше, а другие, они назывались «рилас», — что надо уладить как-то это дело. К концу 1987 года окончательно одержали верх вторые, в частности Шульц, которые сочли: да, надо дать уйти оттуда по-хорошему. Наступил момент, когда надо было ковать железо, пока оно горячо. Между тем в Женеве на переговорах снова вырисовывался тупик. Пакистанцы,

при молчаливом согласии США, несмотря на такое принципиальное решение, пытались выторговать максимум выгодных для себя условий. С другой стороны, надо прямо сказать, что наши подсказки, имею в виду конкретно Шеварднадзе, афганцам по тактике переговоров, на этом этапе особенно, были не самые удачные. В частности, вопрос не очень и большой — формулировка прохождения границы, под которой подразумевалась линия Дюранда, а афганцам признать прямо это нежелательно было. Выход можно было найти, и он уже вырисовывался, но Шеварднадзе подсказал Вакилю и индусам, чтобы, возражая против этой формулировки, афганцы сослались на то, что она неприемлема для Индии. И индусы подтвердили это. Но как такое сказать пакистанцам? Это что быку красную тряпку показать.

Они ужесточили свою позицию, и это затормозило переговоры не на одну неделю. При этом замминистра МИДа Пакистана откровенно говорил потом Воронцову — у нас уже была компромиссная формулировка, мы вот-вот хотели ее внести, а эта ссылка на Индию исключает эту возможность. И ряд таких вот шагов. Возник момент, когда надо было какой-то сильный импульс получить, так что в январе 1988 года я оказался в Вашингтоне. Поговорив с Шульцем, причем конфиденциально, с Пауэлом — помощником по национальной безопасности, с другими старыми знакомыми, которые были весьма осведомлены в настроениях, я пришел к выводу, что решающее значение может иметь то, что мы в ближайшее время назовем неусложненную формулу решения проблемы. Назовем конкретную дату, с которой мы готовы начать вывод наших войск. Такую дату и такие сроки, которые откроют для Рейгана перспективу, что войска уйдут до его ухода из Белого дома. То есть он в свой актив запишет, что выгнал советские войска из Афганистана. Этого будет достаточно для того, чтобы остающиеся колебания были преодолены и чтобы Вашингтон приложил все силы к тому, чтобы было осуществлено быстрейшее заключение соглашений и состоялся вывод войск.

По возвращении в Москву я об этом доложил, предложил конкретную дату и какая вся формула должна быть. Категорически восстал против этого Шеварднадзе. «Нельзя вот так конкретно связывать себе руки и ставить под удар Наджибуллу и т. д.». Было решено выступить Горбачеву с заявлением по Афганистану в начале февраля. Но максимум, на что согласился Шеварднадзе, чтобы там была формулировка, что вывод войск можно было бы начать где-то в мае месяце, если бы в феврале-марте были подписаны соглашения, хотя уже было

начало февраля. И в феврале они подписаны не были. Ну, то есть это явно не то, что могло бы создать импульс. Но он на этом настоял, за заявление с такой формулировкой проголосовали все члены Политбюро. Крючков улетел в Кабул знакомить с этим заявлением Наджибуллу. Но в конечном итоге Горбачев согласился с переданной мной формулировкой, собственноручно вписал, что правительство Советского Союза и Республика Афганистан договорились начать вывод войск 15 мая 1988 года.

К этому привязывались все остальные положения. Путь для отступления был отрезан. Действительно, мы перекладывали всю ответственность на американцев, на Пакистан. Мы объявили дату. Если вы сорвете эту дату, всем будет ясно почему. И с этого момента пошел быстрый процесс завершения подготовки документов и их подписания. Вспоминаю в связи с этим, что, к сожалению, я сам читал фразы о том, что именно Шеварднадзе вывел наши войска из Афганистана. Конечно же, он не был против вывода. Но практические его шаги в афганских делах далеко не ускоряли вывод. И когда он, это было в 1991 году, снова стал министром иностранных дел, я помню, в интервью «Независимой газете» ему был задан вопрос: не могли ли мы хоть на год раньше вывести войска? Он сказал: «Нет, не могли. Общество было не готово». Это ерунда, конечно, общество-то было готово давным-давно, но, к сожалению, то, как велись дела с 1985 года при принципиальной установке на быстрейший вывод, этот процесс растянулся на много лет…

Делится своими воспоминаниями Леонид Митрофанович ЗАМЯТИН (бывший руководитель международного отдела ЦК КПСС)

Мероприятия и действия вокруг Афганистана, пожалуй, начались с апреля 1978 года. То есть тогда, когда пришла к власти группировка после Дауда… Даудовский инцидент совершенно не ясен для нас, когда был совершен переворот. Чьими руками был убит Дауд — неизвестно.

К власти пришли офицеры из НДПА этого самого Национального фронта, Демократического фронта, то есть «Хальк» и «Парчам».

И в апреле 78-го года, по существу, сложилась новая структура власти. Нет короля, нет феодального строя, пришла социалистическая группировка. И вот сложился новый этап развития советско-афганских отношений. Так ли это? Действительно так. Как мы тогда восприняли эти события? Ну, первое: мы не знали, кто и как произвел этот переворот. Мы, в общем, узнали по английскому радио, что вот такие события произошли. МИД запросил Пузанова, который был там в качестве посла. Я вам скажу, как в эти республики назначали послов с хрущевского времени. Некуда деть человека…

Один из предшественников Пузанова был Антонов — министр мясо-молочной промышленности СССР. Развалил всю промышленность — его послали туда. Затем его сменили, потому что он не справился. Но он там был почти пять лет. Послали Пузанова, который развалил Гостелерадио и где-то в Совмине еще был, и вот, когда наступил момент, когда спросили, что произошло в Афганистане, ответ был такой: я должен посетить МИД и узнать, что там происходит. И мы узнали об Апрельской революции. В Центре узнали из сообщений английского радио. Хотя у нас в Афганистане уже были наши люди, были советники. То есть мы о факте происшедшего узнали со стороны. Но самой оценки происшедшего не дали. Что одолевало наших руководителей? Особенно Пономарева, Суслова, которые считали, что они знают Восток. Так или не так, трудно сказать, но у них были советники. Был Ульяновский такой, он определял политику у Пономарева восточную. Было такое мнение: раз там произошли события, которые приведут к социалистическому строю в этой стране, мы должны поддержать этот строй. Когда говорили, что

страна феодальная, на это отвечали: ну а Монголия прошла же эти стадии, так давайте поддержим социализм. И отсюда идеологически мы готовили себя к тому, чтобы поддержать развитие социализма в этой сугубо феодальной стране. Это показало, что мы не знали эту страну, что англичане 30 лет воевали для того, чтобы ее прижать к своему владычеству, — ничего не вышло, они ушли, но мы и эту историю забыли. Вот ведь в чем дело. Отсюда и пошло развитие событий, вот ведь где начало. Это — первое. Второе — это то, что нас провоцировали. В то время определенные силы провоцировали приход Картера, приход Бжезинского к власти в Америке. Искали повод, как заставить Россию втянуться в какой-то большой конфликт, потому что на всем имидже Соединенных Штатов стоял вьетнамский ожог, и они не могли отмыться от этого. И отсюда у Бжезинского появилась теория, что мир развивается по схеме распространения «зеленого подбрюшья». То есть исламизма. И действительно так. И потом его теория начала подтверждаться. Иранские события: выгоняют американцев из Ирана. Это уже 79-й год. Это уже позднее, это с революцией не связано, но американская разведка работала. Работала через нашу разведку, и наш КГБ активно доказывал, что мы должны сейчас изучать положение, а наши идеологи говорили, что мы Афганистан отдать не можем, мы — с Афганистаном: первая Страна Советов установила отношения сразу после революции.

Даже в гитлеровскую войну мы сохранили Афганистан нейтральным государством. Как же мы можем сейчас отдать его исламизму. Наши республики в какой-то степени перекликаются с сегодняшним днем… Мы не удержали Наджибуллу, исламизм начал лезть в наши среднеазиатские республики, в какой-то степени анализ был правильный, Бжезинский же не дурак был. Ну а мы были одержимы этой идеей социализации. И отсюда мы в первый заход свой направили огромное количество наших советников.

Я помню свой спор с Борисом Николаевичем Пономаревым после одного совещания, когда Центральному Комитету комсомола было дано поручение направить советников по комсомолу и по пионерским организациям. Я говорю: «Борис Николаевич, я был недавно в Афганистане. Вы посмотрите, девочки ходят в чадре, еще и закрывают лицо, они даже не дошли еще до того, чтобы открыть глаза, как в других исламских республиках, как же мы им пионерские галстуки будем надевать, глупо это». Он мне говорит: «Вы знаете, нужна разъяснительная работа, и мы должны создавать социалистические предпосылки в этой стране». Был такой разговор. И вот мы постепенно вползли в

то, что в марте 1979-го во главе государства встал Тараки — известный поэт, писатель Афганистана, но абсолютно малоизвестный кому-либо государственный деятель, который исходил из того, что на Москву надо нажимать и Москва нам поможет удержаться у власти.

Первая попытка переворота против Тараки была в марте 79-го года. После этого мы усилили группу военных советников. Мы усилили Тараки, мы сменили, по существу, его окружение. Уже обед ему подавали наши официантки, уже охрана была из нашего 9-го управления, и так далее, и так далее.

Но это еще не приняло тех масштабов, которые были позднее, уже у Бабрака.

В августе Тараки начал беспокоиться тем, что Фалин сказал на Конституционном суде, что американцы и Пакистан, в общем-то, работали над тем, чтобы в Афганистане не допустить советизации, не допустить его социалистического духа. Потому что для них Афганистан — это тоже было королевство, которое находилось в сфере влияния сначала Великобритании многие годы, а потом, во времена Гитлера, все офицерство проходило через фашистскую подготовку. Но к нам Захир-шах относился очень лояльно. Он считал, что — большой сосед, зачем надо с ним спорить. После 29-го года, когда мы усмирили положение во всех среднеазиатских республиках, мы считали, что национализм успокоился, и тот считал, что граница спокойна.

А была ли она спокойна — другой вопрос, можно привести примеры… Этими событиями мы подходим к тому, что в мае после этого переворота был неофициальный визит Тараки в Москву, где он требовал, чтобы мы ввели войска. Он имел несколько разговоров с Косыгиным, и Косыгин убеждал его в том, что мы не можем пойти на ввод войск, что они сами должны справиться с ситуацией, и это была наша концепция до августа 79-го года.

Тараки звонил, по моим данным, 12 раз. Причем мы действительно вышли, это и у Корниенко есть, и я сам был свидетелем, когда Косыгин разговаривал с Тараки, он с ним по открытому телефону специально разговаривал, чтобы западники слышали, что мы говорим. Косыгин доказывал, что мы ввести войска не можем.

В августе вдруг Тараки решил поехать по приглашению Кастро на Кубу. Какое-то празднество там было, черт его знает, мы были против этого. Он сделал остановку в Москве. Вот Корниенко рассказывает, как он с ним встречался здесь. Но… Его принял Брежнев, и на Брежнева он произвел очень большое впечатление. Брежнев был человек очень впечатлительный,

слезливый в тот период. С 76-го года Брежнев был наполовину паралитиком, после инсульта он уже еле ногами двигал, у него наступили быстро старческие симптомы и прочее. И Тараки на него произвел впечатление человеческим своим обликом, и когда в сентябре 79-го года удушили Тараки — его удушили подушкой, вот где-то есть запись, я ее должен найти, рассказала жена Тараки, — пленка, как душили ее мужа. Она есть, пленка. У меня был текст, мне приносили его, я его отдал Боровику, но это не пленка была, Боровик говорит, надо было найти пленку. Его удушили подушкой. Кто? Амин. Человек, который был его единокровный брат по управлению новым Афганистаном. И вот после удушения Тараки Х. Амин пришел к власти, и вот тут у нас разыгрались эмоции. Какие это были эмоции?

Брежнев не мог понять, как это мы допустили удушение Н. М. Тараки. Как так государственного лидера можно удушить, что же наши люди там делали и как смотрели.

Начали подбрасывать разные теории. Амин тоже был за ввод советских войск, мы пошли по линии разведки, и военной, и нашей. У нас уже были советники, там была группа генерала И. Павловского, но войск еще не было. Это середина 79-го года. Павловский доказывал, и очень реально — он был Главнокомандующий Сухопутными войсками, — что вводить войска нельзя, что мы увязнем. Что 70 тысяч наших войск ничего не решат, причем просил Амин уже, что все это нереальные вещи. На что Устинов говорил: «Наше присутствие отрезвит афганцев — и Пакистан, и Афганистан, и феодальные круги, отрезвит присутствие наших». Ну, три месяца мы побудем там, ну что особенного, воевать мы не будем, отмобилизуем войска, вот ведь какая концепция была.

С другой стороны, идеологи типа Пономарева, Суслова, других говорили, что надо укреплять социалистические начала. Ну, появился момент. Уже после иранских событий, когда американцев выгнали из Ирана, их посольство в Тегеране оккупировали, Картер, Бжезинский начали подбрасывать через все каналы информацию, что идет процесс исламизации «подбрюшья» нашего (российского), и вообще от Ирана до Пакистана все будет зеленое скоро, поэтому силы, которые нас провоцировали, давали, в том числе из Вашингтона, сообщения такого плана, что Амин начал действовать и вступил в контакт с американцами. Что Амин, кажется, через своего брата сейчас ведет определенную работу, ищет контактов с американцами и что эти контакты могут привести к тому, что может быть не такая быстрая социалистическая ориентация, тем более что растут противоречия между «Хальком» и «Парчамом», то есть двумя

частями одной псевдосоциалистической партии, еще не окрепшей социалистической партии в условиях феодализма. Это еще не партия, это по существу военное противостояние двух группировок, за которыми стояли определенные политические силы. И вот когда повеяло слухами о том, что американцы могут как-то повлиять на Амина, тут-то уж наши начали всерьез обсуждать: а как же защитить развитие социалистических начал в Афганистане. Вот здесь начала действовать теория Дмитрия Федоровича Устинова — возможность присутствия наших войск. (Хотя нужно иметь в виду, что эта теория была навязана Устинову Андроповым. — *Н.П.)* Тем более что Амин, повторяю, что он не отрицал просьб Тараки о том, чтобы советские войска все-таки были. Потому что он считал, что это будет опора. После убийства Тараки мы усилили свою «кагэбэшную» группу, значительно усилили. В Афганистан отправился по существу представитель Председателя Комитета госбезопасности генерал-лейтенант Б. Иванов.

Б. Иванов возглавил всю эту группу Комитета Государственной безопасности. Его информации, по сравнению с тем, что Министерство иностранных дел давало, конечно же, проигрывали с точки зрения фактов. Только потому, что служба Комитета Госбезопасности была непосредственно и в охране Амина, и в окружении Амина, и вместе с тем были подготовлены специальные группы, которые мы теперь называем типа «Альфа», которые были переброшены на случай возникновения каких-то чрезвычайных обстоятельств в Афганистане. Эти группы были. И когда события зашли так далеко, это уже было где-то такое предрешено, но, может быть, еще не окончательно, что все-таки присутствие наших войск возможно в Афганистане, то вы знаете, что произошли печальные события с Амином. Группы штурма, группы захвата, группы смешанные, в основном это «кагэбэшные» группы были, на бронетранспортерах они атаковали президентский дворец, и во время этой операции, перестрелки с охраной Амина, а в охране Амина были и наши представители, нашей охраны, Амин, короче говоря, был убит. Кем он был убит? И мы уже готовим нового человека…

— Я хочу, чтобы вы подчеркнули…

— Я выскажу свою точку зрения на этот счет.

Потому что, в общем-то, когда принималось решение относительно того, что наши войска должны быть введены, я там не присутствовал; я занимался анализом событий и не был участником принятия этого решения. Это не было даже заседание Политбюро, это было заседание в здании Секретариата ЦК, поздно вечером, где обсуждался вопрос в очень узком кругу. Я

недавно слышал, что Валентин Михайлович Фалин, который был ближе к этим решениям, он работал тогда в этом направлении, он говорил, что оно было принято пятью людьми.

Это десятое декабря 1979 года. Войска, как вы помните, были введены 25 декабря 1979 года, то есть за 15 дней до ввода войск решение было обсуждено этой группой. Одни считают, что их было шесть, другие считают, пять. Я считаю, что тройка лидеров бесспорно была, и здесь никаких сомнений ни у кого нет. Это, назовем так, по степени воздействия на этот процесс афганский в тот момент. Устинов — член Политбюро, министр обороны, Андропов, я его ставлю вторым, — Председатель Комитета Госбезопасности, член Политбюро. Третий — Громыко, и я именно его ставлю третьим, и я объясню почему, четвертый — это Суслов, пятый — это Борис Николаевич Пономарев — секретарь ЦК, заведующий Международным отделом ЦК, в ведение которого входили все социалистические, коммунистические партии. Ведь Международный отдел, по существу, это бывший Коминтерн. Вот мы сейчас на Конституционном суде судим и рядим, что такое Международный отдел, кому он помогал, какими деньгами он располагал и так далее. Ведь это, в общем, если в отдаленном прошлом — это Коминтерн, и вот из Коминтерна осталось все — советская часть, Пономарев сам пришел из Коминтерна, Ульяновский, который занимался вместе с Пономаревым афганским вопросом и другими вопросами в отделе, это тоже человек из Коминтерна. Ему сейчас уже довольно много лет. Я считаю, что Пономарев присутствовал при принятии решений. Если не был, он может выступить и опровергнуть меня, потому что я не могу точно сказать, но я считаю, что идеологическая часть вот на этом заседании, даже не Политбюро, а вот узкого круга Политбюро, идеологическая часть была представлена Сусловым и Пономаревым. Что мне дает основания предполагать относительно Бориса Николаевича Пономарева — до этого он ездил в Афганистан. Он знакомился с положением на месте, и можно предположить, что его доклад был сделан сразу по возвращении и затем при принятии решения он играл определенную роль, он был одним из ведущих людей, отвечавших не за военную часть, а за идеологическую часть наших отношений уже с социализацией Афганистана.

Ну, естественно, во главе вот этой группы при принятии решения был Брежнев. Почему я его не ставлю номером первым? Потому что в тот момент уже сложились первые основы, вот эта импотенция политическая Брежнева, она привела к тому, что по острым вопросам, тогда уже было заложено начало, начали создаваться комиссии Политбюро. Впоследствии это уже

разрослось что-то там до пятнадцати комиссий. Но афганские события положили начало созданию первой комиссии по существу. Она оформилась в начале 80-го года, но до этого она работала в виде тройки, в виде четверки, потому что она должна была подготовить аналитический материал для доклада Брежневу. Я однажды видел, как вся эта процедура делается. Тройка заседала в так называемой Ореховой комнате, она между залом заседаний Политбюро, Приемной Генерального секретаря и его кабинетом. Обычно для всех таких, я бы сказал, конфиденциальных, сугубо доверительных разговоров использовалась всегда эта Ореховая комната. Почему Ореховая? Потому что стоял Ореховый круглый стол и стоял пульт связи. В этой комнате и по разным поводам в разных сочетаниях члены Политбюро собирались, а затем это выросло в традицию: перед каждым заседанием Политбюро — Политбюро, вы знаете, состояло из членов и кандидатов — вот члены Политбюро вначале собирались в Ореховой комнате с Генеральным секретарем, а кандидаты уже заходили в общую комнату, а эти выходили как с парадного крыльца вот из этой Ореховой комнаты в зал Политбюро. Но в тот период вот в этой Ореховой комнате эта тройка, о которой я говорил, она проработала все афганские вопросы. Кто все-таки сказал, вот Корниенко утверждает, я слушал его запись, утверждает, что решающее слово сказал Андропов. Я думаю, что здесь не было такого момента, что кто-то из этих пяти-шести сказал решающее слово. Уже то, что не было никакого голосования… почему я могу предположить, что не было голосования о вводе войск? Я могу предположить, потому что если бы было какое-то голосование в этой шестерке и если бы это было официальное заседание Политбюро, то был бы какой-то документ Политбюро. Насколько я знаю от военных и от мидовской части, я не знаю кагэбэшную часть, документа, который бы отражал заседание 10 декабря в виде протокола Политбюро (а протоколы всегда ведутся Политбюро) решения Политбюро о вводе войск не было. Николай Васильевич Огарков, он был тогда начальник Генерального штаба, рассказывал, что вышел Устинов с заседания (военная часть заседания решалась именно вот в этой Ореховой комнате) и сказал: «Будем вводить войска, готовьтесь». Примерно назвал цифры, которые я сейчас не помню, естественно, я думал, что военные уточнят, сколько планировалось. Одна десантная дивизия, по-моему, и три полка еще. Я могу ошибаться здесь. Это первоначальные наметки были. Как они расширились потом, я не знаю этого и не берусь судить за военных. Вы спрашиваете насчет роли Комитета госбезопасности. Я могу сказать, я знакомился уже в тот период с

той информацией, которая шла из Афганистана, я имею в виду шифр телеграммы, что все-таки решающие материалы политического характера, которые давали базис для обсуждения практического, это все-таки были материалы Комитета госбезопасности. Они были более вовлечены в этот процесс контактов на той стадии уже с Амином.

Я думаю так, что мы, возможно, найдем человека, который был резидентом тогда КГБ, не представителем Председателя Комитета госбезопасности, а резидентом в Афганистане, который, насколько я знаю, работает сейчас в институте Африки, с ним можно поговорить, он должен лучше знать эту ситуацию.

Ну, я думаю, что Юрия Владимировича Андропова, который всегда занимал, я бы сказал, одинаково ключевую роль в вопросах, связанных с безопасностью и с внешней политикой, его всегда тянуло к вопросам внешней политики, и его слово для Брежнева в тот период было так же весомо, как и слово Устинова.

Я однажды высказал такое мнение, что если бы развивались события в будущем и Устинов не заболел тяжело и сохранил свою жизнь, то преемником Брежнева был бы Устинов, это мои предположения. Потому что, насколько я могу судить, все-таки Устинов был наиболее влиятельным человеком для Брежнева в тот период, чем кто-либо другой. Но они все держались тройкой вместе. И вот политическая часть — это Устинов, Андропов, Громыко. И докладывали обычно вопросы всегда втроем. И ревность была огромная, если кто-то докладывал вопросы без двух других. В этом я могу быть абсолютно уверенным, потому что я как-то чувствовал даже такие вещи. Иногда Брежнев кого-то выборочно приглашал в Завидово под видом охоты, а Брежнев фанатичен был даже в этот период, и это, пожалуй, было его одно из самых таких развлечений, это дикая охота. Почему я называю «дикая», потому что кабанов не кормили, как рассказывают, два-три дня, и они по утрам шли на ту точку, где сидел Брежнев и убивал этих кабанов. Это, видимо, была забава, потом из этого делали хорошие окорока. Могу судить по себе, иногда делали колбасу из этого убоя, и фельдслужба Центрального Комитета партии, как подарок Брежнева, развозила, ну по списку, членам Политбюро, вот некоторым заведующим отделами, мне иногда тоже перепадало это дело. Вот результат охоты этой. Но когда кого-то Брежнев приглашал в Завидово на охоту, то потом, естественно, был перезвон. Ну, скажем, Громыко звонил, я по тому и сужу, однажды я был в кабинете Громыко, он разговаривал, по моему мнению, с Андроповым, они обычно в одно имя разговаривали все между собой, и догадаться было не трудно. Он его спрашивал, был ли тот в Завидове? А Дима был в

Завидове? Не знаешь, что там было? Вот эта ревность, плохая или хорошая, я бы сказал — это стремление был о быть осведомленным о том, что решали эти два человека. Что докладывал кто-то один из них, и потом это перешло и на последующее, вот эта тройка до поры до времени, она была по существу тройкой, которая в военно-политических вопросах заменяла коллективное руководство Политбюро.

Я не могу сказать, что она в таком же сочетании принимала решение по вопросам экономики, промышленности и так далее. Там подключались другие люди, на первых порах, когда был Косыгин, он, конечно, играл главенствующую роль. Действительно — это был ум нашего государства, я могу судить, потому что мне пришлось в качестве пресс-секретаря сопровождать Косыгина в ряде поездок, следить за его ходом мысли; это был один из самых талантливых людей в нашем руководстве когда-либо. Это человек, который умел просчитывать. Человек, который уже в те годы, в семидесятые годы выходил на понимание необходимости реформ. Вы помните, реформа Косыгина притча во языцех была. Как это так, он окружил себя экономистами. И вот тогда спорили, прав он или не прав, но он чувствовал, что назревает; это не те реформы, к которым мы пришли на пороге 85-го года, но это были реформы экономики, которая страдала всеми недугами.

Косыгин, конечно, играл решающую роль в вопросах промышленности, в вопросах техники; затем появился Тихонов. Была еще одна персона, но он был рано, так сказать, отслоен как-то от этого — это Подгорный.

Я, работая в аппарате ЦК, не знал, что войска были введены, узнал из информации, которую получил от ТАССа, позвонил Огаркову и сказал: «Слушай, тут сообщают, что 28 декабря мы начали вводить войска в Афганистан, верно это, Николай, или не верно?» Он мне говорит: «А откуда ты знаешь?» Ну, мы равны были с Огарковым и по возрасту, и по отношениям, я просто спросил: «Ну, правда это, Николай, или неправда, если вводим, то должны знать, для чего мы вводим войска? Он сказал: «Ну, узнаешь дней через четыре-пять».

То есть нельзя сказать, что в тот период кто-то протестовал против ввода войск, ну никто же не знал, мы узнали все из западной информации, что войска вводятся, мы начали тогда раздергивать, искать свои источники: а для чего войска вводятся? Это все конспиративно было сделано, хотя передвигались огромные массы. И в основном были вовлечены три ведомства! Это Министерство обороны, естественно, которое выполняло этот приказ, это Комитет госбезопасности, который с самого начала

был активно вовлечен. Его передовая группа, которая находилась в Афганистане, так же как Министерство обороны, состояла из советников во главе с генералом Павловским. Но Павловский как раз был тот человек, который доказывал, что не надо вводить войска, потому он потом и отошел от этой операции и вообще не был приветствован министром обороны за эти мысли. И третье — внешнеполитическое ведомство. Но настолько все было свернуто, как говорит Корниенко, а он был правой рукой Громыко по существу, в тот период, первый заместитель министра, который отвечал за формулирование всей внешней политики вместе с министром. Громыко замкнулся в себе, и Корниенко не мог знать в деталях информацию о том, что в первый период с вводом войск происходит. Естественно, потом, когда была создана и оформлена Комиссия, Корниенко вошел в состав этой Комиссии. Это было начало 80-го года.

Комиссию возглавил Громыко Андрей Андреевич, он как бы находился между двумя ведомствами — между Министерством обороны и Комитетом госбезопасности. Каждый из них, если бы возглавил Комиссию, имел бы свою приоритетность как Председателя, но голосования обычно не было в этой Комиссии. Это была проработка материала, потому что Политбюро было тогда под руководством Брежнева вообще неспособно к проработке материалов. Политбюро — вот на тех, во всяком случае, на которых я бывал, как они проходили? Писали Брежневу сценарий Политбюро, он уже был настолько умственно ограничен в силу болезни своей — ему писали весь сценарий Политбюро. Вот открывалось Политбюро, уже в его сценарии написано, что открыть Политбюро, зачитать повестку дня, и там повестка дня была, дальше в сценарии написан вопрос, который обсуждается, докладчик, который докладывает. Это не обязательно член Политбюро был. Но кто-то из членов Политбюро, если это технические вопросы или экономические, кто готовил этот вопрос, он кратко докладывает. Он же готовил Проект решения, который был уже приложен и уже разослан всем членам Политбюро. Бывали дискуссии, но в период Брежнева очень ограниченные дискуссии, иногда в этих сценариях было написано помощниками так: если будет сказано то-то — сказать то-то, то есть у него варианты были, что сказать, и вот он шел по этому. У меня где-то один такой протокол остался, я пытался вам показать, найти по вопросу, который я готовил тогда для Партбюро. Это действительно так было. Ну, обычно начиналось Политбюро, где он рассказывал, как он провел утро сегодня, какой у него пульс, врачи сказали, как он плавал в бассейне, вот это было бессценарное вступление. Обычно он всегда что-то

вводное в этом духе делал, а затем переходил на этот текст.

С прогрессированием этой его болезни сокращалось и время заседаний Политбюро, увеличивалось количество Комиссий, потому что часто, когда возникал вопрос на Политбюро, решение было такое: образовать Комиссию в составе Соломенцева, еще кого-то, еще кого-то, и вот эта Комиссия отпочковывалась, она готовила вопросы, иногда неделю-две, привлекая министерства, отделы ЦК, готовился вопрос, посылался в общий отдел — Черненко, он тогда был завотделом, это уже потом он стал вождем. А тогда он был просто завотделом, но центральным отделом, который рассылал все документы, имел аппарат, рассылал членам Политбюро. На документах обычно, когда они приходили, очень много пометок было, часть пометок была членов Политбюро, часть пометок была их помощников, я иногда в шутку спрашивал, когда уже собирались все эти поправки: ну, а это чьи поправки, вот такого-то или его помощника? Потому что мне иногда приходилось по просьбе Черненко, уже вне рамок Политбюро, сводить эти поправки, потому что они иногда исключали одна другую, как-то надо было документ привести в порядок.

Наверное, это слишком будет смело с моей стороны — хотя я с Громыко проработал почти двадцать лет — давать ему общую характеристику. Давайте все-таки ближе к афганским событиям, это и мне легче и не выразит всех моих чувств, очень положительных чувств к Громыко, которые я до сих пор испытываю. Это один из умнейших людей был… В отношении Андропова и КГБ в данном случае я могу только свою точку зрения выражать. Потому что в государственном плане всегда есть минимум три источника информации. Внешнеполитической, я имею в виду. Это — информация МИДа, ей дается приоритет часто во всех внешнеполитических вопросах, это информация разведывательная, которая докладывается Комитетом госбезопасности в области и внешней политики тоже, и информация, которая докладывается руководству в области военно-политической Главным разведывательным управлением. Такова схема, которая действовала и в тот период, но я опускаю все посторонние, ТАСС и так далее, радио и все это уже другое. Но главных — три источника. На мой взгляд, на тот период наиболее ценная информация, с точки зрения ее содержания, была информация Комитета госбезопасности. Я говорил уже почему: потому что там была передовая группа, которая имела полномочного представителя Председателя Комитета госбезопасности, и, естественно, эта информация рассылалась руководству по определенным спискам, которые существуют

всегда, и она оказывала определенное и большое влияние. Я сказал о том, что посольская информация была слабая, мало ориентированная, но она затем получала тоже статус информации, влияющей на ход событий, потому что через этот канал стали передавать информацию свою советники, которые были посланы по линии Международного отдела ЦК. Это и политические советники. А там были очень солидные люди, которые представляли Центральный Комитет партии, они влияли на развитие политических процессов. Руководило всем этим процессом Политбюро через Международный отдел. Поэтому здесь уже шло постепенное наращивание влияния информации МИДа. Но я не хочу принизить информацию военных, потому что информация военная тогда была не определяющей, потому что мы еще исходили из концепции не ведения военных действий в Афганистане, а присутствия советских войск, и военная информация это и доказывала. Имела ли решающее воздействие информация Комитета госбезопасности на принятие решения? Все-таки думаю, что здесь совокупность информации, хотя не хочу недооценивать той большой силы воздействия всего того, что мы получали из Афганистана по линии людей, которые были тогда уже дислоцированы.

— И все-таки, как вы думаете, Андропов был более активным человеком, который стоял за ввод войск?

— Я, думаю, что все-таки, когда принималось решение, то, естественно, решающее слово было Юрия Владимировича Андропова, как человека наиболее осведомленного, но я не хочу принижать в данном случае влияния Устинова.

Дмитрий Федорович Устинов — человек, я бы сказал, довольно настойчивого характера, Андропов был более гибким, с точки зрения других вопросов. Я не сужу по Афганистану, я сужу по будущей работе Андропова, в том числе и в качестве Генерального секретаря. Человек, который шире мыслил в вопросах политики, в вопросах международного плана, чем Дмитрий Федорович. Дмитрий Федорович больше техник. Он же пришел на пост министра обороны, с военных лет руководил военной промышленностью. Это скорее практичный ум техника. Я помню, как решался один вопрос размещения ракет. Когда он Брежневу говорит: «Леня, ну еще надо 20–30 ракет поставить в Европе». Тот спрашивает: «Зачем?» Он говорит: «Ну а что, больше — меньше, разве это помешает? Ну, можем поставить вопрос так — давай поставим проблему». — «Ну, надо, Дима, продумать, ну действуй, действуй». Это было. Мне могут, кто меня слушает, бросить упрек, что я упрощаю. Ну, характер отношений такой был между этими людьми. И когда, скажем, приходилось

присутствовать случайно или не случайно на таких беседах, я не открываю никаких тайн — это история наша. Мы ее все равно будем изучать. Как мы сейчас вот этот фильм задумали, чтобы показать корни афганской войны. Мы хотим докопаться до них. Мы должны правду говорить, как было, как это случилось… Я думаю, что устиновская концепция была — что наше присутствие, я повторяю это, наше присутствие, а не участие в боевых действиях, оно отрезвит и Пакистан и американцев. Это вот свойственная ему черта. В том числе и с ракетами ведь же так было в Европе. Ну, поставим больше систем СО-20, ну, отрезвим мы их, они будут знать. Такая вот концепция. Я не хочу сказать, что примитивизмом руководствовался руководитель нашего военного ведомства, нет, разные подходы. И вот теперь мы выходим на Громыко. Громыко, конечно, был наиболее осторожный из этой тройки, которая готовила всю эту концепцию, и мы подходили к тому, что мы должны выйти на это решение, потому что вся информация, которая шла, нас к этому подводила. Правильно или неправильно подводила — вот это вопрос. Это вопрос уже анализа всего, но чем мы себя убеждали, о чем я сейчас говорю, это уже теперь большой период времени дает нам возможность осмыслить. Но чем мы себя убеждали? Социализацией страны, военным присутствием, воздействием и поддержкой правительства, которое просит на основании статьи 54 ООН ввести войска. Вот нужна была политическая мудрость. Нужно было смотреть вперед, и этой мудрости нам не хватило. Сейчас могут сказать — задним умом умен, а где вы тогда были? Во-первых, наш этаж не решал этого дела, советнический этаж, и он еще и не был посвящен, но, тем не менее, аналитическая проработка этого вопроса, на мой взгляд, она не была достаточно проведена тогда. Почему мы считали, что наше присутствие — устиновская концепция — присутствие наших войск высвобождает афганские войска, которые могут вступить в бой, войска «Халька» и «Парчама» могут вступить в бой против противника, идущего из Пакистана — той части Афганистана, которая не восприняла эту революцию, а большая часть населения не восприняла эту революцию. Феодализм оставался феодализмом. Отсюда — кланы воевали против войск. И мы считали, что мы высвобождаем для афганцев, для части, которая ближе к нам, их войска для того, чтобы она вступила с той частью, которая против вот этих преобразований революционных.

Громыко был здесь, в обсуждениях у него, как всегда, было две позиции. На начальном периоде, это характерно для многих политических вопросов, что Андрей Андреевич излагал все «за» и все «против». «За» и «против». Вот его интонация была. Я не

исключаю, что в период обсуждения Андрей Андреевич понимал последствия сиюминутного ввода войск, а именно разрушение детанта, то есть вот этого мирного сосуществования. Он понимал лучше американскую политику Картера — Бжезинского, чем, может быть, кто-либо в Политбюро. И вот отсюда я могу сделать такую презумпцию, что Громыко на каком-то этапе отстаивал линию, и тогда это так было, что нам надо пока осторожнее с войсками. Но Громыко был такой человек. Когда уже принимается решение, я повторю то, что сказал Георгий Маркович Корниенко, Громыко становился более активным проводником этой идеи, чем даже те, кто проявлял инициативу этой идеи. Для него осуществление и претворение в жизнь уже согласованных и принятых решений уже было обязательным, и он уже тут включал весь механизм свой внешнеполитический для проработки этого вопроса. Что мы пожали вводом войск — это уже другая часть, но сиюминутно мы дали возможность Картеру, Бжезинскому, а в 80-м году, когда Рейган пришел к власти, поломать нам соглашение ОСВ-2, которое подписал Картер с Брежневым в Вене в 79-м году, об ограничении стратегических вооружений. Поломали? Поломали! Хотя оно существует, но оно не ратифицировано. Дальше. Ну, поломали эту всю политику, которая с Никсоном намечалась, начиная с 72-го года, — политика мирного сосуществования и постепенного снятия напряженности. Американцы, особенно Бжезинский — Картер все-таки человек был ограниченного плана, он от арахиса пришел, от землепользования, землевладельца, а политическую роль у него играл Бжезинский — человек, который знал хорошо обстановку, человек, который политически мог судить, и он вырабатывал концепцию отношений с Россией. Сказать, что с дружеских позиций, абсолютно я с этим не согласен. Это был человек, который работал против нас. Он считал, как после Рейган сказал, — это «империя зла». Тогда это еще не было сформулировано Бжезинским, но Картер из этого исходил. Отсюда мы взорвали весь процесс разрядки, и мы долго еще чувствовали это и дали американцам возможность постепенно отходить от синдрома Вьетнама. Мы им помогли это сделать.

— Я попрошу вас рассказать о Леониде Ильиче Брежневе, нашем Генсеке в тот период…

— Опять же я прошу тех, кто меня слушает, считать, что я высказываю свое собственное суждение на этот счет. Я как раз не претендую на фактологичность, но вместе с тем я отвечаю за то, что я говорю как человек, который мог наблюдать многое. Я не хочу, чтобы сложилось такое мнение у кого-то, что вот сейчас он так свободно рассказывает все это, а что он не мог тогда это все

изложить. Ну, Хрущев когда-то ответил всем таким людям очень просто. XX съезд партии. Когда ему тогда задали вопрос: «Никита Сергеевич, вот вы сейчас разоблачаете Сталина, вот вы произнесли доклад о сталинизме, о зверствах и так далее, но ведь вы же работали в тот период, где же вы тогда были, почему же вы голос тогда не подняли?» Хрущев эту записку прочитал, она анонимная из Президиума. «Вот видите, хоть и анонимная, но я отвечу. Ну, вот кто-нибудь сейчас здесь в зале может встать и сказать: давайте, так сказать, избавимся от Хрущева, свергнем Хрущева. Ну, кто смелый?» Смех в зале. Он говорит: «Ну, вот вам и ответ на вопрос». Так же и мы. Между собой говорили, в разных комбинациях. Осуждали. Но выйти на площадь… Вот вы задаете вопрос, я возвращаюсь к вашему вопросу о Брежневе.

Медицина наша — Евгений Иванович Чазов, я убежден, что он тоже расскажет свою точку зрения, но он уже в книге изложил. Он знал, и мы это все видели, что с 76-го года уже ощутимо Брежнев был человеком, у которого падала возможность, я бы так сказал, ну, государственного мышления, что ли. А потом она уже скатывалась до примитивизма мышления. И рассчитывать на то, что с годами он мог совершенно четко управлять государством… у меня такого впечатления не складывалось.

Может возникнуть вопрос: ну а что, Политбюро не видело то, что вот вы сейчас рассказываете? Видело. Как-то мне Щербицкий сказал: «Слушай, ну вот, а что Брежнев то-то, то-то», — это опять же личный разговор, а я ему сказал: «Виктор Васильевич, ну вы же члены Политбюро, ну вы же можете эти вопросы решить все». Могли сделать его и Почетным Председателем, и так далее. Но что руководствовало всеми? Это мое заключение и никому не хочу его навязывать. Каждый раз, когда мы подходили к съезду партии, когда мы подходили к какому-то новому, переломному этапу в жизни партии, вдруг и пресса и идеология начинала всех убеждать, что если будут изменения в этом геронтологическом Политбюро, то это будет расценено на Западе как нестабильность в нашем руководстве. И вот на этой ноте нестабильности, сохранения этой стабильности, мы выходили и на Пленумы ЦК, не мы лично, а я имею в виду руководство ЦК, и потому очень запоздало менялись люди в Политбюро. Мы ведь дошли до периода, сейчас мы можем сказать, за два года три руководителя партии ушли в мир иной, верно? Вот мы к чему подвели. Преемственности-то не было. Все были в районе 79–80 лет, и постепенно этот возраст рос. Поэтому сказать, что Брежнев был лидером, который генерировал идеи, я не могу. У него был очень хороший советнический аппарат, у него были талантливые помощники, которые писали ему речи, и многое другое. Вот ему

надо было это прочитать, вот он прочитал. Конечно, он вникал в какие-то вещи. Часто вот когда надо было протолкнуть какой-то вопрос, ну, что делали? Ну, вот лежит бумага, не проходит, все-таки Генеральный секретарь. Ну, вот звонишь кому-то. У него была консультант, женщина — Галина Анатольевна, которой говоришь: «Галина Анатольевна, лежит у вас бумага». — «А что вы хотите? — «Ну, мне бы надо так и так решить». Я не имею в виду, конечно, афганский вопрос, я беру рутинные вопросы. «Ну, вы примерно продиктуйте резолюцию, какую вы хотите». Продиктуешь ей, она отредактирует, приделает уголок, смотришь, через два дня вопрос сдвинулся, он подписал это дело. Разве только один я прибегал к этому? Десятки людей к этому прибегали. Я не хочу сказать, что так руководили мы страной всей. Опять же говорю, слово «мы» — оно плохое. Ну, руководство партии так руководило страной, так, конечно, по принципиальным вопросам создавались Комиссии, где шли дискуссии. Я был, например, впоследствии членом Внешнеполитической комиссии, которую возглавлял Суслов. И многое другое. И вот эти Комиссии, они детально прорабатывали все. Но Брежнев сам по себе, он терял способность и руководить, он много болел, и несчастные случаи с ним, когда он терял сознание, несколько месяцев был в больнице. Мне приходилось общаться с иностранной прессой, здесь вот десяток книг, в которых пишут иностранные корреспонденты о моей заскорузлости общения с прессой, с иностранной. А тогда не было пресс-секретарей, тогда на кого-то возлагали обязанности, ты оставался в своей должности, и не было никаких пресс-служб особых. Был отдел печати, был ТАСС, и вот, общаясь с корреспондентами, самое трудное было — отвечать за рубежом и в Союзе иностранным корреспондентам о здоровье Брежнева. Вот Мэлор Сту-руа даже написал в «Огоньке» позднее целую оду о том, что я неправду говорил в Вене в 79-м году, при подписании ОСВ-2, что Брежнев был здоров полностью и что я отстаивал эту линию. Понимаете, это не простой вопрос. Здоровье руководителя устами пресс-секретаря не может быть выражено. Оно может быть выражено только руководством. И с согласия руководства. А если сказать, что он болен, то, значит, надо его менять. И вот в этом ошибка многих членов Политбюро — того органа, который мог инициировать этот вопрос и должен был инициировать этот вопрос. Ведь нашел в себе когда-то мужество Черненко сказать, когда его избрали Генеральным секретарем, что, может быть, мне все-таки подать в отставку, когда он лег в больницу. И не кто иной, как Андрей Андреевич Громыко, пишет об этом в своих мемуарах. И Гришин Виктор Васильевич: все помнят эту сцену с

букетом цветов в больнице, когда ему вручают удостоверение депутата московского совета № 1, а Черненко вывезли на каталке, и он еле мог приподняться, а сзади охранник держал букет, делая вид, что этот букет Гришин вручил ему и он держит. Почему? Потому что никто из Политбюро не хотел, чтобы начался процесс, я бы сказал, реконструкции самого руководства, потому что все они были где-то под одним зонтом. Я забыл вам насчет орденов ответить.

Был юбилей, я уже не помню, Косыгина, возможно, 75 лет ему было. Я могу ошибиться на год, на два. И вот, как всегда, церемония вручения орденов, они примерно проходили по одной выкройке, которая уже много раз была сшита, вырезана. Все становились за председательский зеленый стол. Все выстраивались в одну линию, каждый искал место, куда поставить свою голову ближе, чтобы она на снимке в следующий день была ближе к Брежневу — такое соревнование, если вы посмотрите на снимки, вы увидите, я не хочу называть персоны, кто знал место, как попасть в телевизионную камеру или в фотокамеру — это тоже изучалось. И вот, когда он вручал Косыгину Орден Октябрьской революции, я это сам слышал — нигде вы не найдете этого материала, он ему повесил этот орден и говорит: «Слушай, Алеша, а красивый орден, а?» А у него уже полгруди было орденов. И вот так несколько раз он повторял: «Алеша, красивый орден, Костя, а у меня нет ордена». И что вы думаете?! Через какое-то энное количество дней, я смотрю, рассылается голосовка, а голосуют члены Политбюро по Проекту решения Политбюро, написано «Не для печати», а раз не для печати, значит, попадает ко мне в отдел, для того чтобы соответствующе информировать ТАСС о том, что этот Указ печататься не будет. Я знаю из этого Указа, что уже проголосовали ряд членов Политбюро: наградить Брежнева Орденом Октябрьской революции. За что? За освоение целинных земель и за его роль. Он уже за эти целинные земли и Героем был, и еще чего-то награждали, ну, нужен был повод, нужен был орден. У человека было особое пристрастие, наверное, не только у него. Я как-то был в Черногории, один из царей черногорских, это не наш век был, у него тоже было такое же. Мне показали коллекцию, где-то двести орденов у него было, он собирал эти дела. Вот у Брежнева была такая же мания. Однажды как-то был разговор у меня с ним, где он мне пожаловался как бы так вскользь на Хрущева, что вот первый Орден Брежнева, говорит Брежнев, я не получил в свое время, когда всех награждали за Днепрогэс; Хрущев меня вычеркнул из списка, а я был секретарем Днепропетровского горкома партии. Ну, это опять же были

домыслы, что, может быть, оттуда зародилось какое-то чувство, что его чем-то обделили, я ведь говорю, что это можно оспаривать, это мои, так сказать, домыслы, может, это и заложило когда-то начало.

У него была страсть к коллекционированию часов ручных, у него огромное количество было часов, хотя он носил одни и те же часы, и за границей ему дарили автомобили. Он на это отвечал, что он в прошлом был танкист, и вот ему нравятся зарубежные машины. И где-то недалеко от Домодедово до сих пор, кажется, такой гараж существует, где скоплены все машины, которые когда-либо были подарены Брежневу. Девятое Управление имело целый ангар этих автомобилей.

— Какие установки были даны по Афганистану средствам массовой информации и кто их давал?

— Вначале была одна большая Комиссия, которую, как я сказал, возглавлял Громыко, Борис Николаевич давал указания, в том числе и в печать: как выходить, с чем выходить и так далее. Зимянин, который был тогда Секретарем ЦК, он получал указания или через Суслова или через Пономарева. А затем уже получали отделы указания.

Но в первый период, вы помните, в первые годы так скудно мы освещали все это дело, что понять из наших сообщений было нельзя, что мы там делаем. Даже по телевидению Сергей Георгиевич Лапин — воинствующий человек, и то не мог пробить ничего, а он воинствующий был, в том числе и с Устиновым. Он показывал танки, которые стоят, и наши солдаты разливают суп афганским жителям, и вот эту похлебку мы все время показывали по телевидению. А уже в это время — это уже 80—81-й годы — шли гробы, тайно хоронили людей, не на центральных кладбищах, а военкоматы через Министерство обороны, каким образом, я не знаю, это давались указания, вы знаете, даже имена на гробах не писали. Шли похороны, шли похоронки. И вот печать наша начала освещать афганские события, более-менее приближающиеся к тому, что мы начали там воевать, что началось с того момента, когда Андропов пришел на пост Генерального секретаря ЦК. Вот только тогда наша печать получила возможность, после разговора в составе одного из секретарей ЦК, я был при этом разговоре, и еще Альберт Иванович Власов, который потом был Председателем АПН. Перед Андроповым был поставлен вопрос о том, до каких пор, мол, мы будем вот так освещать, весь мир пишет, все люди слушают зарубежное радио. Если мы что-то даем, Андрей Андреевич Громыко обычно сопровождал так, я сам это слышал из его уст. Вот это маленькое сообщение, из которого ничего не ясно, но

только на зарубежные СМИ, а не на советскую печать. Когда ему говорили, это же вернется все, Андрей Андреевич, через западные голоса, но с их аккомпанементом. «Ничего — узнают, что надо». Вот ведь был какой подход к пропаганде афганского вопроса. И вот в газете «Правда» появилась статья за подписью А. Петрова, затем была еще целая серия статей Петрова. Это был коллективный псевдоним отдела внешнеполитической пропаганды, в котором я работал, — статья была отредактирована самим Андроповым, она дала первый запал в освещении афганских событий с точки зрения более-менее реального положения наших войск и участия наших войск в операциях. Вот ведь до какого периода, а все остальное было закрыто.

Вы сейчас говорили о том, что последствия ввода войск отразились на престиже Советского Союза в международном плане, я подтвердил эту вашу мысль тем, что мы поплатились очень жестоко многими вещами в вопросах внешнего положения Советского Союза. Кстати, случайно или нет, но тоже на декабрь 79-го года приходится размещение американских ракет средней дальности в Европе.

80-й год — год Олимпиады. И вот тут уже новая администрация Рейгана, она была более непримирима в осуждении Советского Союза за афганские события и за целый ряд других, чем картеровская администрация, уже смена произошла, она повела линию, в рамках НАТО согласованную, на бойкот Олимпийских игр для того, чтобы показать и нашим советским людям, и международной общественности, что такие акции бесследно не проходят. И действительно, был объявлен бойкот Олимпийским играм. Для Советского Союза это была огромная пощечина, ведь олимпийские игры отменялись только в гитлеровской Германии, когда приход Гитлера был. Правда, их провели там кое-как, но бойкот был тогда впервые Олимпийских игр. Это был второй бойкот, Советского Союза уже.

И вот тогда все было задействовано, вся наша дипломатическая служба, наши общественные службы, для того чтобы все-таки Олимпиаду спасти и вытянуть, и, главным образом, мы вытянули. Опять же я говорю «мы», я имею в виду страна, в данном случае вот вытянули за счет того, что многие африканские страны нас поддержали, многие движения нас поддержали, потому что видели, что бойкот великой страны наносит ущерб.

Вы меня спросили в частной беседе, как Брежнев реагировал на это. Я не думаю, что он обладал тогда огромными эмоциями. Все руководство подготовкой Олимпийских игр было возложено тогда на Москву, на Гришина персонально, а в Политбюро

отвечал за это дело Кириленко, человек, который очень-очень был неяркой личностью в руководстве, я бы так сказал. Он был, в общем, человеком, который проводил вот эту верховную линию в подготовке, а главным образом это Гришин был и Игнатий Трифонович Новиков как Председатель Комитета. Все-таки игры нам удалось вытащить, спасти, и Москва сделала очень много для того, чтобы игры прошли торжественно, чтобы не осталось вот этого отпечатка, то, что западные страны хотели сделать. Я бы сказал так, что многие бойкотировали, но в индивидуальном качестве даже западные спортсмены принимали участие, так что полного бойкота не получилось, но и полных игр тоже не получилось.

— При решении о вводе войск в Афганистан венгерские и чешские события не сыграли роль «удачного» прецедента? Многие военные советники в Афганистане, Андропов и его окружение прошли через эти события. В обсуждениях это не использовалось как аргумент?

— Я бы на этот вопрос с очень большим трудом ответил, потому что я не был нигде, где я бы слышал этот аргумент. Но бесспорно, когда наши военные прорабатывали вопрос ввода войск, то 56-й год — венгерские события, естественно, были в поле зрения, и чехословацкие события то же самое. Думаю, что вы во многом правы, когда вы увязываете эти события. Но чтобы я слышал, что в каких-то беседах впрямь и конкретно увязывали вот эти вопросы… Вероятно, военные, которые разрабатывали эту концепцию ввода войск, она была немножко другая, но, тем не менее, это же ввод войск. Опыт печальный уже был, но его, к сожалению, проигнорировали как печальный опыт с его последствиями. Я уже говорил о том, что при вводе войск в Афганистан доминировала версия Устинова, что это на три месяца. А вот что получилось на самом деле, вы увидели — большая война.

— 12 декабря (по другим данным 10 декабря) было принято политическое решение о вводе войск в Афганистан, и именно 12 декабря было принято решение НАТО о размещении в Европе ракет среднего радиуса действия. Это случайное совпадение? Или противники внимательно следили друг за другом и ждали первого шага…

— Это очень трудно — вот сейчас с ходу, без анализа на это трудно ответить. Это было следствие, как следствие обострения обстановки напряженности, а для американцев это было оправданием для многих действий, которые впоследствии были совершены, в том числе и размещение войск. Конечно, это было одним из аргументов оправдания ввода войск.

— Какая была общая геополитическая обстановка в мире на период ввода войск в Афганистан? Снижение экспорта американского оружия и падение цен на него, снижение курса доллара и наши нефтедоллары — можно через призму этих вещей посмотреть на афганские события?

— Я вам так скажу. В любом случае, если бы аналитики, военные и политические, все-таки проанализировали, что такое Афганистан, проанализировали те войны, которые велись в Афганистане западниками, ну, я беру нынешнюю терминологию, англичанами в частности… Одолеть Афганистан присутствием войск невозможно было, второе: это ведь был, в общем, подъем исламского движения. Иранские события против Соединенных Штатов Америки, подъем исламизма, милитаристского исламизма, я не боюсь этого слова, в Пакистане; активизация на Ближнем Востоке. Нельзя сказать, что исламизм создал вот это подбрюшье зеленое, потому что исламизм неоднороден, это мы сейчас чувствуем. Нет уже Наджибуллы. Мы его не поддержали в последний момент. Это была наша политика. Но уход Наджибуллы без подготовки политического решения о власти в Афганистане не привел к миру в Афганистане. Войск наших уже нет, а война идет, жесточайшая война. Потому что как каждый шаг, который предпринимается, от начальной стадии до конечной, он все-таки должен политически прорабатываться глубже намного, чем мы всегда это делали. То же самое с Афганистаном. Войска ушли, правильно? Правильно ушли. Раньше могли уйти. Но надо было подготовить коалиционное правительство. И речь-то ведь не шла, чтобы Захир-шаха вернуть, речь шла, чтобы какую-то оппозицию, которая против нас выступала — найти с ней контакт, мы искали контакт. Ведомство Шеварднадзе, я в данном случае беру его, потому что оно работало тогда, оно имело контакты с Захир-шахом, имело с непримиримой оппозицией, но потом мы начали форсировать события. Пусть Наджибулла уйдет — это было условие американцев, это было условие западников — вот никаких отношений с Наджибуллой.

Наджибулла был не такой же силой, которая работала бы на противодействие дестабилизации обстановки в Афганистане. Наджибулла был разумно подготовлен к сдерживанию обстановки после выхода советских войск, и ведь афганистанцы были на стороне Наджибуллы. Они держались-держались, а потом ведь мы, в общем-то, отдали Наджибуллу и не довели до конца вопрос о создании правительства, они были вынуждены отойти от всего.

Можно сказать, что трудно было. Для того и есть международная политика, для того и нужны переговоры были. И,

выводя войска, ведь это тоже был предмет переговоров: а почему мы выводили войска и не решили вопрос о военнопленных? Вопрос. Много вопросов.

То, что вывод войск спас многие жизни афганские, правильно, но, наверное, мы не до конца многое додумали.

Что касается Горбачева, то он ведь вначале пришел как секретарь по сельскому хозяйству, у него был огромный интерес к внешнеполитическим вопросам. Я видел, что он участвовал, ну, где иногда мне приходилось бывать по своим вопросам, на Политбюро он выступал по ряду вопросов, особенно идеологическим вопросам, но вот так вплотную в тот период роли Горбачева я не видел. Он не был членом Комиссии вот этой, о которой я говорил. У него был свой сектор на первых порах — сельское хозяйство.

— А как к нему относились старики?

— Я не думаю, чтобы тогда возникал этот вопрос. Они решали, эти старики. На том периоде… Мы берем сейчас ограниченный период, а при Горбачеве был решен вопрос о выводе войск. Это большая его заслуга. Предшествующее руководство все тянуло. Даже при Андропове тянулся вопрос, хотя он понимал, что все равно в конце концов войска надо выводить. Это для Андропова в последний период его жизни было аксиомой — надо было принять решение, но он не принял его.

И только многие нововведения и, тут я не боюсь сказать, «новое мышление» помогло. Оно все-таки на нашей внешней политике во многом сказалось положительно.

И в данном случае, конечно, заслуга Горбачева, что он понял, что нельзя дальше рисковать жизнями в Афганистане, надо кончать эту войну, надо выводить войска.

Была комиссия афганская, она была уже в другой композиции. В нее входил уже Шеварднадзе, Корниенко, которого мы здесь слушали, тот же Пономарев, Крючков. Она очень широко обсуждала афганские вопросы. Я знаю, что было несколько встреч Михаила Сергеевича с Наджибуллой. В частности, была ташкентская секретная встреча его, где обсуждались вопросы будущего Афганистана и вопросы вывода наших войск, возможности вывода. И, естественно, в этом вопросе Горбачев проявил огромную настойчивость. Огромную настойчивость. Не военное командование принимало решение, а Политбюро принимало решение о выводе войск. Генеральный секретарь. И тут никоим образом нельзя принижать значение личности Горбачева в решении этих вопросов.

— Вывести, наверное, было еще труднее, чем ввести?

— Конечно. Как и смена командования.

Я вам так скажу. Брежнев был в молодые годы, вероятно, в годы войны, красивый мужчина, который самолюбовался. Он сам много рассказывал, любил рассказывать, когда он во время войны первый раз надел генеральскую форму, шел, говорит, по Днепропетровску, все женщины останавливались, смотрели. Он любил такие вещи рассказывать, ну скажем, обед какой-то или еще что-то, он любил это дело. Я думаю, что, как любой мужчина такой внешности, пользовался успехом у женщин, так мне кажется. И поэтому та сторона, о которой много я слышал всяких разговоров, наверное, они не лишены основания. Любил он женский пол, и, наверное, любовь была взаимная.

— Ну а как он относился к сотрудникам, которые тоже любили заводить романы?

— Вы знаете, я себя к числу сотрудников непосредственных Брежнева не относил, потому что отделов ЦК было много, непосредственный аппарат у него был свой, с которым не только мы контактировали; ну, по разговорам было понятно, что он очень не любил, если какая-то аморальность появлялась в его окружении. Это так действительно и есть. Здесь есть большая доля правды.

— Откуда и почему всплыла фигура Бабрака Кармаля? Если бы не было такой кандидатуры, то, может быть, и Амина бы не устраняли, и войска не вводили?

— Когда произошла афганская, как ее называют, революция, то многих людей, которые были в какой-то степени, можно сказать, диссидентствующими в «Хальке», в «Парчаме», не разделяли тех или иных мнений, вот почему по нашему образцу их посылали послами.

И вот в первые годы целый ряд руководителей партийных, когда пришли к власти после 78-го года, были отправлены за границу. Бабрак Кармаль был отправлен послом в Чехословакию, и он там сидел.

Почему выбор пал именно на Бабрака, не могу вам сказать, не знаю, но накануне ввода наших войск, когда где-то в каких-то секретных службах прорабатывался план уничтожения Амина, вот тогда и возникла фигура Бабрака Кармаля.

И вот тогда Кармаль и появился. Это произошло очень быстро. Наши войска входили, и Кармаль уже был в Афганистане, а Амина уже не было. Вот теперь свяжите все это в один узел, и развязка где-то в специальных службах. Вся связка где-то здесь, если мы дальше будем разбираться. Это нужно брать спецслужбы, которые могут раскрыть этот узел. Мне он не был известен. Я просто беру все случившееся для себя как аналитик события и связываю в один узел. По-моему, тогда вместо Пузанова был

сразу назначен М. Табеев.

Он был послом, и, если мне память не изменяет, туда же был направлен второй секретарь горкома партии Греков Леонид Иванович как представитель ЦК.

Много было там людей высшего партийного эшелона. Их даже многих послушать можно.

ГЕНШТАБ БЫЛ ПРОТИВ ВВОДА ВОЙСК

(вспоминает о начале событий в Афганистане бывший руководитель оперативной группы Министерства обороны СССР генерал армии Валентин Иванович ВАРЕННИКОВ)

Для того чтобы мы четко и ясно представляли, что же произошло, и чтобы не допустить просчетов и ошибок в оценке нашей истории, хотел бы, чтобы мы смотрели на события 1979 года глазами 1979 года.

Это очень важный фактор. Почему? Потому что это позволяет правильно оценить и действия наших политических руководителей, и действия военных там, и всех остальных, которые были связаны с решением этих задач.

Мы в Генеральном штабе, когда было первоначально принято решение о вводе войск, высказались очень категорично против такого решения.

Для нас было много непонятно с этим вводом, если говорить о том, какой путь прошел афганский народ, зная, что у него было три войны с англичанами, которые каждый раз терпели сокрушительное поражение.

И такой момент, как отношения между нашими народами. Это были отличные отношения. Они были такими, что после слова «Аллах» вторым было слово «шурави». И это импонировало нам. Мы заслужили у них большой авторитет. Входящие в Афганистан войска встречали с цветами. И сейчас нельзя об этом забывать. Это было действительно так. Но кроме этого были и другие вопросы, которые дополнительно накладывали тяжелый отпечаток на решение о вводе войск.

В частности, мы не знали глубоко традиций, устоев, нравов афганского народа. Ведь там же каждое племя и даже род — это совершенно самостоятельное по организации и автономии образование.

И если кто-то хотел бы приехать в это племя для встреч или переговоров, он обязан предварительно согласовать, а если идут туда с оружием да без разрешения, то получат отпор.

И это все надо было очень четко и ясно представлять. Мало того, исламский фактор должны были учитывать, многие другие моменты.

Это для нас было сложно, и мы чувствовали, что, если введем войска, на пользу это не пойдет, надо решать как-то политическими путями. Хотя афганцы действительно обращались

многократно, было 12–15 таких обращений, в том числе и Амин обращался с просьбой, чтобы ввели войска против оппозиции, которая все время их душила там, и они постоянно вели боевые действия.

Люди, которые возглавляют оппозицию, взять, в частности, Гульбеддина Хекматьяра, — это лица, которые думают только о себе, а не о народе. Когда-то он был в составе партии, куда входил и Наджибулла, и тот же Кармаль, потом он из этой партии вышел, выступил против существующего режима. Да, когда выступали против короля, они действовали вместе. Потом он выступал против Дауда, затем ему не нравилась эта партия, он против нее выступил. То есть он все время проводил линию, чтобы себя поставить на трон. Кстати, там многие считают, что они уже готовые президенты. Хорошо их знаю и знаком с ними.

Мы очень настоятельно просили руководство не делать этого шага, найти все-таки какой-то путь, который политическим методом мог бы развязать затянувшийся узел.

В принятии решения принимал участие министр обороны Д. Ф. Устинов, попавший на свой пост чисто случайно. Он так и не понял, что такое Вооруженные Силы, хотя как технократ он, конечно, был на высоте. Он предварительно сориентировал Генеральный штаб, то есть руководство сказало, очевидно, будем вводить, потому что настоятельно просят афганцы.

На заседание узкого круга руководителей поехал начальник Генерального штаба Николай Васильевич Огарков. И пытался их убедить, что не надо этого делать. Он потом рассказывал о содержании этой беседы.

Несмотря на то что он аргументированно выложил, что не следует принимать подобное решение, оно было принято (известно, что Устинов после выступления Огаркова попросил его выйти из помещения…).

Коль решение принято, мы были обязаны, как Генеральный штаб, сделать все необходимое, чтобы не допустить каких-то конфликтов, потерь, ущерба. И нашей стране, и тем более Афганистану, куда входили наши войска.

Мы поступили таким образом, что альтернативой такого ввода является постановка наших войск гарнизонами в ряде районов, не вмешиваясь во внутренние дела, не проводя никаких боевых действий.

В этом была альтернатива. Считаю, что это было разумно. При этом мы настаивали также на том, чтобы возможно больше помогать населению, чем только способны, то есть продолжать наши дружеские отношения.

И, наконец, не наращивать количество войск. С этим

согласились, и начался ввод. Ввод проведен был очень организованно.

Очевидно, многим известно, что были задействованы десантные войска и войска, которые выдвигались по сухопутным направлениям. Первоначально как будто бы так и получалось, как мы и хотели, то есть стать гарнизонами, и не было у нас никаких конфликтов… Однако мы почувствовали, что может быть где-то провокация, и она может привести к тяжелым последствиям. Так и получилось.

В первые же дни в артиллерийском полку 20-й пехотной дивизии убили несколько наших военных советников. Естественно, так просто оставить это было нельзя. Были приняты меры. Коль были приняты меры, ясное дело, что это стало гласностью сначала в том районе, а затем и в других районах. И как снежный ком начали наращиваться боевые действия.

Мы, конечно же, об этом очень сожалеем, но коль наращиваем боевые действия, то мы были вынуждены наращивать и войска, привлекать новые силы. Для провокаций активно использовались религиозные моменты: верные — неверные, угроза исламу и т. д. Поэтому главарями банд были в основном представители руководства духовенства, муллы. А слово муллы — это закон, это слово Аллаха, и каждый, конечно же, шел выполнять поставленную ему задачу.

Отдельная тема разговора — это Хафизулла Амин.

Когда к власти пришел Амин, мы почувствовали, что это фигура очень опасная. Она опасна была в первую очередь для афганского народа. Он занимался массовым уничтожением, ликвидацией всех тех, кто ему неугоден, с одной стороны, с другой стороны, он опасен был и для нас как руководитель, лидер страны по соседству с нами, в плане того что он мог не выполнить те договорные обязательства, которые у нас имелись. И он мог это сделать в то время. Поэтому надо глазами 1979 года смотреть на всю ситуацию.

Мы не могли исключить, что тот же Амин пригласил бы на территорию некоторые подразделения американцев, которые могли бы разместить свои контрольные органы на севере Афганистана с таким расчетом, чтобы просматривать все, что делается на наших полигонах, где испытывалось ракетное и оружие ПВО, ВВС…

Это для нас было опасно. И поэтому, конечно, ставя себя в положение руководства, это действительно один из факторов, который, может быть, и послужил причиной принятия решения на ввод войск на территорию Афганистана.

Что же касается других моментов, как, например, принести

дух социализма, вряд ли кто-либо об этом думал в то время. Нет, конечно. А вот эта сторона дела, то есть безопасность нашего государства, обеспечение такой безопасности, — это присутствовало, несомненно.

Иногда некоторые товарищи, в том числе из тех, которых я глубоко уважаю, почему-то проводят аналогию нашего ввода в Афганистан с тем, что произошло когда-то у американцев с Вьетнамом.

Что это тоже трагично, так же преступно, незаконно, и так далее, и тому подобное. С этим категорически нельзя согласиться. И вот почему.

Ни по целям, ни по задачам, ни по методам действий, ни по итогам того и другого нет ничего похожего, ничего общего. Мы входили туда не для захвата, а для стабилизации, выполняя просьбу, действительно же это так!

Там же никого не просили, они Северный Вьетнам крошили в пух и прах. Мы ставили перед собой задачу стабилизировать обстановку и помочь народу, там же была настоящая война.

Методы действий были совершенно разные. Особенно если взять, допустим, вторую половину всей афганской эпопеи, период проведения политики национального примирения, то в этом участвовали не только афганцы, а в ряде случаев не столько афганцы, сколько советские. Чтобы навести порядок и примирить этих афганцев, сам лично встречался со многими главарями банд и уговаривал их.

Кстати, у нас с Юлием Михайловичем (бывший посол СССР в РА Воронцов) есть общее письмо Ахмад-шаху. Мы написали ему, конечно, с ведома Наджибуллы, что мы хотим встретиться с ним, приедем без охраны с одним переводчиком. И договоримся, чтобы не было никаких распрей и столкновений на перевале Саланг, через который проходит главная магистраль страны.

Мы делали все необходимое для того, чтобы примирить противоборствующие стороны.

Что касается Амина, то он просил ввода войск, он боялся оппозиции, это действительно так. Амин — это очень коварный человек. Он сегодня вас просит, а завтра скажет американцам, что отказывается от этой просьбы, и попросит их о помощи. Вот в чем дело. И это коварство сбрасывать со счетов было нельзя, мы этот момент учитывали. И когда уже он обратился, а мы чувствовали, что он по характеру человек коварный, то я думаю, что именно поэтому и появилось такое политическое решение о вводе войск.

Принимала это решение узкая группа лиц, и сказать сейчас, от кого конкретно исходила инициатива, кто настоял, как вел себя Брежнев, невозможно. Нет сейчас людей, которые могли бы

что-то сказать по этому поводу и доказать. По мере поступления просьб афганской стороны в ЦК КПСС мы постоянно отговаривали от принятия подобного решения.

Ясное дело, это решение родилось с большим трудом и нежеланием. Хотя и оппозиция в Афганистане располагала довольно крупными силами, и была реальная опасность для режима, который существовал в то время.

Но лишь потому, что к власти пришел Амин, и от него можно было ожидать тяжелых шагов, которые могли отразиться на безопасности нашего государства, они наконец решились на такой шаг.

Решение принимали четыре человека — руководители нашего государства, письменное или устное, это одна сторона вопроса. Но главное, решение было принято и дано распоряжение министру обороны ввести войска. Министр собрал нас и сказал, что принято решение отдать приказ, и все пошло в соответствии с тем положением, которое существует у нас в Генеральном штабе. В Генеральном штабе имеются документы: как мы вводили войска, как мы планировали, когда, кому, куда, в какое время, по какому направлению, к какому сроку, все это у нас расписано до деталей, все задачи, все это у нас законно. А на Верховном Совете несколько месяцев спустя объявили, чтобы узаконить ввод, хотя они уже были введены. Тогда это было нормой. И Горбачев следовал этой норме. Это было неправильно, не цивилизованно, но это было…

Мы, военные, не могли сами сделать без политического руководства ни одного шага. Скажу, что начиная с 1984 года, а вернее, может быть, даже с конца 1983-го, мы сами, военные, выходили на руководство нашего государства с предложениями разрешить это только политическим путем. Военным путем эту проблему не решить. Было видно, что чем дальше, тем больше столкновений и тем больше привлекается сил и средств. Это было понятно каждому. И мы, военные, настоятельно требовали постепенного вывода войск и настояли на выводе шести полков в 1986 году, а не по настоянию Горбачева.

С конца 1984 года меня вызывали на заседание комиссии по Афганистану (эта комиссия была создана при Политбюро ЦК КПСС). Ее возглавлял министр иностранных дел. В свое время это был Громыко, а потом стал Шеварднадзе.

С 1985 года я работал в составе этой комиссии на постоянной основе, вплоть до вывода войск.

Кстати сказать, я оставался, а Наджибулла выезжал в отпуск к нам в Советский Союз в Крым.

Если говорить о Горбачеве, то, как только он стал генсеком,

наши военные, конечно же, стали стимулировать политическое решение афганской проблемы. В результате шесть полков были выведены, у нас в Союзе практически родилась политика национального примирения. Она была поддержана Наджибуллой и его окружением. Это было в 1985 году, а войска оставались и при Горбачеве до 1989 года…

Мы-то постоянно продолжали помогать во всем, но решительных действий с нашей стороны не было. Решения и наши практические действия в 1989 году были позорными. Вводили войска мы на основании двухсторонних соглашений, а выводили с привлечением США и Пакистана по настоянию Шеварднадзе. Мое предложение было следующим: ликвидируем мы какой-то свой гарнизон, и зеркально ликвидируется на той стороне, на территории Пакистана какой-нибудь военный объект. То ли арсенал, то ли центр подготовки, то ли лагерь, то ли что-нибудь такое. Кстати, так исторически сложилось, что у нас было 183 военных городка, а на той стороне был 181 объект, так что это вполне приемлемо было.

Очень правильный вывод, что Афганистан, по сути дела, явился полигоном для испытания оружия и военной техники как для СССР, так и для США. Приобретался боевой опыт, происходила модернизация того, что там находилось.

Мы входили в Афганистан друзьями, находились там друзьями, уходили друзьями и остаемся таковыми. В этом никакого сомнения нет. Я летал в Афганистан уже после вывода войск. Был в Кабуле, был в Кандагаре, с переводчиком одним. Ходил к афганцам, встречался с губернатором… Как видите, я жив и здоров, вернулся оттуда, это непростой фактор.

А потом эти встречи с главарями банд в каких-то укромных местах, засекреченных, это тоже непростое дело, однако они не захватили меня заложником, хотя могли бы это сделать многократно и получить выкуп какой-то, да и сыграть на этом политически. Но они этого не сделали. Потому что среди афганцев есть очень много людей, которые реально и правильно оценивают ситуацию.

По моему мнению, в том, что произошло в первые годы нашего пребывания там, в том числе и при вводе, во многом повинен Бабрак Кармаль. Ведь он лучше знал свой народ, он лучше знал традиции и обычаи, он должен был подсказать, где имеются силы духовные, социальные, которые мы должны были использовать, чтобы умиротворить. Он же этого не сделал. Наоборот, он старался как-то подтолкнуть нас к действиям, больше и больше, чтобы себя оградить и создать условия безопасности для своей личной жизни…

Он очень неудачный лидер оказался. Он оказался позером, думающим только о себе. Секрета нет, он мог принять позу перед зеркалом и сказать: а чем я не Ленин?..

Он мог говорить, говорить, много говорить и ничего не делать, не решать никаких задач. У нас, кстати, тоже некоторые умели очень долго и пусто говорить, но совершенно не решать никаких задач.

О Бабраке как о лидере сложилось самое мрачное представление и сожаление, что совершена ошибка, что он был поставлен у руля.

Не могу судить, от кого конкретно исходила инициатива о вводе войск, говорить о ком-то с моей стороны было бы сейчас некорректно. Генеральный штаб патологически не переносил этого решения, но он был вынужден быть исполнителем или быть во главе исполнения этого решения. Политическое решение определило наши дальнейшие действия. Мы же выполняли поставленную нам задачу.

Вспоминает генерал-лейтенант в отставке Лев Николаевич Горелов (бывший Главный военный советник в Афганистане в 1975–1979 гг.)

В 1978 году после переворота были сняты со своих должностей все командиры дивизий, полков и корпусов, которых мы готовили и обучили. Кроме того, в армии явно начали проявляться две группировки — «Хальк» и «Парчам». Мы стремились делать все, чтобы не было противоречий, и не принимать ничью сторону.

Вооруженные силы Афганистана в то время состояли из 10 пехотных дивизий, входящих в три армейских корпуса, трех танковых бригад, пяти авиационных полков, зенитно-ракетной бригады и артиллерийской бригады. Сухопутные войска насчитывали 180 тысяч, авиация 81 тысячу человек.

В Пакистане создавались лагеря для подготовки боевиков. Войска были разбросаны по населенным пунктам: уходили войска, уходила и власть. Почти сразу же после апрельских событий начались боевые действия. Прибыли советники для ускорения создания пограничных внутренних войск.

Откровенно должен сказать, что мы не знали о перевороте, даже посол, который в то утро вернулся из аэропорта и сообщил, что в том районе идет стрельба и выдвигаются танки. Я связался с танковой бригадой: «Куда танки вышли?» — «Танки вышли на Кабул, — говорит советник. — Ватанджар повел танковый батальон».

Постепенно был введен институт политработников. Прибыли советники-политработники, которые во главе с В. П. Заплатиным очень много сделали для поднятия морального духа афганских солдат и офицеров, улучшения бытовых условий, организации учебы и т. д.

Просьбы о вводе были неоднократные. О них я докладывал в Москву, информировал посла. Незадолго до ввода войск меня вызвали в Москву доложить о положении в афганской армии.

В Москве сначала меня заслушал Н. В. Огарков. На следующий день поехали в Кремль. На встрече присутствовали Устинов, Огарков, Андропов, Громыко, Корниенко, Пономарев.

Я не знал, что вырабатывается решение о вводе. Доложил о состоянии армии, изложил просьбы афганского руководства о вводе войск. Изложил свою точку зрения, что этого ни в коем

случае нельзя делать. Не было той ситуации, которая обязывала бы нас удовлетворить эти просьбы. Ну, выслушали они меня, и я вышел, начали слушать Иванова. Что докладывал Иванов, не знаю.

Мы докладывали основные шифровки, согласованные, но ряд шифровок я давал без согласования и получил замечание от маршала Устинова: «Ну что у вас там за взаимоотношения: посол — одно, военный атташе — второе, а вы — третье».

Я говорю: «Товарищ министр обороны, у меня много источников, которыми я пользуюсь, чтобы дать информацию. Иногда они не соглашаются, или я не соглашаюсь с ними».

«Ну, вы уж там подружнее действуйте как-то…»

Андропов и Громыко просили дать характеристику Амину. Я доложил, что это волевой человек, очень работоспособный, к нашим советским людям и к Советскому Союзу исключительно хорошо относится, добросовестный, но в то же время очень хитрый человек. Были репрессии с его стороны, но это были решения, принятые совместно с Тараки. Тогда в августе Тараки еще был живой.

В октябре я еще раз был в Москве вместе с Василием Петровичем Заплатиным для доклада о положении в армии. И тогда я ни от кого не слышал о том, что готовится ввод войск.

Но Николай Васильевич Огарков постоянно и назойливо повторял: «Лев Николаевич, никогда не поддерживай, уходи от разговоров с Амином и Тараки по поводу ввода войск. Мы там снарядами, бомбами порядок никогда не наведем». Я запомнил эти слова и всегда четко руководствовался ими.

О вводе войск я узнал уже после того, как вернулся, сдал должность и в Генштабе встретил одного политработника в полевой форме. На мой вопрос «Что это ты в полевой форме в Генштабе? Ты куда едешь?» он ответил: «Я еду к вам». — «Зачем?» — «Вот войска там приводим в боевую готовность — пойдем, видимо, к вам».

Для меня это неожиданно было. В Генштабе я просидел с 6 по 20 декабря. Никто меня не вызвал, не посоветовался. Я посчитал, что мне выражено недоверие. И вообще, в этой обстановке им нужно было меня убрать. Правда, уже два раза срок моей командировки истек. Вначале Дауд попросил меня оставить, потом Тараки, Амин. Все меня оставляли, но тут уже и здоровье начало подводить. Но я бы все равно остался, если бы мне сказали остаться, видимо, для пользы дела нужно было меня оставить, если уж так.

Меня, в общем-то, и раньше настораживали приезд десантников под руководством генерала Калягина, а затем

рекогносцировка Кабула группой представителей десантных войск, а перед этим оборудование узла связи.

В декабре перед отъездом в санаторий я зашел к Огаркову, он говорит: «Лев Николаевич, афганская армия будет стрелять по советским?..» Я говорю: «Товарищ маршал, не будет она стрелять по советским…»

И вот этого полковника увидел. Кроме того, я позвонил еще товарищу в Витебске — начальнику тыла дивизии. Он мне и говорит: «Я в исходном районе — готовы лететь к вам». Это было числа 19 декабря.

Что касается покушения на Амина, это было 13 сентября. Тараки возвращался из Гаваны через Москву. При встрече Амин доложил Тараки, что группировка Ватанджара, Гулябзоя, Сарвари, Маздурьяра выступает против всех шагов Амина, и попросил снять их с должностей. Эта четверка была очень близкой и приближенной к Тараки. Мы доложили в Центр и получили распоряжение от Политбюро организовать встречу Тараки и Амина и примирить их. Мы с послом сначала не нашли Амина и связались с Тараки. Посол намекнул ему, что Амин не так себя ведет.

Тараки говорит: «Товарищ посол, он сын мой, я ему во всем доверяю, и вы, пожалуйста, не беспокойтесь. У нас будет единство». На следующий день мы узнали, что эти министры сняты с должностей, а Тараки заверил нас, что они останутся. Едем опять к нему.

Говорим: «Товарищ Тараки, ну вы же обещали вчера единство, смотрите, снимаете четырех министров, это на пользу не пойдет».

Он в ответ заявляет: «Пригласите, пожалуйста, Амина». Позвонили и пригласили Амина и продолжили разговор. Он опять повторил: «Вы не беспокойтесь, все в порядке. Хотя я благодарю руководство вашей партии за то, что вы беспокоитесь об этом. Но вы не беспокойтесь, все будет в порядке». Вдруг раздается стрельба, гарь пороха, влетает жена Тараки и говорит: «Амин! Тарун! Амин! Тарун!..» Я к окну. Вижу, Амин тащит своего порученца или адъютанта, руки у него в крови. Тараки открыл дверь, вышел и говорит: «Тарун! Тарун! Тарун!» Я не пойму, что такое Тарун. И тут он сказал: «Провокация!»

Мы не знали, что же дальше нам делать. Решили разбираться по своим линиям и поехали сразу к Амину. Когда выходили, переступили через труп, увидели убитого Таруна.

Говорим Амину: «Что будем делать дальше?» Он говорит: «На меня совершено покушение, завтра соберется ЦК и Ревсовет, и мы решим, что делать. На меня покушался Тараки. Видимо, он будет

снят со всех постов». Мы ему говорим: «Как это снят?! Вы его хоть почетным Председателем оставьте…»

«Нет! В общем, завтра решим». Мы уехали.

Произошло это так. Амин вошел в холл вместе с порученцем, их встретил Тарун — порученец Тараки — и повел их по холлу. Не успел Амин выйти из-за стенки, раздалась автоматная очередь. Тарун убит, а Амин хватает своего адъютанта и тащит к машине… Это произошло практически на наших глазах.

Тараки после этого я не видел. На следующий день состоялся пленум. В 10:00 начались выкрики (мой кабинет был рядом): «Ура, Амин! Ура, Амин!» Продолжалось это где-то около часа. Позвонил послу: «Александр Михайлович, приезжайте, сейчас, видимо, какое-то решение будет». Посол приехал, зашел ко мне, в это время закончился пленум. Выходит Шах Вали, министр иностранных дел, и представляет Амина как вновь избранного главу государства и Генерального секретаря. Мы его поздравили. На этом закончилось. Из Москвы никаких указаний не поступало.

На третий день Москва официально признала Амина и поздравила его.

Что касается слухов о причастности Амина к ЦРУ, то такой информации не было, кроме утверждений самих афганцев: «Раз учился в Америке, значит, связан, видимо, с ЦРУ».

Хотя эти слухи могли быть запущены специально и нашими службами, возможно.

Я очень переживаю за то, что произошло в Афганистане. Не нужно было вводить войска. Никакой целесообразности, как я уже подчеркивал, ввода войск с целью удержания этого региона не было. При такой группировке, при таких скоростях, при такой нашей технике прорезать этот Афганистан нужно-то несколько часов времени на это. Пакистан бы напрямую не вмешался. Афганская армия была в состоянии во взаимодействии с погранвойсками удерживать положение на границе с Пакистаном и в стране в целом.

Угрозы нашим южным границам как таковой не было. И то, что Амин начал устанавливать контакты с другими странами, ничего плохого в этом нет, это не было в ущерб дружбе с нами, и никакой тут измены со стороны Амина не было.

Полагаю, что нельзя в продолжение уже сказанного не предложить читателям материал с интервью Л. Н. Горелова.

Материал обработан Артемом Шейниным, Андреем Грешновым, Дмитрием Бабкиным и Сергеем Скрипником в августе 2006 года.

ВОПРОС: Вы были Главным военным советником в Афганистане с 1975 по 1979 год. Как произошло ваше назначение?

ГОРЕЛОВ: В июне 1975 года я был вызван к начальнику Генерального штаба маршалу Куликову. Он вкратце охарактеризовал мне обстановку в Афганистане и сказал:

— Мы сейчас кое-что пересматриваем, усиливаем наше сотрудничество с Афганистаном, передаем туда технику и увеличиваем количество советников. Я изучил ваше личное дело, и мы решили предложить вам поехать туда Главным советником. Как вы на это смотрите? Как здоровье?

Я ответил, что здоровье в норме.

— А у супруги?

— Болеет иногда, но в общем нормально.

— Тогда я вам желаю успехов в работе. Думаю, мы еще много будем с вами общаться по связи. Будем вас вызывать, а вы — докладывать о положении дел в Афганистане. Но учтите главное — в ходе вашей работы нужно сохранить жизни наших советников. В политические вопросы не вмешивайтесь. Решайте свои задачи, главная из которых — подготовка армии к боевым действиям. Каков противник, вам на месте расскажут, главное, политикой не занимайтесь.

После этого напутствия он пожал мне руку, и я ушел…

ВОПРОС: Вы сказали, что он вас вызвал и охарактеризовал обстановку в Афганистане на тот момент. А как он ее охарактеризовал? Что он конкретно сказал про обстановку в стране?

ГОРЕЛОВ: Он сказал, что обстановка в Афганистане стала намного хуже, чем при короле Захир-Шахе. В том числе и в армии. Потому что с приходом Дауда было снято большое количество генералов, офицеров с дивизий и полков. Боевая готовность понизилась — на должности командиров батальонов пришли командиры рот, комбаты стали командовать дивизиями. Надо будет сосредоточить главное внимание на подготовке офицерского состава.

Второе: с учетом организации боевой подготовки офицеров обратить внимание и на быт людей. Вся армия спит на полу: казарм нет, кроватей нет, едят тоже на земле. И последнее: армию надо вывести из казарм. Они и огневой занимаются на плацу, и тактикой на плацу, все у них на плацу. Вывести их в поле, в горы, и уже там заниматься боевой подготовкой. И начать нужно с офицеров.

Обратить внимание на наших, советских офицеров. Мы где

проводили учения в Союзе? Только на Кавказе, где у нас еще там горы? Мы же посылаем туда наших офицеров из внутренних округов. Так что займитесь своими офицерами тоже.

Это что касается армии. Но, кроме того, дерутся две группировки — «Хальк» и «Парчам», да еще и офицеры между собой. В их среде тоже нет единства, а мы имеем данные о том, что они хотят свергнуть и Дауда. Единства нет никакого, потому что все эти группы дерутся между собой за власть. Еще раз повторяю вам, не вмешивайтесь…

На границе обстановка пока спокойная. Но те из сторонников Захир-Шаха, кто ушел за рубеж, уже начинают формировать боевые команды, переходить границу и заниматься подрывной деятельностью.

Вот так он и сказал.

— Остальное вам поведает наш посол, Александр Михайлович Пузанов. Он там уже давно, он вам все расскажет, в том числе обрисует и политическую обстановку в стране.

ВОПРОС: И вы поехали…

ГОРЕЛОВ: И я поехал.

ВОПРОС: Сразу с семьей?

ГОРЕЛОВ: Да, сразу с семьей.

ВОПРОС: Расскажите первые впечатления. Вы же никогда до этого не были в Афганистане?

ГОРЕЛОВ: Никогда не был, не представлял даже, что это такое, разве только по книгам. Для меня назначение стало полной неожиданностью, и в то же время я представлял себе, как сложно будет работать в Афганистане. Почему сложно? Я в Великую Отечественную после взятия Вены немного в Альпах повоевал. Больше опыта войны в горах не имел. А тут, в Афганистане, — сплошь «особенности». Для меня сразу стало понятно — надо и самому приобрести опыт работы в горах, и вести туда офицеров. И уже там, в горах, их готовить. Призадумался я: тяжелое дело будет, нелегко дастся нам этот Афганистан.

Познакомился с людьми, они приняли меня хорошо. В первую очередь Дауд. На второй день он меня принял, потом принял министр обороны. Они к нам с самого начала отнеслись очень, очень тепло.

И началась наша работа. Дауд сказал мне: «Помимо министра обороны, я вам предоставляю право в любое время приходить ко мне и докладывать о положении в Вооруженных силах. Меня беспокоит положение в Вооруженных силах».

ВОПРОС: Когда Куликов ставил вам задачу и описывал обстановку в Афганистане, он сказал, что нужно готовить армию

к боевым действиям, а к каким боевым действиям и кто потенциальный противник, вам там объяснят. Вы приехали в Афганистан. Кто и что вам там объяснил?

ГОРЕЛОВ: В первую очередь мне сказал Дауд: «Основной противник у нас — это Пакистан. Положение усугубляется тем, что от нас ушли те, кто поддерживал Захир-Шаха. Они ушли в Пакистан, сейчас там и формируются. Словом, основной противник — это Пакистан, которому помогает Америка, поддерживает его во всех антиафганских «начинаниях». На Западе, с Ираном, у нас отношения ровнее. Я думаю, что впоследствии они будут нормальными».

ВОПРОС: Дауд сказал, что главный противник — Пакистан. Он каким-нибудь образом обозначил, какая угроза для Афганистана исходит от Пакистана?

ГОРЕЛОВ: Захват территории, захват природных ресурсов. Оценивая обстановку, они думали, что Пакистан может напасть на Афганистан. Но и сами подумывали о том, как напасть на Пакистан с определенной целью *(улыбается)*… Но этого впрямую он мне не говорил, конечно.

ВОПРОС: Вы приехали в Кабул. Стали встречаться с офицерами, поехали по гарнизонам. Ваши первые впечатления от состояния афганской армии?

ГОРЕЛОВ: Я сразу поехал в Гардез, потом в Кандагар, потом в Мазари-Шариф, на север. Но в первую голову, конечно, в Гардезский корпус, Джелалабадскую дивизию посмотрел. Я убедился в том, что афганская армия не занимается боевой подготовкой, а занимается строевой. И даже стрельбы проводят на плацу. Полоса препятствий и маленький тир, построенный… на плацу. Учений никаких не проводили. Поэтому задача была предельно упрощена: поднять и вывести армию в поле. И второе — проявить, как мне Куликов сказал, заботу о людях, чтобы они почувствовали на себе заботу об их быте.

ВОПРОС: То есть действительно все у них было так плохо?

ГОРЕЛОВ: С жильем, конечно, было плохо: спали на полу. Матрасы на полу во всей армии. Почти не было казарм, а если и были, то в недостаточном количестве. Только гвардия обитала в хороших казармах.

ВОПРОС: У них была призывная армия?

ГОРЕЛОВ: Призывная, у них действовал принцип призыва.

ВОПРОС: Когда я служил, я видел, как набирали солдат в армию — такое впечатление, что их отлавливали и просто насильно туда загоняли. При вас это так было?

ГОРЕЛОВ: Нет.

ВОПРОС: Расскажите.

ГОРЕЛОВ: В армию шла, как и у нас, директива о сборах, как правило, устная. Отдавался приказ, и люди шли служить в армию. Конечно, бывали случаи, когда приходилось и отлавливать. Это происходило, когда люди жили высоко в горах. Пока туда эта директива дойдет! Для руководителя провинции или его помощников это была очень серьезная задача — довести директиву о призыве в горные кишлаки. Это же для них целое событие. И порой приходилось отлавливать. Но в основном, конечно, призывали.

ВОПРОС: Служить в армии в 1975–1976 годах было почетно?

ГОРЕЛОВ: В 1975 году, с приходом к власти Дауда, забота о солдатах и офицерах уже серьезно чувствовалась. И они служили с желанием. Конечно, не все, но в основном с желанием занимались боевой подготовкой.

ВОПРОС: Вы часто встречались с Даудом. На тот момент он уже четко определился, что его военный партнер — это Советский Союз? Как Дауд относился к западным странам, Европе, США? Насколько вы его оцениваете верным союзником Советского Союза?

ГОРЕЛОВ: Таково было первое впечатление в самом начале работы, когда мы встречались много. И уже впоследствии, когда мы с послом ходили к нему. Он очень тепло и дружески отзывался об СССР во всех наших разговорах.

Ну, вы знаете, что в Афганистане от гвоздя до самолета — все из Советского Союза. А те, кто управлял техникой, они тоже — танкисты, вертолетчики — учились у нас. Летчики учились у нас все поголовно. И Дауд, искренне — не искренне, но завязан был на тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Что у него в сердце было, трудно сказать, но отношение к нам, к военным советникам, к советским людям, к Советскому Союзу было самое хорошее. Но потом, позже уже, мы узнали (по данным разведки), что он входил в контакт с американцами. Но это была закрытая информация. Она исходила сугубо от разведчиков. А так мы не чувствовали, что он ориентируется на другие страны.

ВОПРОС: А какие-нибудь другие иностранные советники были?

ГОРЕЛОВ: Нет, других иностранных советников не было.

ВОПРОС: То есть получается, что Афганистан при Дауде был вполне ориентирован на Советский Союз?

ГОРЕЛОВ: Совершенно правильно. И надо было развивать это сотрудничество еще сильнее. Но мы потом насторожились, когда узнали, что все-таки есть у него контакты с представителями других государств. Один раз принял посла (США), второй раз принял посла… Может быть, это и была дипломатия, но пошли

данные, что он идет на контакт с американцами. Прямых данных, подтверждающих это, не было. На разрыв с Советским Союзом и вообще на ухудшение отношений намеков не было. Наоборот, в военном отношении он у нас много чего просил.

ВОПРОС: А что он просил?

ГОРЕЛОВ: Просил в широком масштабе предоставить вертолеты, современную авиацию. Там были «МиГ-21» только, полк «МиГ-21» стоял. Он просил более современные самолеты. Просил артиллерию, танки. Там у них один полк, одна бригада на «Т-62», остальные были «Т-54», он просил новые танки. Средств связи просил очень много, у них средств мало было, мы средства связи им дали.

Относительно вертолетов. Послали учиться в Советский Союз экипажи, а потом решили дать им и вертолеты. Но пока, в то время, было у них всего одно звено вертолетов, больше ничего.

ВОПРОС: На тот момент, 1975 год, на территории страны были очаги нестабильности, повстанческие действия? Какая была ситуация?

ГОРЕЛОВ: Обстановка была спокойная в целом, но уже начали отдельные, как мы их называем, бандформирования проникать на территорию Афганистана. Но они быстро ликвидировались или выдворялись обратно в Пакистан. В общем, обстановка на границе было спокойная. Просто там граница относительная, она не выраженная.

ВОПРОС: Вас предупреждал Куликов о противостоянии между «Хальк» и «Парчам» в обществе и среди военных. Вот вы приехали, начали с ними работать — каким образом вы сталкивались с этим? Что вы об этом знали и как это проявлялось?

ГОРЕЛОВ: Мы имели строгие указания не вмешиваться в политику, ни тех, ни других не поддерживать. Но многие из них учились у нас. Они устанавливали с нами связь, пытались выстроить теплые отношения. Они нам рассказывали о положении в партии, в том или другом ее крыле. В той партии, которую Тараки возглавлял, и в той, которую возглавлял Бабрак. Доверительно с нами разговаривали.

ВОПРОС: Кого было больше среди офицеров — халькистов или парчамистов?

ГОРЕЛОВ: Больше было халькистов. Ну, халькисты, вы знаете, народ бедненький, так можно сказать. А «Парчам» — это богатые люди.

ВОПРОС: На уровне общения, боевой учебы как-то это противостояние проявлялось?

ГОРЕЛОВ: Нет, не было. Противостояния не было. Все, что

мы говорили, они делали.

ВОПРОС: Были какие-то свидетельства того, что офицеры действительно думают о захвате власти, свержении Дауда?

ГОРЕЛОВ: Были. Но они очень осторожные люди. Они высказывали недовольства какие-то, скажем, Дауд обещал демократические реформы провести, а он их не проводит. Он обещал много. А военные планировали, что со временем управление государством должно измениться. Не говорили ничего о сроках, но мы чувствовали, что они все-таки готовятся к чему-то.

ВОПРОС: И они даже от вас этого не скрывали?

ГОРЕЛОВ: Нет, но и прямо не говорили: мол, мы уберем завтра или послезавтра Дауда.

ВОПРОС: На тот момент были ли реальные предпосылки революции в Афганистане?

ГОРЕЛОВ: На это я что скажу… Главная предпосылка — это рабочий класс, правда? Рабочего класса не было. Предпосылка — офицерские кадры, армия. А вообще, это не революция была, а скорее переворот, сделанный офицерским составом, армией.

Гм… революция, я считаю, что это ошибка. Какая революция, кто в этой революции участвовал? Армия пришла и свергла Дауда. И все. Рабочего класса нет. Ну, конечно, кое-какая интеллигенция поддержала. Не было предпосылок. Зрело это все в сердцах офицерского состава, интеллигенции — недовольство Даудом.

ВОПРОС: А что он такое делал, что у них недовольство зрело?

ГОРЕЛОВ: Не проводил реформы.

ВОПРОС: А зачем армии демократические реформы? Военные, наверное, другого от него ждали. Чем он их не устраивал?

ГОРЕЛОВ: Сам жизненный уровень в стране их не устраивал. Народ же был нищий, а большинство офицеров — выходцы из народа. То есть они ориентировались на Север. Они же многие учились у нас, большинство. Видели, что и как в Советском Союзе. Ориентировка была на нашу страну. На тот же Узбекистан, на тот же Казахстан, на тот же Туркменистан. Там народ нормально жил.

ВОПРОС: Революция, апрель 1978 года: как это отразилось на армии, на вашей работе, как это вообще случилось?

ГОРЕЛОВ: Сама революция началась… переворот, не революция… так. Посол поехал на аэродром. Я сейчас не помню, он кого-то встречал, я был в посольстве. И вдруг говорят: танки вошли в Кабул и сделали несколько выстрелов по Министерству обороны и дворцу. Мы в недоумении. Я начинаю выходить на

связь с советниками. Они говорят — да, получили приказ. Одна бригада в готовности выйти в Кабул. Другая (пятый батальон 15-й бригады) уже вышла в Кабул. Приезжает посол, говорит: «Стрельба, везде стрельба». Ни он не знал об этом, ни наши органы не знали. Они так сработали, и «Хальк», и «Парчам», что мы ничего ровным счетом не знали. Я, к примеру, не знал и посол не знал — это точно. Потом приезжает уже от них представитель Тараки: «Атаковали дворец, успеха не имеем, что делать?»

Ну, что делать? Посол говорит мне: «Давай…»

Я говорю: «Имею право давать?»

«Да» — он мне дает право говорить с Кадыром. Представитель Тараки — именно Кадыр. Он возглавлял военную операцию.

Я им говорю: «Отводите войска от дворца и наносите авиационные удары».

Они нанесли удар звеном, и группа офицеров после этого ворвалась во дворец. Дауд выстроил всю семью и своих приближенных во дворце. Когда офицер афганской армии сказал «сдавайтесь», двоюродный брат Дауда, который стоял в том строю, выстрелил в этого офицера. Тогда те, кто пришел, группа из 5–6 человек, всех их перебили, Дауда убили и всю семью, и всех остальных. Вот так убирали Дауда.

ВОПРОС: Вы говорили, что жена ваша оказалась рядом с дворцом, под бомбами, во время революции?

ГОРЕЛОВ: Я был в посольстве, когда стрельба началась. А она все это видела, слышала, вернее, вышла на балкон. Она не военный человек. Над ней падают бомбы. Она пережила столько — думала, вот сейчас бомба упадет и убьет ее. Думала обо мне, что я там делаю, где я? Был такой момент.

После этого страшная обстановка сложилась в армии: арестован командир Кандагарского корпуса, привезен в Кабул командир Гардезского корпуса, командиры дивизий. Короче говоря, армия обезглавлена. Нет руководства. Ставят на корпус командира роты. На второй корпус — командира батальона. А в каждом корпусе три дивизии. Что делать? Ну, я все докладываю в Москву. Мне прямо говорят: сосредоточьте сейчас вновь все свое внимание на подготовке офицерского состава и разбирайтесь на месте. Мне уже дают команду — мол, внимательно присматривайтесь, кто — «Парчам» или «Хальк» — приходит к руководству в армии. Опять те же вводные: вы не вмешивайтесь, но советуйте. Вы работали, видели этих офицеров, командиров рот, командиров батальонов. Принимайте участие, посильное, в назначении кадров на руководство армией.

Это был тяжелый момент, очень тяжелый. Потом Тараки

провел ряд совещаний с высшим офицерским составом, назначения некоторых командиров. Кадыра он, правда, отстранил, армию стал курировать Амин, а министром обороны назначен был Ватанджар. Словом, сложная обстановка была, то есть с кем я раньше работал — никого уже нет. Все новые пришли. Вот в такой обстановке мы начали работать, очень было тяжело.

ВОПРОС: Вы сказали, что начались репрессии, что начали снимать с должностей командиров корпусов, дивизий. Вы пытались каким-то образом вступаться за них, что-то от вас зависело?

ГОРЕЛОВ: Да, да. Когда сняли командира Гардезского корпуса, я к Тараки пришел, с послом предварительно посоветовавшись. Обратился к Тараки, мол, так и так, надо командира корпуса восстановить в должности.

Но Тараки был против, предложил назначить на эту должность кого-нибудь другого.

Тараки говорит:

— Кого вы рекомендуете?

— Я рекомендовать не имею права. Но если хотите знать мое мнение, по деловым качествам подходит командир 12-й дивизии. Он может пойти на корпус.

То же с Кандагарским корпусом. Там хороший был командир корпуса. Мы тоже пытались его оставить. Нет, убрали.

Центральный корпус. Ну, с Центральным корпусом ничего не получилось. Центральным корпусом командовал сам министр обороны. Потом нашли командира дивизии, назначили на этот корпус.

Мы влияли, но, понимаете, влиять нам было тяжело. Деловые качества человека мы еще знали, а вот какое у него настроение, какое его отношение к нам, знал, наверное, только черт. До этого оно не проявлялось никак.

По министру обороны: тут я уж сам выходил на Тараки, просил оставить министром обороны Кадыра. Временно его назначили министром обороны. Это истинный друг Советского Союза, много учился в СССР, хороший летчик, и он руководил этим мятежом, переворотом и революцией. Его оставили, но через несколько месяцев все равно убрали. Они с Амином не нашли общего языка.

ВОПРОС: За что этих людей убирали, в чем была причина?

ГОРЕЛОВ: Они были при Дауде, если можно так выразиться, при буржуазном строе, а пришел новый строй — они социализм начали строить. Коммунисты пришли, там многие коммунисты были, а эти нет, поэтому и снимали.

ВОПРОС: Поскольку и вы работали при Дауде, те новые, кто пришел, как они к вам относились? Вы не чувствовали, что как-то изменилось отношение к вам?

ГОРЕЛОВ: Нет, самое нормальное отношение было. Понимаете, я, когда работал, еще раз хочу подчеркнуть, в политику не вмешивался. Я проводил сборы с советниками, все решали вопросы тактики, тактики и еще раз тактики, учебы, боевой подготовки и так далее. Мы не вмешивались. Помните, вы спрашивали, какие отношения между «Хальк» и «Парчам»? Иногда они проявлялись в том, что офицеры из разных крыльев партии указывали друг на друга как на плохих военных. Но это были их дрязги, тут влезать было нельзя.

ВОПРОС: Вы занимались тактикой. А чего вам удалось добиться за два года пребывания в Афганистане до революции?

ГОРЕЛОВ: О, я вам с удовольствием расскажу. Дауд нас поддерживал в этом деле. Первое: мы провели дивизионное учение с боевой стрельбой, с приглашением всех послов, которые были в Кабуле. А перед этим мы все-таки сумели вывести войска в поле, провели ротные учения, батальонные учения, полковые тактико-строевые занятия. Нам удалось на примере одной из дивизий показать результаты нашей работы. На этом учении был Дауд, министр обороны и все послы. Результат был виден. Мы полагали, что со временем сумеем развить свой успех, умножить достижения.

Хочу подчеркнуть, что атмосфера для работы военного советника при Дауде была намного лучше. Он нас поддерживал во всех мероприятиях. А когда пришли Тараки, Бабрак, началась драчка между ними. Это здорово отражалось на офицерском корпусе. Начались «непонятки». Говорим — надо сделать то-то. Начинается пробуксовка. С трудом пробивали вопросы. Правда, многое сделали, многое успели.

С приходом новой власти были введены политорганы. Приехал советник при Главном политическом управлении, начали создавать коммунистические ячейки, организации. Василий Петрович Заплатин этим руководил, он очень много сделал по созданию политорганов в армии, и это послужило делу сплочения армейских рядов. Он, кстати говоря, очень много работал, старался примирить эти две группировки. Он много что сделал: во всех полках и дивизиях были созданы политорганы. Кое-как это помогло сплотить армейский коллектив. Но в целом все относились друг к другу с подозрением. В частности, командиры — к партийным организациям. Конечно, с подозрением относились, но в голос не высказывались. Однако чувствовалось во многом, что командиры не хотят делиться

властью с политработниками. Не хотел командир иметь ни помощника, ни заместителя. Он все делал сам.

ВОПРОС: После революции приехали еще советники по другим линиям, КГБ?..

ГОРЕЛОВ: После этого приехали советники по пограничным войскам, начали создавать пограничные войска. Это дало нам право собирать армию. Многие части стояли на границе с Пакистаном, а мы их стали в кучу собирать, вместе, дислокацией начали заниматься. А погранвойска, которые только формировались, стали на границе свои дела делать. С пограничниками мы в самом тесном контакте были, но становление погранвойск только начиналось. С ПГУ (Первое Главное управление КГБ при СМ СССР), честно вам говорю, отношений никаких не имел, вот такие дела…

ВОПРОС: Пишут, что отношения между «Хальк» и «Парчам», а иногда и противоречия со временем отразились и на наших советниках. Кто-то больше общался с халькистами, кто-то — с парчамистами.

ГОРЕЛОВ: Честно сказать, мы этого не замечали. Каждый день, когда ко мне приезжали вечером советники с работы, я им говорил — ребята, сейчас такая обстановка тяжелая, они дерутся между собой, не лезьте в эту драку, не поддерживайте ни тех, ни других, занимайтесь подготовкой армии, боевой подготовкой.

Потом, это уже был другой этап, Николай Васильевич Огарков мне говорил: «Лев Николаевич, в Афганистане мы бомбой и снарядом порядка не наведем».

ВОПРОС: Произошла революция, пришли к власти так называемые коммунисты. Вы говорили, что до этого обстановка в стране была достаточно стабильная, — как отразилась на ней революция?

ГОРЕЛОВ: Я видел все это, располагал достоверной информацией о том, что обстановка в стране усложнилась. Усложнялась в каком плане: к примеру, я — бедный человек, у меня дом. И есть там 20, 30, 50 соток земли. Вы — богатый человек. Мне отдают вашу землю, а они не могут брать и не берут. Единицы из бедняков взяли, потому что у них это было запрещено традициями, законом, что ли. Ну не брали они землю. Начались противоречия на селе, кругом-то у них одно село. На офицерах все это тоже здорово отражалось. Офицеры же тоже многие выходцы из сельских районов.

ВОПРОС: Недовольство в армии стало возникать из-за этих земельных реформ?

ГОРЕЛОВ: Да, правильно, из-за земельных реформ.

ВОПРОС: Что все-таки стало происходить в стране? Какое-то

началось сопротивление?

ГОРЕЛОВ: Внутри сопротивления не было. Началось активное вторжение извне. Со стороны Пакистана. Усилилось его влияние на бандформирования, так мы их называли. И началась активная подрывная агитационная работа против Тараки и Амина.

ВОПРОС: Как это выглядело на практике, что происходило?

ГОРЕЛОВ: Засылались банды, начало формироваться сопротивление. Сопротивление выражалось по-разному: организовывались акции протеста, имели место и нападения на Вооруженные силы, ведь почти в каждом районе стояли войска. Конечно, было много недовольных политикой Тараки. Но в основном вся подрывная работа против Тараки, против коммунистического режима, как они его называли, организовывалась из Пакистана.

ВОПРОС: А вы когда познакомились с Тараки, с Амином, расскажите, пожалуйста.

ГОРЕЛОВ: 5 мая я был приглашен на обед к послу. Неожиданно появляются Тараки с Амином. Посол представил меня, Тараки поинтересовался, откуда я, кто таков. Коммунист я или нет, про семью спрашивал, как мы здесь устроились, как работаем, какие взаимоотношения у нас с нашими офицерами, каково количество советников.

Посол тут и говорит: «Ну, вы с ним побеседуйте». Мы сели отдельно в сторонку с Тараки, стали говорить…

Я ему рассказал о положении в армии. Он потом Амина пригласил, сел и Амин рядом. В последующем я с ним много раз встречался, мы проводили операции — Ургунскую, к примеру. Две дивизии тогда участвовали в операции, когда туда пакистанцы вторглись. Пришлось освобождать территорию. Барикотскую. Я Тараки про каждую операцию отдельно докладывал. Как я потом понял, к этим моим докладам очень ревниво относился Амин. В том плане, что потом как-то сказал мне: «В последующем докладывайте мне, не обязательно докладывать Тараки». Было дело…

На меня Тараки произвел очень хорошее впечатление: добродушный человек. Добрая о нем осталась память. Амин — работоспособный, мог работать по 18 часов в сутки, не спать ночью, работать. Очень работоспособный, имел большое влияние в армии. Он был большим авторитетом. Амин и раньше, когда еще в подполье был, курировал армию. От халькистов. Тараки ему доверял, он его звал своим сыном, а тот звал его своим отцом. Амин — грамотный был мужик.

Мне казалось — я, может, чуть вперед забегаю, — когда

вопрос стоял о штурме дворца, о вводе наших войск, если бы мне приказали убрать этого Амина и если бы вопрос о вводе войск встал только из-за Амина, я бы мог отравить его в любую минуту, выполнить это решение у меня возможность была. Мы с Павловским частенько сидели вместе с Амином — готовили ургунскую, барикотскую операции. В общем, дружбу с Амином можно было бы и закончить, если, повторяю, вопрос о вводе войск в Афганистан упирался бы только в него.

Амин был сложный человек. Писал письмо Брежневу. Как-то раз мы с ним за полночь работали. Я уехал домой, и вдруг сразу присылают за мной машину: «Амин вас просит снова приехать». За час до этого я с Амином беседовал перед своим отлетом в Москву: был разбор, подведение итогов работы советников. Я ему доложил, что уезжаю в Москву, за меня остается такой-то, но он попросил передать привет Брежневу.

Я приезжаю ночью опять к нему, он говорит: «Передадите письмо Брежневу». Я отвечаю: «Товарищ Амин, я далек от Брежнева, но письмо передам начальнику Генерального штаба или министру. С ними я встречаюсь». Я думаю, что сейчас мне дадут письмо. А он и говорит: «Письмо завтра вам на аэродроме вручат». Понимаете его шаг?

Куда мне ехать, что делать, ума не приложу. Это же чисто дипломатическая работа, посол должен знать. Я еду на другой машине к послу, докладываю. Он говорит: «Епт! Как же прочитать это письмо, ну как же его прочитать?»

Я отвечаю: «Пока письма нет».

Приехали на аэродром, вот-вот самолет взлетит, меня провожают все: министр обороны, прочие. Нет письма. Все, конец. Я уже бегу по трапу, и вдруг за мной бежит начальник Главного Политического управления — мне письмо. Самолет взлетает, наши кагэбисты не прочитали, никто. И посол не прочитал. Я прилетаю в Москву, письмо вручаю начальнику Генштаба. Николай Васильевич говорит: «Ну что, будем читать?»

Я говорю: «Товарищ маршал, решение ваше…» — «Ладно, передадим КГБ…»

Не знаю, что там было, но передал. Что Амин просил в этом письме, я потом узнал. Он просил встретиться с Брежневым в любой точке, на нашей территории, в Афганистане. Но, конечно, ответа он не получил.

И еще одно: Амин был очень работоспособный. Если бы с ним удалось наладить хороший контакт, можно было бы этим пользоваться какое-то время.

ВОПРОС: Это как раз тот вопрос, который я хотел задать. Много разговоров было — Амин американским агентом не был…

Что вы про это думаете?

ГОРЕЛОВ: Я отвечу вам — по этому вопросу я переговорил с десятками офицеров афганской армии. Из этих разговоров вынес для себя, что никаких официальных данных, что он был завербован разведкой США, нет. Но он там учился. В этой связи появились разного рода домыслы, что якобы работает на американскую разведку, то есть на США. Но я так не думаю. Его надо было придержать, назначить ему хорошего политического советника, договориться с ним. Его надо было удержать на какое-то время, потом, может быть, снять, но на время становления режима надо было его удержать.

ВОПРОС: Вы так говорите, хотя тогда еще был жив Тараки, как будто главным был Амин, а не Тараки.

ГОРЕЛОВ: Основное влияние в стране имел Амин. Первое — это влияние в армии. Как я уже говорил, Амин еще в подполье курировал армию. Он основной. У товарища Тараки возраст уже был преклонный, а этот — энергичный, работал по 18 часов. Тараки — это символ! Ну что Тараки! Когда он пришел к власти, в саду на каждом шагу поставил телевизор, везде развесили его портреты, начали увековечивать его имя. В общем, культ личности: на каждом шагу только и слышно, что Тараки, Тараки, Тараки… Это тоже повлияло на отношения с Амином, хотя Тараки все время звал его своим сыном, а Амин звал его своим отцом.

ВОПРОС: А в армии как к кому из них относились? К Тараки и к Амину?

ГОРЕЛОВ: К Амину относились с большей любовью, чем к Тараки, хотя и к Тараки относились неплохо. К Тараки больше относились как к радушному человеку, а не как к руководителю.

ВОПРОС: Вы сказали, что КГБ, советники по линии КГБ склонялись к мысли, что Амин был завербован. Почему КГБ так на этом настаивал, если не было никаких реальных доказательств, чем это можно объяснить?

ГОРЕЛОВ: КГБ многие годы сотрудничал с работниками, такими же, как они, и с руководством «Хальк» в первую очередь. Они сотрудничали непосредственно с этими людьми и поддерживали их во многом, и это сказалось сразу, как только свершился этот переворот, революция — Бабрак Кармаль ушел, а остался Тараки.

ВОПРОС: Амин ведь тоже был халькист, так почему же КГБ «катил на него телегу»?

ГОРЕЛОВ: Все-таки они видели в нем человека, который должен убрать Тараки и прийти к руководству страной. И в то же время у них были подозрения, что он завербован американской

разведкой, хотя, по словам офицеров, с которыми я разговаривал, таких данных не было.

ВОПРОС: То письмо, что Амин просил передать Брежневу, когда это было?

ГОРЕЛОВ: В октябре 1979 года.

ВОПРОС: Как вы думаете, что было в этом письме?

ГОРЕЛОВ: Одно я знаю точно — причины, вызвавшие написание этого письма: Амин очень хотел встречи с Брежневым.

ВОПРОС: А зачем ему нужна была эта встреча?

ГОРЕЛОВ: Тараки ушел из жизни. Все пошло не так, отношения наши начали усложняться. Кое по каким параметрам поставки техники в Афганистан тоже начали уменьшаться. То есть Амин подспудно чувствовал, что отношение к нему со стороны руководства Советского Союза плохое, поэтому он и просил переговорить с товарищем Брежневым. Это единственное, что было в том письме. Главная цель этого письма — встреча. Это мне говорил Николай Васильевич. Не в этот раз, а позже, когда мы с ним встречались.

ВОПРОС: С этим письмом мы немного ушли вперед. Вы не раз говорили, что работали сутками с Амином, готовили операции. В чем смысл этих операций? Чему вы противостояли?

ГОРЕЛОВ: В июне с пакистанской стороны было осуществлено вторжение в Афганистан силами от одного до двух полков. Около пяти — шести тысяч вооруженных людей. Не знаю точно, как их назвать — армия или бандформирования. Короче говоря, подразделения, которые вторглись со стороны Пакистана.

Что это за люди? Их костяк составляли те, кто ушел в Пакистан, когда свергли Дауда и когда свергли короля. Они вторглись на афганскую территорию при помощи советников Пакистана. Они захватили город Ургун, это большой провинциальный город. Какая у них была цель? Остается лишь догадываться. Возможно, попробовать себя, повлиять на какие-то сферы, развивать успех и проводить дальнейшие операции. Приехал Павловский, он как раз в это время у меня работал, главком сухопутных войск. Мы спланировали операцию. 12-я и 14-я дивизии при поддержке артиллерии и танков провели эту операцию. Еще раз хочу повторить: мы только готовили вместе с советниками эти операции, нам было запрещено идти в боевых порядках, быть на командных пунктах. Но мы сами разрешили. На командный пункт дивизий был поставлен наш советник, на командных пунктах полков тоже были наши советники. Мы эту операцию провели успешно. Вместе с Павловским летали на вертолете над боевыми порядками, когда шла эта операция. Есть такой Иван Крамаров, это был у меня переводчик. Так ему в

вертолете (мы летели в одном вертолете) оборвало ремень от сумки. Выходит из вертолета, а его сумка прострелена. Мы сели вместе с Павловским, посмотрели, посмеялись и полетели назад. Операция прошла успешно.

ВОПРОС: То есть вы их вытеснили или уничтожили?

ГОРЕЛОВ: Часть ушла, часть была уничтожена, часть разбежалась по горам.

ВОПРОС: А они вторгались с техникой, артиллерией или у них было только стрелковое оружие?

ГОРЕЛОВ: Только стрелковое оружие, минометы и стрелковое оружие, артиллерии не было. И все это было навьючено на ишаков.

ВОПРОС: А про то, что там были пакистанские советники, как вы узнали?

ГОРЕЛОВ: Мы хорошо знали, что там были пакистанские советники. Чтобы привести такую толпу в Афганистан организованно, нужны были советники. Они и готовили отряды в Пакистане. Там же полтора миллиона беженцев, если так их можно было называть. Из них и формировались эти подразделения.

ВОПРОС: Получается, что формально угроза территориальной целостности Афганистана со стороны Пакистана была, получается ведь так?

ГОРЕЛОВ: Я лично расценивал сложившуюся ситуацию следующим образом: пока обстановка не созрела для того, чтобы пакистанские войска вошли в Афганистан. Да, они готовились: формировали подразделения из числа беженцев, формировали боевые подразделения со своими советниками для вторжения в Афганистан. Там же они сформировали временное афганское правительство. Для свержения правительства Тараки. Но данных о подготовке вторжения регулярных пакистанских войск мы не имели. Все это хотели, видимо, сделать при помощи американцев, именно они должны были их вооружить, поставить технику.

ВОПРОС: Когда вводили наши войска, ссылались на договор 1978 года о Дружбе и сотрудничестве и Пункт 5 этого договора, гласящий о том, что в случае угрозы одной из договаривающихся сторон можно… и т. д. Из того, что вы рассказываете, что у Пакистана были такие планы, получается, что действительно была угроза стране, у афганцев был повод попросить ввести войска?

ГОРЕЛОВ: Я информировал Брежнева о том, что возможно вторжение подразделений, сформированных при помощи пакистанской армии, оснащенных американским оружием. Из числа тех полутора миллионов человек, которые ушли за границу

после свержения Дауда и Захир-Шаха. Но прямого вторжения пакистанской армии на тот период не было. Афганская армия могла прикрыть свою границу и не допустить вторжения. Дополнительно формировались и пограничные войска. Мы только просили, я лично просил на Политбюро усилить помощь Афганистану, дать афганской армии средства связи и другую технику.

ВОПРОС: Вы доводили до Амина и Тараки свою точку зрения о том, что афганская армия в состоянии отразить вторжение?

ГОРЕЛОВ: Да, я им говорил об этом. Понимаете, все-таки они колебались, и какая-то неуверенность была в том, что они с успехом отразят это вторжение. Хотя мы им и доказывали, что, если вторжение будет, армия сумеет его отразить, но те, видимо, сомневались.

Ну и, конечно, закулисная игра присутствовала в виде их разговоров и планов. Мол, если придут советские войска — пусть они дерутся в первом эшелоне, а мы, по возможности, поддержим их со второго эшелона. Такой был их коварный замысел. И он осуществился, как ни верти! Мы дрались в первом эшелоне, а афганская армия — во втором. Дралась так себе. Я говорил об этом Леониду Ильичу. И еще я говорил генсеку, что вводить армию в Афганистан нельзя, потому что она не готова была драться в горах.

Я информировал Брежнева о возможных последствиях ввода нашей армии: как только мы это осуществим, американцы немедленно и усиленно будут формировать боевые подразделения из числа афганских беженцев, и тогда уже точно вторжения не избежать. Ввод войск станет для них поводом.

ВОПРОС: С какого времени начались эти просьбы о вводе наших войск?

ГОРЕЛОВ: Я сейчас скажу. Где-то с июня месяца. Хотя мы и провели силами двух дивизий успешную операцию афганской армии, с июня такие просьбы начались. Хотя нет, наверное, еще где-то в марте первые такие просьбы поступили. Потом они становились все настойчивее.

А мне все это время шла лишь одна директива — указания Николая Васильевича Огаркова: «Ввод советских войск невозможен!». Это были и письменные, и устные директивы. И по ВЧ он мне это говорил: «Вы внушите им, что надо готовить *свою* армию, отстаивать рубежи, границы. Нашу армию не вводить!» И так все время. И Епишев приезжал ко мне. То же самое практически говорил — мол, надо афганцам свою армию хорошо готовить, у нее есть все основания для успешного ведения боевых действий.

ВОПРОС: А Епишев когда приезжал?

ГОРЕЛОВ: Где-то в июне-июле. Павловский в июне приехал, а уехал уже чуть раньше меня. Он тоже был против ввода войск, докладывал министру свои соображения на этот счет. «Вводить нельзя!» — так он тогда сказал. Павловский в войсках побывал, Главком все-таки, умнейший человек. Беседовал с комдивами, с командирами полков, с командирами корпусов. Ходил на границу, ездил, летал везде. И после этого он сделал такой вывод. Мы еще радовались тогда, что создание погранвойск поможет усилить афганскую армию!

ВОПРОС: Я где-то читал, что когда вы были Главным военным советником, то начали создавать горные батальоны?..

ГОРЕЛОВ: Да, горные и десантно-штурмовые батальоны.

ВОПРОС: Расскажите, вы же предполагали какие-то цели и задачи?

ГОРЕЛОВ: Мы сформировали десантные батальоны. Точнее, два десантных батальона. Был и советник по десантным войскам, да я и сам вникал во все это. Но дело было в том, что подготовить-то мы подготовили, а вертолетов-то нет, самолетов нет! С чего же их десантировать? Поэтому я настойчиво просил для этих целей хотя бы эскадрилью вертолетов.

Афганских десантников учили так же, как и наших. Задачи стояли перед ними одни и те же: уничтожить командный пункт, перекрыть где-то важные коммуникации…

ВОПРОС: То есть у них были такие десантные войска, которые не десантировались?

ГОРЕЛОВ: Нет, не десантировались.

ВОПРОС: То есть у них не было прыжков?

ГОРЕЛОВ: Ничего не было у них. Не было средств для этого. Хотя желание-то было.

ВОПРОС: То есть вы как бы основу заложили?.

ГОРЕЛОВ: Да, и мы просили дать для этих целей вертолеты. Но, видимо, на тот период времени такой возможности — дать вертолеты — не было. Но все-таки мы действовали в этом направлении — послали экипажи вертолетов на учебу в Советский Союз.

ВОПРОС: Вы говорили, что Николай Васильевич Огарков тоже был против ввода войск, то есть ему, наверное, тоже была дана директива воздерживаться…

ГОРЕЛОВ: Директива была: «вести работу с афганской стороной, ввод войск нецелесообразен». Такая же директива была доведена до нашего посла в Афганистане. И Громыко говорил то же самое.

ВОПРОС: А что говорил Громыко?

ГОРЕЛОВ: То же самое говорил: войска не вводить!

ВОПРОС: Тогда с этого момента мне и интересно: июнь — нет, июль — нет, август, сентябрь — нет. И вдруг начали думать о том, чтоб вводить войска. Что это было — какое-то событие или в целом итог развития ситуации? Что привело к тому, что стали уже не полностью отвергать эту возможность, а стали задумываться о ней?

ГОРЕЛОВ: Хорошо сработала дезинформация США. Они сработали хорошо, создали впечатление того, что придут сюда, придут и займут нишу в Афганистане. И это сработало. Наши клюнули на это дело и пошли сами. Ввели тогда свои войска.

ВОПРОС: Вы с этой дезинформацией как-то сталкивались? Что это была за информация?

ГОРЕЛОВ: От нас эта «деза» не шла. Мы не думали, что американцы там высадятся. Мы думали, что они вполне знают опыт англичан, которые там когда-то высаживались и все это уже прошли.

ВОПРОС: Говорили, что если бы не мы, то были бы они, что их самолеты чуть ли не кружились над Кабулом и так далее…

ГОРЕЛОВ: Нет. Я думаю, что это чьи-то выдумки.

ВОПРОС: Очень важным моментом был мятеж в Герате в сентябре 1979 года. Расскажите все, что было связано с этим мятежом, как его подавляли и какова была в этом ваша роль.

ГОРЕЛОВ: Мы получили донесение, что произошел мятеж в Герате, кажется, в 4-й дивизии. Сейчас точно не помню номер части. Дело было так: две трети дивизии выступили против правительства, одна треть — за. Танковый батальон оставался нейтральным. Но экипажи танков ушли, хотя и были на стороне правительства. Что было делать в такой ситуации?

Я переговорил с советником, он мне доложил обстановку: дивизия вышла из-под контроля, командование отстранено, надо спасать положение. Выступление было продаудовское, направлено против Тараки. Но ведь и самого Дауда уже в живых нет. Что делать?

Мы встречаемся с начальником Генштаба: «Сколько у вас есть преданных водителей танков?» Никто ничего точно не знает, сказать не может. Вызывает он двух советников: «Сколько?»

Ну, те не уверены, насколько преданы режиму танковые экипажи и в чем выражается их преданность.

Мы уже думаем над тем, как собрать группу и вылететь с десантом в район мятежа самолетом, как захватить танки и с помощью этого танкового батальона разоружить восставшие подразделения. Собрали с двух бригад, с 4-й и 15-й, которые дислоцировались в Кабуле, 30 танкистов-водителей. К ним

командиров подобрали таких, чтобы они могли одновременно быть и заряжающими и наводчиками, чтобы могли стрелять. Больше людей собрать не смогли. Переправили их самолетом в Герат. Они танки захватили и этим танковым батальоном восстановили порядок в мятежной дивизии. Все встало на свои места. Восстание было подавлено, правда, погибли два наших советника.

ГОРЕЛОВ: Они были в боевых порядках преданных правительству подразделений. Шли в бой вместе с ними. Их тела привезли мне в Кабул, и я уже из Кабула их отправил в Москву.

ВОПРОС: Кстати говоря, Заплатин (Главный советник ГлавПУРа) как относился к идее ввода войск?

ГОРЕЛОВ: Категорически был против ввода войск, категорически. Он везде докладывал то же самое, что и мы. Был категорически против. Он проделал большую работу по созданию политорганов дивизий, занимался их матобеспечением. А еще у меня был зам по боевой, советник по боевым действиям — генерал-лейтенант Демидков, замкомандующего Сибирским военным округом. Он придерживался такого же мнения.

ВОПРОС: Вот вы — главный военный советник, главный советник Политического управления, командующий сухопутных войск, начальник Генерального штаба, военный с такими погонами, с такими звездами, с боевым опытом. Вы все понимали, что нельзя, что неправильно, что будет хуже, вы об этом докладывали, вы говорили. Как же тогда и кем продавливалось решение о вводе войск?

ГОРЕЛОВ: Я все-таки уверен, что основную ответственность за это должно нести ведомство Андропова, то есть КГБ. Это они сумели убедить в необходимости ввода войск Устинова и Громыко. Потом эта тройка — Андропов, Громыко, Устинов — сумела убедить Брежнева принять это решение. А в каком состоянии генсек тогда уже был, вы знаете. Одно странно: Николай-то Васильевич рядом был, это талантливый человек, талантливый полководец. Огарков не сумел убедить их. Его уволили. Потом поставили на ветеранскую организацию, потом он и умер. С великим человеком, военным — он от мозга костей был военным, должен был министром быть — так обошлись. А что Устинов? Пошел на поводу у Андропова. Они были старые друзья.

ВОПРОС: Пытаясь сделать так, чтоб войска ввели, КГБ все-таки ошибался, или у них были свои планы, интересы?

ГОРЕЛОВ: Я не знаю, какие у них были интересы. Может быть, поднять свой престиж. В их беспомощности я убедился, когда брали дворец Амина, когда Амина били.

Они же руководили, организовывали штурм дворца. И это при живом военном советнике, генерал-полковнике, заместителе командующего округом Магомедове. Ему не доверяли, все руководство взяли на себя. И доруководились. Стали атаковать дворец-форт. А там же наш батальон — при мне еще был введен, — который охранял резиденцию Амина. Они все ходили в афганской форме. Во дворце и афганцы были — внутренняя охрана Амина. Их всех стали атаковать. Наши думают, что их атакуют какие-то мятежники. Атакующие думают, что атакуют афганцев. Все позалегли, не успев ничего понять. Тогда вводят в бой уже десантный батальон. Десант стал бить и тех и других. Сколько людей погибло! Это ж они руководили той операцией. Они армейцам не доверяли.

ВОПРОС: А почему не доверяли?

ГОРЕЛОВ: Трудно сказать, не знаю.

ВОПРОС: А Иванов, который представителем КГБ был, что считал?

ГОРЕЛОВ: Он выступал только за ввод войск. Он докладывал уже после меня. КГБ и есть КГБ.

Он выполнял задачи, поставленные перед ним КГБ, в основном действовал на поле дезинформации. Его убеждали из Москвы, он «убеждался» в присланной ему информации и на месте ее «уточнял», потом докладывал в Москву. Не Иванов «вырабатывал» обстановку, а Москва. А здесь Амин к власти пришел. Они не доверяли Амину. То есть, по их разумению, надо было вводить войска.

ВОПРОС: Когда Тараки сняли, армия это заметила, как на это реагировала армия?

ГОРЕЛОВ: Ну, халькисты ясно как отреагировали. А парчамисты, конечно, были против. Они все время думали, что придет Бабрак, все время думали только о нем, они его боготворили, Богу молились за него.

ВОПРОС: Кстати, вы с Бабраком встречались?

ГОРЕЛОВ: А как же.

ВОПРОС: Как он вам?

ГОРЕЛОВ: Был человеком грамотным, но пьяницей. Руководить страной в силу этого не мог. А вот КГБ на него делал ставку. Он руководил: спал в одной комнате, а рядом, в соседней, спал наш человек, помещенный туда лишь для того, чтобы не давать ему пить водку.

ВОПРОС: А вы с ним встречались еще до того, как…

ГОРЕЛОВ: Как его сослать послом в Чехословакию? Встречались. И за столом у посла встречались тоже…

ВОПРОС: У Бабрака был какой-то авторитет в Афганистане?

ГОРЕЛОВ: Был, конечно, среди своих сторонников был. Богатых-то много.

ВОПРОС: А за него богатые были?

ГОРЕЛОВ: Конечно. «Парчам» — это богатая прослойка. «Хальк» — это мы с вами.

ВОПРОС: Важный момент, в результате которого Амин решил устранить Тараки. Это когда якобы один покушался на другого, а тот в свою очередь на него. Насколько я знаю, вы были непосредственным участником этих событий.

ГОРЕЛОВ: Тараки улетел к Фиделю на Кубу. От Фиделя летел и остановился где-то в Москве. В это время здесь Гулябзой — министр связи, Ватаджар — министр обороны, Наджиб доложили, что располагают информацией, что против него готовится заговор. Они его и встречали по прилете. Привезли во дворец. Амин стал Тараки докладывать, что за время его отсутствия «пятерка» (я вам только троих назвал) министров готовила против него (Амина) заговор, хотела его снять. Доложил Тараки, что против него (Амина) ведут подрывную работу. Амин потребовал от Тараки, чтобы тот убрал этих министров. Создалась такая обстановка, что всю вышеназванную троицу отстранили от руководства и работы. Те приехали к нам в посольство просить защиты. На следующий день, 14 сентября, я, посол и Тараки едем вместе в машине к Тараки. Пытаемся убедить Тараки: «Послушайте, в стране такая обстановка… надо руководить страной, восстанавливать хозяйство, восстанавливать армию, а у вас опять между собой драка…»

Он говорит: «Какая драка?»

Мы отвечаем: «Смотрите, Амин отстранил этих пятерых, требует их ему выдать».

Он говорит: «Да не может такого быть. Амин — это мой сын. Давайте позовем его и обо всем расспросим». Организовали встречу.

Когда Амин шел на эту встречу, в него стали стрелять. В него ли самого или в его порученца, сейчас уж не упомню. Помню только, Амин к нам врывается и кричит: «На меня покушение!»

ВОПРОС: А вы видели, слышали, как стреляли?

ГОРЕЛОВ: Все слышали. Потом он выскочил, мы смотрим в окно — он бежит, у него кровь с руки капает, и он бежит к машине. Тараки в недоумении — как так, что произошло? Опять повторяет: «Это мой сын, понимаете, мой сын!»

На следующий день Амин собирает Пленум Центрального комитета НДПА, проводит заседание правительства и принимает решение: снять Тараки. Увозит Тараки там же, во дворце. Как Амин мне сказал на следующий день, Тараки умер от сердечного

приступа. На самом деле, и это подтверждено, его задушили.

ВОПРОС: Вы вместе с Ивановым и послом были свидетелями того, что произошло во дворце, — стрельба, нападения, да вообще всех событий. Вы как-то между собой это обсуждали, как к этому отнеслись?

ГОРЕЛОВ: Ничего не обсуждали, поехали в посольство. Сидим и думаем с послом — что произошло? Иванов говорит: «Это провокация. Не может быть, чтобы стреляли в Амина. Это провокация!»

Я говорю: «Как провокация, когда он ранен»?

Честно говоря, мы сами до конца всего не поняли. Решили, что это провокация, направленная на то, чтобы развязать Амину руки с тем, чтобы он смог избавиться от Тараки. Тараки сняли.

А пятерых министров-«заговорщиков» увезли. Спрятали потом в гробах и увезли самолетом. Среди них был и Ватанджар. Он спустя многие годы здесь, в Одессе, жил со своей семьей. Я с ним встречался. Когда он умер, я его хоронил.

ВОПРОС: Сняли Тараки, пришел к власти Амин. Вы уже говорили, что в Москве появилось некоторое охлаждение отношений. Расскажите, в чем оно проявлялось?

ГОРЕЛОВ: Во-первых, поставки вооружений прекратились. Раньше они шли регулярно, по графику. Во-вторых, в переписке, в разговорах произошло какое-то охлаждение. Хотя Амин все делал, чтобы этому повода не давать. Искренне ли он это делал или нет — сейчас сказать трудно. Но я вам говорю, он нас поддерживал. Он написал письмо Брежневу с просьбой о встрече! Я убежден, что Хафизулла Амин хотел укрепить дружбу с Советским Союзом. Это мое твердое убеждение. Я уверен, что американцы в Афганистан влезать не хотели.

ВОПРОС: По поводу поставок. Вы же должны были как-то объяснить Амину, что поставки вооружений почти прекратились?

ГОРЕЛОВ: Сам Амин вопрос о сокращении поставок не поднимал. Правда, настойчиво просил вертолеты, средства связи. И я все время настаивал, чтоб в Афганистан поставили в достаточном количестве средства связи, так как их действительно не хватало. Но поставки тогда притормозили. Как было потом, после моего отъезда, я не знаю точно.

ВОПРОС: Теперь подходим к кульминационному моменту этой истории. Как все шло к принятию решения о вводе войск? Как принималось это решение?

ГОРЕЛОВ: Я вернулся в Союз 4 декабря. Разместился в гостинице, доложил начальнику Генерального штаба лично, начальнику 10-го управления ГШ, что я прибыл.

Начальник ГШ спросил: «Ну, как дела в Афганистане?»

Я доложил: «Внешне все спокойно. Но все-таки прослеживаются различные каверзные ходы парчамистов. Обстановка в общем нормальная. Новый Главный советник принял должность».

Маршал мне ничего о готовящемся вводе войск не сказал, но спросил: «Как вы думаете, какова будет обстановка, если ввести в Афганистан наши войска»?

Я рассказал маршалу то же, что говорил на Политбюро: «Сейчас афганцы молчат. Но я передал вам письмо Амина. Кроме того, он лично просил меня поговорить с вами, с министром обороны с тем, чтобы устроить ему встречу с Брежневым».

Он отвечает: «Хорошо, отдыхай. Будешь нужен — вызовем».

Я приехал 4 декабря, а уже 10-го было принято решение. Они меня к себе не пригласили. Я не знал, что будет принято решение о вводе войск.

Я позвонил в Витебск, где я был когда-то заместителем командира дивизии, своему другу — зампотылу, переговорил с ним.

Он меня спросил: «Лев Николаевич, вы где?»

Я отвечаю: «В Москве».

«А мы сейчас готовимся туда, откуда вы прибыли».

Для меня это стало неожиданностью. Я не был информирован о принятии решения. 18 декабря я попросился уехать окончательно в Кишинев. Уехал. А 25-го, когда был в санатории в Крыму, узнал по радио, что введены войска.

Я тогда выразил свои мысли вслух, жена при этом присутствовала. Говорю: «Все, будет пролита кровь. Войска не готовы драться в горах».

Наши уставы войну в горах не предусматривали. Ведь как мы воевали в последнее время? Бомбовый удар, атака, вперед! И мы победили. А ведь там этот опыт действовать не будет! Нужна специальная тактика ведения боевых действий в Афганистане. А коли всего этого нет — будет пролито много крови.

ВОПРОС: Вы сказали, что в тот раз вас не позвали, но вы ведь до этого были на Политбюро?

ГОРЕЛОВ: Да, был. И высказал свое мнение еще в октябре. Сейчас точную дату вспомнить не могу, помню лишь, что за мной прислали самолет, я прилетел в Москву. Вечером прилетел, а утром Огарков усадил меня в машину и повез на Политбюро.

Пришли туда вместе с Николаем Васильевичем. Он мне говорит: «Не волнуйся!»

Но я, конечно, волновался — первый раз все-таки. Входим. Сидят Брежнев, Громыко, Устинов. Пономарев хоть и не член ПБ был, но он тоже там сидел. В общем, полный состав Политбюро

ЦК КПСС. Я поздоровался.

«Здравствуйте, присаживайтесь. Что будете — кофе или чаек?» — Брежнев меня спрашивает. У них на столе стоят стаканы, в них — чай с лимоном.

Я говорю: «Спасибо, я только что из-за стола».

«Когда приглашают, неудобно отказываться, садись», — говорит Брежнев.

Сел.

«Вызвали вас, чтобы вы доложили обстановку в Афганистане», — говорит Леонид Ильич.

Я отвечаю: «Леонид Ильич, политическую обстановку в стране, я уверен, вы знаете, потому что посол недавно у вас был. Я лишь задержу ваше время. Я доложу вам обстановку с чисто военной точки зрения».

Ну и рассказал ему, что афганская армия находится в стадии формирования. В наличии 10 дивизий, 300 самолетов, из них «МиГ» — 21, шестьсот танков, из них современных «Т-62» — 92 штуки, 1500 стволов артиллерии. Армия обучается. Трудность состоит в большой протяженности границ, которые армия и охраняет. Времени на обучение армии в этих условиях мало. Сейчас формируются погранвойска. Укрепим ими армию, сделаем ее более многочисленной. Нам нужны средства связи и вертолеты на случай развертывания боевых действий, вторжения банд.

Он на меня посмотрел и говорит: «Так войска надо вводить или нет?»

Я говорю: «Леонид Ильич, мое, и не только мое, мнение, но и генерала Павловского, который меня напутствовал до встречи с вами, таково: вводить войска не нужно! Не нужно, Леонид Ильич!»

«Но почему?»

«Армия способна во взаимодействии с пограничниками контролировать положение дел на границе. Это первое. Второе — если мы, Леонид Ильич, введем туда войска, американцы предпримут все, чтобы сделать боеспособными вооруженные отряды, которые формируются за границей из числа беженцев. Они их подготовят. Придет время, когда они вторгнутся в Афганистан. И третье — наша армия не готова драться в горах».

Устинов тут встрял, прервав меня: «Вы не расписывайтесь за армию!»

Я говорю: «Дмитрий Федорович, у меня есть основания так говорить. Ко мне же в группу приезжают офицеры-советники из наших внутренних округов. Вы их собираетесь ввести в Афганистан? Они понятия не имеют, что такое горы! Я пробыл в Одесском округе сколько лет, но ни одного учения в горах не

провел. Такое положение дел во всех внутренних округах. Они не готовы!»

Ну и четвертое — ввод войск потребует колоссальных материальных затрат. Кроме того, будут людские потери. И еще одно — хоть и говорят, что наши войска собираются расставить по гарнизонам, могу сказать, что так вряд ли получится. Придется нам воевать первым эшелоном, а афганцам — вторым».

Он говорит: «Спасибо, товарищ генерал. Идите, чайку попейте в соседнюю комнату. Если хотите что-то посущественней — выбирайте, пожалуйста, по здоровью».

Я пошел в другую комнату, а Иванов стал докладывать после меня. Что он говорил, не знаю, но, когда мы сели потом с Огарковым к нему в машину, Николай Васильевич мне и говорит: «Лев (он меня только так звал), мы проиграли».

Больше он мне ничего не сказал. Я понял, что Политбюро приняло сторону Иванова.

ВОПРОС: Вы потом общались с Ивановым?

ГОРЕЛОВ: Ну а как же!

ВОПРОС: Что он вам говорил?

ГОРЕЛОВ: Ничего не говорил, мы с ним поехали после этого на пьянку, которая, кстати, не состоялась. Я подумал, что они сейчас завезут меня и не выпустят оттуда!

ВОПРОС:???

ГОРЕЛОВ: Могли и посадить. Я же против них выступил. Я это чувствовал. Мое мнение о ситуации в Афганистане с мнением представителя КГБ не совпадало, было диаметрально противоположным!

ВОПРОС: Вы сказали на Политбюро, что если мы введем войска, то мы и будем драться в первом эшелоне, а афганцы во втором. Откуда у вас была такая уверенность?

ГОРЕЛОВ: Ну, а зачем им кровь проливать, если пришла Советская Армия? Они решат: пусть сами подерутся!

ВОПРОС: Вы сказали, что, когда вас уже вернули в Москву, узнали о вводе войск. Но вы же не могли не видеть, что что-то необычное происходит? Взять прибытие нашего батальона в Баграм…

ГОРЕЛОВ: Ввод баграмского батальона я расценил как меру по охране авиационной базы.

Я догадывался, конечно, что на эту базу потом могут сесть наши самолеты. Но вот для чего? Думалось, что, может быть, для того, чтобы наши транспортники доставляли в блокированный Хост продовольствие. В то время я думал несколько о другом. Я подумывал, что было бы хорошо Афганистану иметь свои десантные войска. А в баграмском батальоне я был пару раз.

Мысль о готовящемся вводе войск в голову, конечно, приходила. Взять хотя бы приезд в Афганистан того же Гуськова. Гуськов — замкомандующего ВДВ. Он прибыл в Афганистан с группой офицеров. В ходе своей поездки он познакомился с аэродромом в Баграме, другими аэродромами. Полетали мы с ним, потом он улетел. Но, честно говоря, я думал, что он приехал проверить этот батальон. Правда, тогда такая мысль мелькнула.

А вот когда я окончательно прозрел насчет ввода войск, это когда он приехал еще раз и, не представившись мне, работал в Кабуле, ездил по всем объектам. Об этом мне доложил военный атташе. Почему он мне тогда недоверие высказал? Почему не представился по приезде, как это положено? Мы же дивизиями вместе командовали, это же мой друг?! Значит, если будет ввод войск, первыми пойдут десантники? То есть они провели разведку на местности. Так и я когда-то проводил ее в Праге, за три месяца перед небезызвестными событиями. Почему меня не информировали? Наверное, потому, что подозревали, что я могу проболтаться. Они знали о моих тесных отношениях с Амином. С этой точки зрения они сделали верный шаг.

ВОПРОС: В некоторых источниках писали, что вы и Иванов рассматривали возможность ввода спецбригады в Афганистан?

ГОРЕЛОВ: Я такой директивы не подписывал.

ВОПРОС: Не подписывали?

ГОРЕЛОВ: Не подписывал. Хотя в документах, возможно, где-то это и есть. Пусть пишут, что хотят, я не подписывал.

ВОПРОС: Возникает вопрос. Могло случиться так, что от вашего имени проводилась какая-либо работа, о которой вы могли не знать?

ГОРЕЛОВ: Возможно. Машина работала слаженно. Может быть, посол с Ивановым что-то и решили, а меня спросить забыли или не захотели. Они-то подписали, а меня пригласить для подписи забыли. Моя подпись, видимо, уже была тогда не обязательна.

ВОПРОС: Как вы узнали, что вас снимают с должности Главного военного советника?

ГОРЕЛОВ: Я отслужил в Афганистане с 1975 по 1979 год. Это же сколько лет! Посылали туда меня на три года, а меня все время то Дауд назад не пускал, писал телеграммы — оставьте военным советником Горелова, — то Амин. Я уже хотел замениться, но Тараки тоже стал писать — оставьте нам этого Главного военного советника.

Я и Огаркову сказал: «Целесообразно меня заменить».

Он говорит: «Лев, понимаете, такая обстановка, побудьте еще, мы вас заменим».

Возможно, это мои домыслы, но все же, как мне кажется, убрали меня из Афганистана именно из-за моей позиции по вопросу ввода войск. Убрали сразу по прилете в Афганистан после моей московской поездки, после Политбюро. В Москве меня начальник ГШ принял. У министра не был — не пригласили даже. Вот и весь сказ.

ВОПРОС: Вы передавали дела…

ГОРЕЛОВ: Да, передал дела. Мы со сменщиком полетали по всем войскам. Я тогда ему единственное сказал: «Не ввязывайся в политику, занимайся боевой подготовкой, готовь войска к войне. Ввяжешься, начнешь поддерживать одну из партийных группировок, предположим, «Хальк», — на вас обрушатся другие офицеры. Они не будут работать с вами. Лучше относиться ко всем одинаково. И выслушивать, всех выслушивать».

ВОПРОС: Вы долго проработали в Афганистане, знали внутренний климат, людей. Когда ввели войска, к вам потом за помощью не обращались?

ГОРЕЛОВ: Как-то в конце 80-го года позвонил начальник Генерального штаба: «Как вы смотрите на то, чтобы вернуться в Афганистан?»

Я как был у телефонной трубки, так и встал по стойке «смирно». Отвечаю: категорически против! Категорически! Как я туда вернусь?! Все, с кем я работал, расстреляны. Начальник Генерального штаба расстрелян, а это был мой лучший друг. Он же был полностью просоветский человек! И других постреляли. Семьи всех расстрелянных живут в микрорайоне, они никуда не делись. Как я буду смотреть им в глаза? Они подумают, что войска ввели с моей подачи. Я туда не поеду! Отказался, и все.

ВОПРОС: Вы когда говорили про начальника Генштаба, вы Якуба имели в виду?

ГОРЕЛОВ: Да, Якуба. Хороший был парень, закончил нашу Академию. Боже мой! Я же сам его рекомендовал в Академию Генерального штаба, хотел, чтобы в Афганистане был полностью «пронаш» человек! А он любил Советский Союз, был очень деловой человек. Хотя Ватанджар тоже был хороший, просоветский парень, но не такой, как Якуб. Если так можно выразиться, немного «вихлявый». Мог при случае и в сторону уйти. Хотя я и с ним был в хороших отношениях…

Рассказывает генерал-майор Василий Петрович Заплатин (бывший советник первого Начальника ГлавПУ афганской армии)

Я был на должности старшего инспектора Политуправления Сухопутных войск. В моем ведении были все политорганы, партийные организации всех групп войск — в Германии, Центральная, Южная и Северная группы войск. То есть ведомство А. А. Епишева.

Судьба сложилась так, что в этот период я уехал в командировку в Германию, пробыл всего два дня, поступает сигнал — срочно позвонить в Москву. Звоню в Москву. Пытаюсь уточнить, в чем дело. — «Узнаешь здесь».

Прилетаю в Москву, ну, меня сразу к Епишеву: «Алексей Алексевич вызывает, он вам и скажет, что и зачем…»

Прихожу я к Епишеву, а он как раз вернулся только что из Болгарии, прошло его 70-летие, он его дома не отметил, ну а тут большой же начальник, целые делегации идут с подарками, с поздравлениями, вся приемная забита.

Подхожу к дежурному порученцу, говорю: «Вы доложите, что меня вызвали на 11:00». Докладывает, делегация выходит, он приглашает меня к себе.

— По вашему вызову явился…

Он встал из-за стола, поздоровались, сели за стол.

— Ну, ты знаешь, что революция в Афганистане произошла?

— Знаю, — говорю, — Алексей Алексеевич.

— А ты знаешь, там какие-то халькисты, какие-то парчамисты…

— По печати знаю, — я говорю, — но не более.

— Ну, я тоже немногим более знаю, кто такие халькисты, кто такие парчамисты, — и смеется. — Ты сколько дней-то в Германии пробыл? В командировке?

— Да два дня всего, — я говорю.

— Значит, не дали погулять тебе, — говорит. — Мы с министром обороны по просьбе афганского руководства отобрали твою кандидатуру на должность советника начальника Главного политуправления афганской армии. Ну, ты понимаешь, что еще никакого политуправления там нет, это предстоит тебе создавать.

— Понимаю, — говорю.

— Так как, ты согласен?

Пожал плечами, говорю:

— Алексей Алексеевич, я солдат, если такое доверие будет оказано, так я поеду, куда деваться.

— Я другого ответа и не ждал. Доложу министру обороны. Там в приемной людей много, и я тебя инструктировать не собираюсь. Может, потом встретимся. Ну, подожди, Пономарев просил позвонить, как отберем кандидатуру.

Звонит секретарю ЦК, бывшему — Пономареву.

— Борис Николаевич, мы подобрали кандидата, будешь беседовать?

Тот ответил, что да, конечно.

— Ну, тогда он к вам подъедет сейчас.

Я приехал на Старую площадь. Прихожу в приемную, а Бориса Николаевича вызвал Генсек, поэтому мне в приемной сказали, что, уходя, он передал, что со мной побеседует Ульяновский. Я пошел к Ульяновскому. Представляюсь. Он говорит: «Борис Николаевич мне передал, пока он отсутствует, чтобы я с вами переговорил. Но с вами, военными, без карты разговаривать трудно, давайте сразу к карте».

В свое время он работал в посольстве в Афганистане, поэтому племена, все эти особенности он знает хорошо. Он по карте начал обрисовывать обстановку племенного порядка. Наша беседа длилась около часа, вернулся Борис Николаевич. Вместе с Ульяновским пошли к нему, он в доброжелательной обстановке рассказал о своем видении положения дел в Афганистане.

Меня интересовала суть революции и что мне предстоит делать. В этой части он ничего особого не смог сказать и заявил: «Надо на месте посмотреть, надо самим, вы будете нас информировать и Главное политуправление, ну, уж тогда будем откликаться на ваши просьбы, а сейчас посоветовать, с чего вам начать работу, я не могу».

То есть революция для них была тоже делом достаточно неожиданным.

Те, кто штурмовал Дворец Амина 27 декабря 1979 года, выполняли свой воинский долг, проявили героизм и справедливо вознаграждены. Сейчас речь о другом. Чем в конечном счете обернулся этот штурм для самого Афганистана и для Советского Союза? А главное, почему штурм вообще стал возможен?

Если оценивать это событие по большому счету, то штурм дворца Амина и последующий ввод советских войск в Афганистан преследовал одну-единственную цель: убрать тогдашнего главу

государства Хафизуллу Амина и привести к власти Бабрака Кармаля. Руководство СССР почему-то было убеждено, что только Кармаль в состоянии консолидировать общество, прекратить гражданскую войну, сохранить Афганистан дружественной нам страной. Амину доверия, особенно после убийства им предыдущего президента Тараки, совершенно не было.

Что же произошло на самом деле? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, необходимо проанализировать обстановку, сложившуюся в Афганистане после революции 1978 года.

Я был направлен в Афганистан в мае 1978 года в качестве советника начальника Главного политуправления афганской армии.

Разумеется, название моей должности было чисто символическим, ибо никакого Главпура, никаких политорганов в армии не было. Мне с группой товарищей предстояло в короткий срок подготовить кадры, правовые документы, и лишь после этого приступить к организации политической работы в армии.

Руководство страны, и прежде всего председатель Ревсовета Тараки и Амин, торопили меня и постоянно интересовались ходом работы. Уже в день моего прибытия в Кабул было установлено, что мои плановые встречи с президентом будут проходить один раз в месяц, а с премьер-министром — раз в неделю. Но в итоге встречались мы гораздо чаще.

Начальником Главного политуправления был назначен М. Экбаль, ранее окончивший МГУ.

Нужно было выводить партию из подполья и создавать партийные организации. По завершении этой работы оказалось, что в армии всего было 1973 члена НДПА, из них 6 % принадлежало к фракции «Парчам», в переводе «знамя», а 94 % — к фракции «Хальк», в переводе «народ». При этом следует заметить, что халькисты были в основном выходцами из простого народа, а парчамисты — из богатых слоев. И Тараки, и Амин принадлежали именно к «Хальку», тогда как Кармаль возглавлял фракцию парчамистов.

В августе 1978 года стали функционировать политорганы корпусов, дивизий и бригад. Забегая вперед, скажу, что созданные в армии политорганы быстро нашли свое место и существовали при всех режимах до овладения властью моджахедами. Тяга к вступлению в партию среди солдат, и особенно офицеров, была огромной. День политзанятий был настоящим праздником в каждой части. Тематика политзанятий предусматривала изучение истории Афганистана, целей и задач Апрельской революции, истории вековой дружбы Афганистана с Советским Союзом.

Наряду с политзанятиями три раза в неделю проводились занятия по ликвидации неграмотности. Мы стремились создать нормальные бытовые условия для солдат. Это было особенно актуально, ведь до революции во всей афганской армии не было ни одной столовой, клуба, библиотеки. Даже казарм на всех не хватало, люди спали на улице. За один год после революции было построено 29 клубов, свыше 150 библиотек, 27 военных городков было радиофицировано. Полным ходом шла и боевая подготовка. Энтузиазм людей к овладению оружием был очень высок, и это вселяло уверенность в успех дела. Рос авторитет армии среди народа. Уже весной 1979 года вместо прежнего отлова призывники сами приходили на призывные пункты.

Но, к сожалению, легкая победа в революции расхолодила многих новых руководителей, начиная с Тараки. Не дремал и враг. Опомнившись от ударов Апрельской революции, он стал собирать силы. Противники новой власти, бежавшие из страны, нашли приют в Пакистане, Иране и других странах. Против нового режима ополчился весь мусульманский мир. К тому же эти силы большую помощь получили от США, Англии, ФРГ, Китая и других стран. Тучи над Афганистаном сгущались, и гром был неизбежен.

Спустя короткое время после Апреля фракция «Парчам» во главе с Кармалем уже заявила о своем несогласии с разделением портфелей в правительстве и Политбюро ЦК НДПА. Началась настоящая фракционная война. Нередко указы президента и решения правительства зависали в воздухе, не исполнялись.

Холодным душем для руководства страны явились события марта 1979 года в Герате. Поднятый в городе мятеж перекинулся на части военного гарнизона, и обстановка стала непредсказуемой. Был зверски убит советник заместителя командира дивизии по технической части майор Бирюков Николай Яковлевич. Именно тогда прозвучали первые призывы к уничтожению всех советских военных советников. С большим трудом и риском нам удалось в последний момент вывезти самолетом из Герата семьи советников. Многие из них в Кабул прилетели лишь в домашних тапочках и халатах.

Растерялся и сам Тараки. Из руководителей партии и государства в Герат никто не был направлен. Все решалось силами и средствами Министерства обороны. Амин пытался отдать приказ главкому ВВС подвергнуть Герат бомбардировке с воздуха и стереть его с лица земли. Нам удалось удержать его от этой крайней меры. По нашей с главным военным советником Л. Н. Гореловым инициативе была создана оперативная группа Министерства обороны во главе с командующим ракетными

войсками и артиллерией полковником Инзерголем.

Рано утром 16 марта вместе с оперативной группой из Кабула в Герат вылетели около 150 десантников и два танковых экипажа. Танковые экипажи, сформированные исключительно из членов НДПА, потребовались потому, что танковый батальон гератской дивизии оказался деморализованным и отказался идти в бой. Эти два танковых экипажа и батальон десантников сыграли решающую роль в подавлении мятежа.

В те тревожные дни Тараки упросил руководство СССР принять его в Москве. Он всячески уговаривал наших руководителей оказать Афганистану военную помощь авиацией и сухопутными соединениями. Тогда просьба о военной помощи была отклонена.

Уроки гератских событий обсуждались на заседаниях Ревсовета, Политбюро, в правительстве, в Министерстве обороны ДРА. Мы с главным военным советником Гореловым поставили вопрос об укреплении аппарата Министерства обороны и Генерального штаба Афганистана, начиная с первых лиц. Начальником Генштаба был совершенно недееспособный генерал Шахпур, а министра обороны вообще не было. Ответственным за Министерство обороны был Амин, который к тому же был и первым заместителем главы правительства, и министром иностранных дел, и секретарем ЦК НДПА.

В то время мы с главным военным советником неоднократно обращались к Тараки с просьбой освободить Амина от обязанностей министра иностранных дел и дать ему сосредоточиться на руководстве Минобороны. Тараки отвечал, что «у нас нет другого руководителя, равного Амину по работоспособности и ответственности, и если даже мы поручим ему еще одно министерство, то он и с ним справится». Конечно, дело от этого страдало.

В последующем министром обороны был назначен полковник Ватанджар, но эта ноша оказалась ему не по плечу. Это усугублялось еще и тем, что к лету 1979 года сформировалась так называемая «четверка» молодых министров, в которую входил и Ватанджар и которая не очень утруждала себя работой.

Неформальным лидером «четверки» — а чаще ее называли «бандой четырех» — являлся руководитель Службы государственной безопасности Саравари. В нее также входили министр связи Гулябзой и министр по делам границ Шерджан. Жизненная философия этой «четверки» сводилась к принципу, который они заявили сами: «Мы совершили революцию, мы еще молоды, и нам можно погулять».

На их совести — фатальная ссора Тараки и Амина,

неоднократные попытки покушений на Амина, попытки поднять мятежи в ряде армейских гарнизонов. Все это не обходилось без влияния наших спецслужб.

Тараки гордился своими молодыми министрами и по-отцовски любил их, прощал их шалости и выпивки. В то же время Амин как председатель правительства строго спрашивал с них за упущения по работе, за разгульный образ жизни. Именно этим было положено начало разногласиям между Тараки и Амином, разногласиям теперь уже внутри самой фракции «Хальк».

Я и сейчас, спустя 20 лет, не могу понять, почему представители наших спецслужб в Кабуле так опекали этих раскольников, получали от них неправдивую информацию о положении дел в армии, снабжали этой информацией советских руководителей. В конце концов эта четверка, когда она окончательно обанкротилась, была даже тайно перемещена в Советский Союз.

Драматические междоусобные события между Тараки и Амином развернулись в сентябре 1979 года по возвращении президента в Кабул из Гаваны.

Теперь уже широко известно, что на обратном пути из Гаваны Тараки имел в Москве встречу с Брежневым и другими советскими руководителями, а также с Кармалем, который в это время находился в Москве. Эта встреча закончилась тем, что Тараки согласился вторым лицом в государстве вместо Амина сделать именно Кармаля.

12 сентября встреча Тараки в кабульском аэропорту была пышной, но тревожной. Все говорило о том, что скоро наступит развязка. В это время в афганской армии работала группа генералов и офицеров Минобороны СССР под руководством главнокомандующего Сухопутными войсками генерала армии Павловского. Послу СССР в Афганистане Пузанову совместно с Павловским, генералом КГБ Ивановым и советником Гореловым было поручено провести беседу с Тараки и Амином и примирить их.

14 сентября советские посланники прибыли в рабочий кабинет Тараки. Пузанов сообщил о цели визита и просил пригласить на беседу Амина. Амин приехал во дворец, и здесь на него было совершено покушение. Погиб главный адъютант Тараки, Тарун, был тяжело ранен адъютант Амина. Беседа не состоялась, гром грянул. Когда советские представители покинули дворец и убыли в посольство, весь вечер и ночь между Тараки и Амином шла отчаянная борьба за влияние на войска кабульского гарнизона.

Тараки отдал приказ командиру бригады «Гвардия»,

охранявшей дворец, полковнику Джандату уничтожить здание Министерства обороны, где находился Амин. На сообщение Джандата, что там находятся советские советники, Тараки ответил, что это не имеет значения. Джандат приказа не выполнил.

Войска гарнизона в основном оказались на стороне Амина, хотя два боевых вертолета «Ми-24» уже были подняты в воздух для нанесения ракетного удара по зданию Минобороны. Через наших советников в ВВС их удалось вернуть на аэродром. Военные советники в эту тяжелую и тревожную ночь сделали все возможное, чтобы войска гарнизона не покинули своих мест дислокации. Это нам удалось сделать, и большая кровь не пролилась.

Уже на следующий день Тараки был изолирован от руководства страной, а 16 сентября в здании Минобороны последовательно состоялись вначале заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК НДПА. Тараки был освобожден от должности председателя Ревсовета и Генерального секретаря ЦК НДПА. Единогласно на эти должности был избран Хафизулла Амин.

Участь Тараки была предрешена. Амин был гораздо сильнее его — и не только в плане личных качеств или организаторских способностей, но и с точки зрения влияния этих противоположных по духу людей на армию и распределения полномочий между президентом и премьер-министром. Если Тараки был «знаменем революции», интеллигентом, любимцем простого народа, то Амин был неутомимым двигателем этой революции, воином, всегда четко знавшим, что, когда и как надо делать.

Видимо, сейчас самое время дать хотя бы некоторую характеристику Нуру Мухаммеду Тараки.

К моменту совершения революции ему было около 60 лет. По меркам Афганистана, это был уже старый человек, хотя он выглядел бодрым и жизнерадостным. По национальности пуштун, родом из провинции Мукор, из простой крестьянской семьи. Детей не имел. Окончил Бомбейский университет. Стал писателем. Хорошо знал жизнь простого обездоленного народа, особенно кочевников. Много кочевал сам.

Полученное образование и знание жизни простого народа позволили ему написать ряд книг по истории своей страны и возглавить революционное движение. Он стал создателем первой в Афганистане революционной партии (НДПА). Много читал и знал о Советском Союзе, как бы примерял будущее своей страны к великому северному соседу. Любил свою армию, гордился тем,

что она сделала революцию, утверждал, что армия в Афганистане выполняет роль диктатуры пролетариата.

По натуре Тараки был очень простодушен, честен и тщеславен, открыт для людей, но после революции практически потерял связь с народом. За весь период пребывания главой государства Тараки, если мне не изменяет память, не только ни разу не выезжал в провинцию, но и из дворца.

В сложной обстановке терялся. При принятии решений чаще ориентировался на Амина. Последнее время злоупотреблял алкоголем.

Главой государства стал Амин, наши военные советники оказались в крайне сложной обстановке, так как среди личного состава армии, особенно офицеров, произошло разделение на таракистов и аминистов. Это не могло не отразиться на боеспособности и боеготовности войск. Порой трудно было понять, кто кого поддерживает.

В этот критический период роль группы генералов и офицеров во главе с главкомом Сухопутных войск генералом армии Павловским была неоценимой. Руководство страны, особенно военное руководство и сам Амин, уже являвшийся главой государства, с большим вниманием относились к мнению Павловского. Именно в это время был проведен ряд успешных операций афганской армии против мятежных формирований.

26 сентября 1979 года последовал неожиданный вызов нас с главным военным советником в Москву. Мы понимали всю ответственность этого вызова и разговора с министром обороны. Вечером этого дня мы вместе с Гореловым посетили Амина. Нас интересовала прежде всего оценка положения дел в стране и армии самим Амином и судьба Тараки.

На мой прямой вопрос, где сейчас находится Тараки и какова его дальнейшая судьба, он ответил: «Тараки живет в одном из помещений Дворца, питаемся с одной кухни, ни один волос с головы Тараки не упадет».

В заключение беседы Амин попросил нас отвезти его личное письмо Брежневу. Мы дали на это согласие. Позже нам стало известно, что главным вопросом, который ставился в письме, была его просьба о личной встрече с Брежневым в любом предложенном Москвой месте.

28 сентября состоялись беседы с начальником Главного политуправления Епишевым, во второй половине дня — с начальником Генерального штаба Огарковым. 29 сентября состоялась беседа у министра обороны Маршала Советского Союза Устинова. 1 октября мы были приглашены к начальнику международного отдела, секретарю ЦК КПСС Пономареву.

Для нас эти беседы были непростыми, особенно с министром обороны. Мы в деталях, как мне кажется, со знанием дела доложили обстановку в Афганистане и в армии после смещения Тараки. Особенно тщательно и с пристрастием нас спрашивали о личности самого Амина, о его взглядах на взаимоотношения с Советским Союзом и вообще, можно ли ему доверять.

Я и в той беседе с Устиновым, и сейчас охарактеризовал бы Амина таким образом. Возраст около 50 лет. Выходец из средних слоев, пуштун. Высшее образование получил в США. Работал учителем, директором лицея. Рано примкнул к революционному движению. По возвращении из Америки познакомился с Тараки и стал его ближайшим соратником. Женат, имел 5 детей. До революции был секретарем ЦК НДПА и по заданию Тараки возглавлял нелегальную работу в армии.

Обладал огромной работоспособностью и организаторским талантом. Человек харизматический, притягивающий к себе людей. Я, не знавший ни пушту, ни дари, был заворожен его ораторским мастерством — даже без знания языка было понятно все, о чем он с таким вдохновением говорил в своих выступлениях. Самолюбив, ярый националист пуштунского толка, настойчив при проведении в жизнь принятых решений, порой проявлял упрямство и жестокость.

К Советскому Союзу относился с уважением и любовью, стремился все советское внедрять у себя без всяких колебаний, хотя это далеко не всегда соответствовало обстановке и условиям афганского общества. Из достоверных и проверенных источников могу утверждать, что у него было два святых праздника в году, когда он мог позволить себе употребить спиртное: 7 ноября и 9 мая. Это знаю и из уст товарищей, которые до Апрельской революции были с ним в подполье в одной пятерке.

Характерно, что лучших своих учеников лицея, где он был директором, а также своих родственников Амин стремился направлять на учебу не в США, Германию, а только в Советский Союз. Поэтому не случайно среди афганских офицеров из числа халькистов было в 2–3 раза больше со знанием русского языка, чем среди офицеров из числа парчамистов.

Даже после штурма Дворца, в ходе которого погиб сам Амин и двое его сыновей, его жена вместе с двумя оставшимися в живых дочерьми и младшим сыном никуда не пожелала ехать, кроме Советского Союза, заявив, что ее муж был другом Советского Союза и она поедет только в эту страну. Так она и поступила.

После штурма Дворца Амина много говорилось, что он являлся агентом ЦРУ, но доказать ничего этого не удалось, да и

заранее было понятно, что все это ложь.

Проведенные с нами беседы в Москве и высказанные руководителями Минобороны СССР и в ЦК КПСС указания нас ко многому обязывали. По возвращении в Кабул мы с Гореловым провели совещание с руководителями советнического аппарата корпусов, дивизий и бригад. Все вопросы обговорили с послом Пузановым, советником по линии ЦК КПСС Веселовым, представителем по линии КГБ Ивановым.

К сожалению, разная оценка положения дел в Афганистане и армии между военными советниками и руководителями наших спецслужб сохранилась, и такой она шла к руководству нашей страны. Не сблизил позиции и приезд в Кабул самого Пономарева. На одном из совещаний с его участием дело дошло до того, что мы друг друга готовы были взять за грудки.

Между тем со стороны Пакистана в ДРА проникали все новые отряды мятежников, и обстановка осложнялась.

Помню, как на одном из заседаний Совета обороны, который был создан, обсуждался вопрос о проведении операции в провинции Кунар. В ходе обсуждения Амин внес предложение сжечь все села вдоль дороги от Джелалабада до границы с Пакистаном, до города Барикот, мотивируя это тем, что в них живут одни мятежники. Главный военный советник Горелов и я всегда приглашались на эти заседания, и в данном случае решительно выступили против такой меры, мотивируя это тем, что в селах, безусловно, живут и мирные жители. И если такое решение будет принято, то советники не будут принимать участие не только в проведении операции, но и в ее подготовке. Это уже будет не борьба с мятежными бандами, а гражданская война, а мы в ней участвовать не должны и не можем. В итоге свое предложение Амин снял, а позже в одной из бесед признал свою горячность и неправоту.

Были у нас и другие разногласия с Амином, но все их удавалось разрешать в ходе переговоров. Например, когда мятежники активизировали свои действия в северных провинциях Афганистана, Амин направил туда своего старшего брата Абдуллу для оказания помощи губернаторам, отдав ему целую пехотную дивизию. После серьезных разговоров с Амином дивизию удалось вернуть в подчинение Министерства обороны.

В то же время так называемая «банда четырех» после смещения Тараки со своих постов делала свое губительное дело. Находясь на нелегальном положении, они то в одном, то в другом гарнизоне пытались поднять мятеж против Амина.

14 октября 1979 года был поднят мятеж в 7-й пехотной дивизии. Во главе его стоял командир комендантской роты

старший лейтенант Назим Голь. Его поддержали командиры танкового батальона и батальона связи. Воспользовавшись тем, что основная часть дивизии вместе с командованием и советником командира дивизии полковником Шеенковым находилась в летнем лагере, 7 танков подошли к штабу дивизии и открыли огонь. Началась паника, никто не понимал, что происходит. Была попытка поднять и другие части Кабульского гарнизона, но этого сделать заговорщикам не удалось.

Я в этот момент находился в 4-й танковой бригаде, начальником штаба которой генерал-майором Якубом была поставлена задача на подавление мятежа. Бригадой командовал одаренный молодой офицер старший капитан Исмаил. Я вместе с бригадой участвовал в этой операции. Подавить мятеж не составляло особого труда. Окружили городок танками и предложили сдаться. Заговорщики были арестованы.

После подавления мятежа я поехал в посольство с целью доложить о выполненной задаче. В приемной посла сидел один из работников посольства и плакал. На мой вопрос, что случилось, Пузанов ответил, что тот льет слезы по поводу неудавшегося мятежа. Вот так мы «дружно» работали.

25 октября 1979 года мы с главным военным советником вновь были вызваны в Москву на подведение итогов боевой и политической подготовки Вооруженных Сил СССР за 1979 год.

29 октября 1979 года у министра обороны СССР состоялось совещание главных военных советников из всех государств мира, где работали наши военные представители. Нам с Гореловым было нелегко отчитываться, так как уже не было в живых Тараки, а обстановка в стране оставалась тревожной.

Министр обороны особо подчеркнул: «Мы вашими глазами смотрим на дела в той или другой стране. Вы должны вместе с посольствами и представителями КГБ вырабатывать единую позицию, единую оценку. Разнобой оценок затрудняет нас принимать верные решения».

Мы понимали, что это напрямую относится к нам, и по возвращении в Кабул довели это требование Устинова до посла и представителя КГБ. К сожалению, чекисты в основном остались на своих позициях в оценке ситуации.

За ноябрь 1979 года посол Пузанов и главный военный советник Горелов лишились своих должностей. В конце ноября в Кабул прибыл первый замминистра внутренних дел генерал Попуган. Через день или два я был приглашен к новому послу СССР в ДРА Табееву. Последний заявил, что он и новый главный военный советник генерал-полковник Магометов еще недостаточно владеют обстановкой, и попросил высказать свое

мнение по содержанию шифровки, подготовленной в Москву за подписью самого Табеева, гэбиста Иванова и генерала МВД Попутана. Подпись последнего уже стояла под шифровкой.

В шифровке давалась крайне негативная оценка положения дел в ДРА, особенно в армии. Речь шла о том, что армия полностью деморализована и не в состоянии противостоять мятежникам.

С этим был не согласен не только я, но и советник по линии ЦК КПСС Веселов и его помощник Кулинченко. Мы спросили Попутина, почему он подписал шифровку, не зная положения дел. Тот ответил, что его попросили подписать работники КГБ, и он так и сделал, а раз мы возражаем, то он тут же снимет свою подпись. В итоге в Москву данная шифровка ушла за подписью одного лишь представителя КГБ.

Все говорило о том, что дело шло к развязке.

10 декабря 1979 года я был вызван на телефонный разговор с Москвой. У телефона был генерал-лейтенант Огарков. Он мне передал буквально следующее: «Ваша дочь обратилась с просьбой в ЦК КПСС о встрече с отцом, т. е. с вами. Ее просьба удовлетворена. Вам необходимо сегодня вылететь в Москву». На мое заявление, что сегодня самолет уже ушел, а следующий рейс будет через два дня, он ответил: «Это не ваша забота. Вам к 18 часам сегодня необходимо прибыть в Баграм, за вами прибудет самолет».

Я вылетел на вертолете в Баграм, но самолет за мной прибыл лишь утром 11 декабря 1979 года. В самолете летел один и всю дорогу ходил по салону и думал, что не могла дочь обратиться в ЦК партии, произошло что-то другое, да еще и самолет специально прислали.

После обеда 12 декабря вместе с начальником Генштаба Огарковым и начальником Главпура Епишевым мы предстали перед министром обороны Устиновым. Предварительно Огарков поинтересовался у меня, не следует ли в этой сложной обстановке ввести в Афганистан наши войска. Я сказал, что это нецелесообразно, т. к. мы втянемся в гражданскую войну. Огарков на это никак не отреагировал, своего мнения не высказал.

В начале беседы у Устинова Огарков сказал ему, что, мол, товарищ Заплатин остается на прежних позициях. Министр окинул меня строгим взглядом и спросил: «Почему? Ведь вы на предыдущей беседе в сентябре говорили, что Амин клятвенно обещал сохранить жизнь Тараки. А что произошло?»

У меня на этот вопрос вразумительного ответа не было. Я лишь пытался объяснить, что определенные силы в Афганистане, в том числе и на родине Тараки, пытались поднять народ против

Амина, что по-прежнему действует «банда четырех». Я понимал, что мой ответ неубедительный и что поступку Амина оправдания нет.

Тогда Устинов упрекнул меня за то, что, несмотря на предупреждения, из Афганистана по-прежнему идет противоречивая информация об обстановке в стране и армии, и дал мне почитать ту самую шифровку за подписью представителя КГБ. Она была краткой, но суть состояла в том, что афганская армия, по существу, развалилась, Амин себя полностью дискредитировал и страна находится на грани краха.

Я, конечно, не мог защищать Амина, но что касается армии, то с выводами и оценкой, данной в шифровке, не согласился и сказал, что эта информация идет к нашим спецслужбам от «банды четырех» и что я бы своей подписи под этим документом не поставил. Про себя подумал, что сейчас министр попросит меня покинуть кабинет. Но этого не произошло. Устинов внимательно посмотрел на меня, пальцем указал на шифровку и сказал: «Вы же попутно изучаете обстановку, а они за нее головой отвечают». Я на это ответил, что, к сожалению, голова при этом часто бывает нетрезвой.

После этого Устинов посмотрел на Огаркова и Епишева и произнес последнюю фразу: «Но уже поздно». Я этой фразы не понял и лишь спустя некоторое время узнал, что именно в этот день, утром 12 декабря, состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором было принято окончательное решение о вводе советских войск в Афганистан.

28 декабря 1979 года после ввода наших войск в Афганистан мне начальником Главпура Епишевым было предложено срочно вернуться в ДРА для продолжения работы. Я попросил выслушать меня и заявил, что с приходом к власти Кармаля произойдет резкая смена кадров в армии, особенно среди начальников политорганов, и мне будет трудно работать, меня не поймут, лучше мне туда не возвращаться. Моя просьба была доложена министру обороны, в ЦК КПСС и была удовлетворена. Все дальнейшие события показали, что приход к власти Бабрака Кармаля стал трагедией для афганской армии. Ее уже нельзя было спасти и сделать боеспособной.

Я знаю, что и сейчас некоторые товарищи, которые неплохо знали обстановку того времени в Афганистане, продолжают считать, что ввод советских войск в эту страну был необходим. И все это понятно. Уж слишком велика была цена того, будет для нас Афганистан дружественной страной, или наоборот.

Но мы, военные советники, находясь в самых трудных условиях, лучше других понимали, что если мы ввяжемся в

гражданскую войну, то будет беда. Афганистан — это не Венгрия и не Чехословакия. Еще до ввода войск в ДРА погибло 5 военных советников, а в годы войны погибло 190 военных советников и переводчиков и 664 были ранены.

Не могли не настораживать нас и местные природные условия, горный рельеф местности. Уже после первой встречи с Устиновым я попросил, чтобы меня ознакомили с тем районом местности, где афганцами был полностью разгромлен английский экспедиционный корпус. Вывод напрашивался один — мы в горных условиях неизбежно будем иметь немалые потери и в живой силе, и в технике.

Прошло 20 лет с момента штурма Дворца Амина и ввода советских войск в Афганистан, а боль не утихает.

Продолжаю и сейчас сожалеть, что в то время наши руководители не прислушались к голосу бывшего посла СССР в ДРА Пузанова, главнокомандующего Сухопутными войсками генерала армии Павловского. Они даже не были выслушаны соответствующими должностными лицами по возвращении из ДРА.

Роковой ошибкой наших руководителей было нежелание выслушать и самого Амина, который не раз заявлял нам, что готов оставить свой пост главы государства, если советские руководители посчитают это целесообразным.

Но особенно неоправданной, на мой взгляд, была ставка, сделанная нашими спецслужбами и международным отделом ЦК КПСС на Кармаля и в целом на фракцию «Парчам». С их приходом к власти начались все наши беды в Афганистане, развал афганской армии стал неизбежным, ибо она в основе своей была халькистской. Понесенные жертвы при штурме Дворца Амина и в ходе всей войны оказались напрасными, хотя, конечно, мы в Афганистане немало сделали и полезного по становлению армии, защите мирного афганского населения от наемных и мятежных банд. Но в конечном счете Апрельская революция все же потерпела поражение. Я уже не говорю о той грязи, которую в последующем Кармаль обрушил на Советский Союз.

В настоящее время многие тысячи афганских патриотов, которые сотрудничали с нами и преданы нам, брошены на произвол судьбы. Многие из них бедствуют в России, не получив никаких прав и гарантий на жительство. Их каждый день обирает и грабит наша доблестная милиция. Некоторые счастливчики сумели уехать в Западную Европу и по-человечески там обосноваться. Но все они мечтают вернуться на свою родину и могут быть очень полезными для России.

Наверное, было бы несправедливо утверждать, что мы из

войны в Афганистане не извлекли никаких уроков и выводов. Но вот что касается тесного сотрудничества и взаимодействия силовых структур, особенно армии и госбезопасности, то первая чеченская война вновь наглядно показала эти изъяны.

Я совершенно не сомневаюсь, что не только для Пономарева, для Епишева, а в целом для всего нашего руководства революция оказалась делом неожиданным. Если даже для самого посольства и для посла это в какой-то мере явилось неожиданностью, то о Центре и разговора быть не может.

Со мной полетели еще пять политработников сразу и человек 12 советников в дивизии. Но за четыре или за пять дней до нашего отлета туда была направлена группа во главе с начальником 10-го Главного управления генерал-полковником Зотовым. Вместе с ним был Начальник Управления кадров Главного Политуправления генерал-лейтенант Агафонов. Поэтому я был осведомлен, что мы с ним должны встретиться на аэродроме. Мы прилетим, а они должны этим рейсом возвращаться обратно. У нас был всего час, может быть, полтора там, в аэропорту поговорить, что они за эти четыре дня увидели и какое их впечатление. Зотов и Агафонов мне немножко поведали, так сказать, о настроениях, о своих умозаключениях. Долго нельзя было тут разговаривать, потому что меня встречал уже назначенный Начальником Главного политуправления товарищ Экбаль. Он стоял где-то в стороне, куда я подошел.

В тот же день я был у Амина. На второй день меня представили Тараки. Обстоятельные беседы были. Доброжелательные очень и та и другая. Просьба с их стороны была, по существу, одна:

«Мы знаем, что у вас есть политорганы, есть партийные организации, стройная система учебы, мы хотим, чтобы в нашей армии было то же самое. Сделайте все по вашему образцу».

Ну, я в свою очередь говорю: по нашему образцу делать, наверно, не надо, и мы не будем это делать. Надо учитывать и ваши особенности, и мы все-таки 70 лет уже имеем эту структуру, ее совершенствовали. Начинали от небольшого, а пришли к большому, крупному, с большими изменениями в ходе этих 70 лет. Поэтому, я говорю, дайте мне возможность разобраться самому на месте, а потом я выскажу вам, как бы мне представлялось, с чего начать работу.

Сразу я перед ними поставил вопрос, что уж если создавать политические органы, структуру которых я вам представлю, то мне будут нужны люди. Поэтому я сразу прошу вас, чтобы вы мне дали возможность отбора вместе с начальником Главного политического управления из командных кадров, из технических

кадров на политработу. Они согласились, и это единое мнение было, что на политработу сейчас к нам, в армию, надо направить самых лучших, самых преданных. Тараки и в этот раз, и в последующем многократно мысль высказывал: мы понимаем, что у вас пролетариат был в стране, что с самого начала победила диктатура пролетариата. Пролетариат, крестьянство, союз с солдатскими массами. А у нас пролетариата, по существу, нет, поэтому наша армия на какой-то промежуток времени будет выполнять эту роль. Главный акцент делается на армию, чтобы у нас после службы в армии люди несли идеи и политическую закалку в кишлаки, в аулы до самых низов. Кадры были подобраны достойные. Правда, в последующем обратный отток начался, потому что мы с политработы оправдавших доверие и устоявшихся людей передавали на командные должности, но уже на вышестоящие должности. Причем старались подбирать халькистов и парчамистов, хотя первых было значительно больше.

Должен сказать, что со стороны политработников, которых мы учили и которые с нами работали, негативных отношений не было. Взаимоотношения были рабочие, требовательные, в том числе с Экбалем Вазири, хотя иногда я был неправ. Однажды через переводчика Диму выяснилось, что Экбаль с семьей бедствует, получая зарплату 1700 афгани (при моей зарплате 17000 афгани). У него же жена, ребенок, двое племянников, постоянные гости из Пакистана, так что он вел полуголодный образ жизни. После ему немного прибавили, и я иногда начал приглашать его к себе на чай.

К моменту выхода партии из подполья в ней насчитывалось 2473 члена партии, из них семь процентов парчамистов. Потом стало известно: по указанию Бабрака часть своих сил они скрыли, утаили, не легализовали.

Поэтому соотношение было явно не в пользу парчамистов. Процесс легализации партии шел очень тяжело, даже Амин категорически отказывался легализовать и выводить партию из подполья. Удалось это сделать только через Тараки, но процесс был болезненный.

Борьба между «Парчам» и «Хальк» была очень острой. Но Амин умел подавлять жестко, железной рукой… С одной стороны — Тараки и Амин, с другой — Бабрак, Нур, Анахита, Барьялай (брат Бабрака). Между ними долго колебались Кадыр — министр обороны, Бабаджан — начальник Генерального штаба.

Между Амином и Тараки были незначительные разногласия, но пик тяжелых взаимоотношений наступил с августа 79-го года. Я вернулся из отпуска и сразу почувствовал, что назревает самое

тяжелое и неприятное. Лично разговаривал с тем и другим, посол разговаривал, были установки ЦК, которое было крайне обеспокоено. Пономарев дважды прилетал. Но доброта, добропорядочность, может быть, самого Тараки, мягкость характера, и, наоборот, в противовес ему Амин с железным характером, с организаторскими способностями, — их в этом плане соизмерить невозможно.

Тараки восхищался его организаторскими способностями, его волевыми качествами, но не все разглядел в Амине. Но раздор между Тараки и Амином не обошелся без нашего влияния, без наших советников. Я считаю, что этими советниками были советники по линии Комитета госбезопасности, то есть под руководством Сарвари, министра безопасности (ХАД). Это та четверка, которую очень близко держал к себе Тараки. Сарвари — министр госбезопасности, Ватанджар — вначале министр обороны, потом его вновь вернули на должность министра внутренних дел, Гулябзой — министр связи, и Маздурьяр — министр по делам границ. Да, они были близки к Тараки, Гулябзой был порученцем Тараки долгое время. И Тараки мне его предлагал взять начальником организационного управления Главпура. Я с ним две беседы провел. И потом ему высказал, что если мы вас возьмем, то придется уходить с должности порученца. Он — «Нет. Я не согласен. Я хочу остаться и там». Я говорю: «Не нужен мне такой работник».

Я вот такую легковесность быстро разгадал. Поскольку Сарвари постоянно был в поле зрения наших товарищей комитетчиков, они через него, прежде всего, влияли на всю эту четверку. И вот эта четверка встала как бы между двумя лидерами — между Тараки и Амином. От Амина они отошли и все пытались навешивать на уши товарищу Тараки, что Амин рвется к власти, что Амин неминуемо добьется своего, что вам надо, дескать, проявить жесткость к нему, так как он и нас сомнет, и все на свете…

Это вроде бы и правда, так оно случилось, в конце концов. Как же это случилось? У нас с послом единая позиция, с Александром Михайловичем Пузановым, которая отличается от позиции комитетчиков. То есть в этом деле мы на разных полюсах находимся.

Первая версия — по заявлению Иванова, высказанная несколько дней спустя — это акция самого Амина, это Амин подговорил порученцев Тараки, и они расстреляли Таруна. Я склоняюсь больше ко второй версии. Это были очень верные Тараки люди, по его просьбе они вернулись к нему, и Касым, и старший лейтенант Бабрак. То, что они выполняли команду

Амина, ну ни в какие ворота уже не лезет. Поэтому вот последнее суждение, что это вроде Тараки сам колебался и не давал указаний, а я не склонен считать, что это лично от Тараки шло. А это, скорее всего, акция, задуманная нашими товарищами. Это мое мнение.

ЦК пытался примирить стороны, с этой акцией наше высшее политическое руководство не связано. С этим делом связаны были только Богданов и Иванов. Причем сделали это не сами, а через эту четверку. Это делали Гудябзой, Ватанджар, которые распределили все обязанности. И не более. Тут я совершенно исключаю, чтобы наш Центр замышлял такую акцию. Вот здесь-то и проявились ведомственные дела. Что касается наших взаимоотношений с этим ведомством, они не были такими, какими должны были бы быть. Они на контакты не шли, они считали, что они вершители судеб, что они лучше знают обстановку, и этим, кстати сказать, был поражен и наш Центр.

Свидетельством тому является следующее. 12 декабря я был на беседе у министра обороны. Зашли к нему с Епишевым.

— Доложите обстановку'.

Коротко доложил обстановку.

Он подает шифровку. Короткую шифровку на одной страничке. Подпись: представитель КГБ. Я быстро пробежал и сказал: «Товарищ министр обороны, я бы своей подписи здесь не поставил».

Он вспылил: «Почему?»

Я говорю: «То, что изложено здесь, не соответствует действительности. Вы пригласите вот этого представителя, кто подписал, и я здесь могу сказать, с чьей подачи это написано, пригласите и послушайте ту и другую сторону, и все станет ясно». Он рукой махнул, но недовольство проявил, в чем я его понимаю, и не только его.

«Вы, — говорит, — там не договоритесь между собой, информация идет разная, одни дают одно, другие дают другое, а нам решение принимать». Так вот, одной из причин принятия этого рокового решения и стало то, что противоречивая информация шла по различным каналам. Оценок обстановки, подписанных тройкой, вы не найдете ни одного документа. Были только шифровки, обращения, связанные, так сказать, с изложением просьб афганского руководства. Поставить то-то, представить то-то, дать возможность поставить двадцать вертолетов с экипажами, ввести полк, и то, и прочее. Поэтому, чтобы разобраться объективно, нужно подходить, безусловно, с разных позиций. Спросить и Иванова, и Богданова — этого пьяницу, всех надо в поле зрения — пусть раскроют свои карты.

Сейчас Морозов — заместитель нашего резидента — пишет в «Новом времени», что вот военные советники Горелов и Заплатин выступали против ввода войск потому, что хорошо знали: ввод войск связан, прежде всего, с тем, чтобы свергнуть Амина и привести к власти Бабрака.

Я так думаю, что если бы наши высшие политические руководители действительно так думали и руководствовались только этим, то грош цена тогда нашим руководителям. Для того чтобы свергнуть одного человека и привести к власти другого, идти на такую акцию — это сумасшествие.

Еще по дороге к министру, когда ехали в машине с Епишевым, он мне говорит: «Ты перестань хвалить халькистов». Я говорю: «Алексей Алексеевич, вы меня вызвали, чтобы мое мнение послушать или свое навязать?» Он махнул рукой: «Как хочешь!» Заходим в приемную: «Подожди здесь», — сам пошел туда. Ну, минут пять он, наверное, там побыл, выходят министр Устинов в шинели и Огарков с Епишевым. Устинов поздоровался, говорит: «Ты расскажи вот Николаю Васильевичу, а потом мне расскажешь, когда вернусь». Пошли к Огаркову. И вот в ходе разговора я отвечал на его вопросы, докладывал, как я понимаю обстановку. Он задал мне такой вопрос: «А как ты смотришь на ввод войск, если эта мера потребуется?» Ну, я к такому вопросу не был готов, в общем-то. И ответил: «По моему мнению, этого делать не следует». И продолжил: «У нас среди военных советников вы не найдете ни одного человека, который бы выступал за ввод войск, хотя главная тяжесть лежала на наших плечах, а не на плечах этих комитетчиков. Они сидели в посольстве, копались в бумагах, а положение дел на местах не знали, как мы знали, по крайней мере».

Да, было и у нас шероховатостей немало, конечно, и мятежи были. Но ведь чем были вызваны к жизни мятежи? Мы же сами прошли все это. Изменой офицерского, прежде всего, состава.

А неграмотного солдата поднять на мятеж не так уж и трудно. Пообещай ему сто марок, не марок, а афгани, и все.

Мою жизнь купили за четыре тысячи марок, и запросто мой водитель дал подписку, что он по команде решит мою судьбу, и благо, что команда поступила месяца через два после того, как его завербовал парчамист, я уже знал этого офицера. Но этот солдат меня знал и мое доброе отношение к нему, и он отказался. «Я вам деньги верну, и не буду я этого делать». Тогда этого офицера арестовали, ликвидировали. Правда, водителя моего оставили в живых, но я согласился, чтобы с машины моей его сняли, потому что на него вновь может быть давление.

После этой беседы у министра он меня отпустил, и я как бы

завис тут. Епишев на второй день, у него отпуск был недогулянным, улетел в Прибалтику на десять дней. Меня направили сначала во Львов, потом в Одесское объединенное училище, там много афганцев обучалось, узнать, каково настроение афганских слушателей. Я оттуда вернулся где-то в двадцатых числах, тут уже машина совсем закрутилась. И как только ввод войск произошел, меня тут же вызывает Епишев. «Ну, вот видишь, что произошло. Надо срочно возвращаться туда».

Я говорю: «Алексей Алексеевич, а можно мне свое мнение высказать? — «Ну, пожалуйста». — «Я считаю, что мне сейчас там делать нечего, с приходом нового руководства руль надо круто поворачивать, я не смогу этого сделать, меня не поймут. Я не боюсь, если надо, поеду, но я вам откровенно говорю, что мне трудно и не поймут меня все. Халькисты будут уходить». Такая смена действительно началась. На встрече присутствовал адмирал флота Сорокин. «Ну хорошо, посоветуемся с министром».

Министр поручил ему связаться с международным отделом ЦК. Согласились с моими доводами, и я остался, больше я в Афганистан не возвращался. Правда, Епишев говорил: «Так у тебя ж там жена?» Я говорю: «Жена там, но я попрошу товарищей, чтоб там помогли ее отправить. Мне не хочется встречаться с афганцами, видеть их, чтоб они смотрели на меня как на предателя».

Думаю, что при принятии решения мнение аппарата Главного военного советника в Афганистане не учитывалось. Горелов был един со мной абсолютно. Взаимоотношения между нами складывались трудно, и взаимопонимание появилось после того, как начала усложняться обстановка и обострились противоречия между Тараки и Амином. Мы долго по вечерам ходили около дворца и думали: ну что ж будет, какова развязка этого? Если мы введем войска, чем это для нас обернется? Это ж трагедия для страны. Мы понимали, что надо не этим путем идти, что надо армию укреплять, надо идти в народ. На заседаниях Совета обороны, на которых мы с Гореловым присутствовали, часто спорили. Амин однажды заявил: вдоль дороги, три-четыре километра вправо, влево все населенные пункты сжечь, так как там все мятежники. «Нельзя этого делать, — вначале Горелов, потом я, — мы своих советников не допустим ни к подготовке этой операции, ни к ее проведению». И такой тон, видимо, возымел свое действие, и предложение было снято.

Когда на севере стал хозяйничать старший брат Амина, я говорил: нельзя, чтобы ваш брат, не понимая ничего в военном деле, командовал двумя дивизиями, вы растащили дивизии, а

теперь требуете, чтобы вам туда наш мотострелковый полк поставили. Мы собрали снова все эти дивизии вопреки его желанию. Ну, тут и через Тараки приходилось действовать, так что борьба шла серьезная. Но мы свои вопросы решали, никому не наушничали, решали, как могли. Трудности были. Но мы понимали, что это не только наши трудности, но и их трудности.

Что касается подготовленности афганской армии в тот период, то подготовка велась, и тщательная. Была составлена схема всех гарнизонов. Это был план по прикрытию границы с Пакистаном. Какими силами мы должны были прикрывать, откуда их взять. У меня были выкладки абсолютные на этот счет. Конечно, не скажу, что афганская армия была очень боеготовной и боеспособной.

Но армия становилась на ноги, она с каждым днем укреплялась. Ведь после революции большой отсев офицерского состава произошел. Одни просто ушли, другие вредительством занимались, изменой, организовывали мятежи, а не тем, чем положено заниматься. Вот это беспокоило армию. Первый год после революции солдаты служили, и дезертирства не было, но после ввода наших войск началось массовое дезертирство.

Офицерский состав был укомплектован, десять пехотных дивизий, три танковые бригады, зенитно-ракетная, артиллерийская бригады… По численному количеству армия насчитывала в пределах 242 тысяч человек. Армия довольно солидная.

На рубеже первой годовщины революции началось какое-то организованное сопротивление: и внутренней оппозиции, и внешней из-за рубежа. Работа среди населения не велась, поэтому оппозиции удалось быстро овладеть периферией, особенно в удаленных провинциях. В городе власть революционная, в селе, в кишлаке власть мятежная. К тому же внутренняя борьба буквально обескровила революционную власть.

Очень тяжелым ударом, конечно, стал гератский мятеж. Там, на западе страны, действовала маоистская организация. Они там все организовали. А мятеж в Джелалабаде — это второй мятеж.

Амин хотел лично встретиться с Брежневым. Когда мы с Гореловым полетели на октябрьское совещание 78-го года, а вызов был неожиданным, Экбаль прямо на трапе самолета вручил письмо, адресованное Брежневу. Я покрутил его, сказал: «Посмотрите, сколько вы печатей тут понаставили, товарищ Экбаль, хоть скажите, кому оно адресовано: по дари я немного понимаю, а по пушту ничего не знаю». Он отвечает: «Лично товарищу Брежневу, это письмо ему». В тот же день Горелов, как только мы прилетели в Москву, отнес письмо Огаркову, Огарков

— министру, министр — по адресу. Мы знали, что там стоит вопрос о замене посла, второй вопрос — о личной встрече. На любой параллели, где угодно. Но ему в этом отказали, и он, как мне представляется, с этого момента стал чувствовать, что относятся к нему с недоверием…

В первых числах декабря в Афганистан прибыл первый заместитель министра внутренних дел генерал Папутин.

Я не сразу узнал об этом, через день, а до этого он находился в своих частях Царандоя. Через два дня звонит новый посол Табеев и просит приехать к нему. Просил он по одной простой причине: новый посол обстановки не знал, Горелов уехал, а новый Главный военный советник только что приступил к выполнению своих обязанностей и тоже обстановки не знает. Нужно было обсудить документ, который был подготовлен и должен быть направлен в Москву. В этом документе давалась характеристика армии, положения в стране и в партии.

Я приехал к нему. Он говорит, вот читайте, согласны ли вы с этим? Я новый человек, я не могу поручиться за все, что здесь записано.

Я прочитал эту шифровку, там была подпись только Папутина, а две заделаны под подписи посла и Иванова, но самих их подписей не было.

Я прочитал и говорю: с оценкой положения дел в армии категорически не согласен. И думаю, что Веселов — посол при ЦК партии — тоже не согласится с оценкой, которая дается партии.

Он говорит: ну, тогда идите к Веселову, обговаривайте все и редактируйте, как вам кажется верным. Пошел к Веселову, он в посольстве был. «Прочитайте, Семен Михайлович». Прочитал, плечами пожал: «Я думаю, что это не так». Я говорю: «Да, что касается армии, совершенно не так». Рисовалась безысходная обстановка, что тут все валится, все рушится, и если с минуты на минуту не ввести войска, то крах неизбежный.

Он говорит: «Что будем делать?» Отвечаю: «Папутин здесь, он не улетел, поэтому вам сподручнее — советнику ЦК партии — позвонить в Царандой и пригласить его сюда».

Так и сделали. Через несколько минут буквально, расстояние небольшое, он приехал. На беседе был и помощник Веселова. Я задал первый вопрос: «Почему вы такую оценку даете армии? На каком основании, у вас какие-то аргументы есть, вы были в армии?»

Он засмущался: «Ну, вы понимаете, я действительно был только в одном гарнизоне Царандоя. Меня убедили, что везде плохо. Поэтому я и подписал».

Я говорю: «Снимайте свою подпись». Скорректировали мы эту

шифровку с Веселовым и отнесли к Табееву. Какова ее дальнейшая судьба, не знаю.

14 сентября. Покушение на Амина

Дело было около полудня. Мы с обеда пришли, вышел я на балкон, мой кабинет был на втором этаже, а кабинет Амина находился на первом этаже, он был в то время ответственным за Министерство обороны.

Смотрю, выходит Амин, и стоят две машины. В первую машину садится Амин с порученцем, во вторую садятся еще три человека, охрана. Поехали, прошло не более пятнадцати минут, машины на дикой скорости возвращаются. Со скрипом останавливаются около дворца. Амин выходит с первого сиденья, открывает заднюю дверку и вытаскивает оттуда порученца, тащит его к себе в кабинет.

Ну, я вижу, что человек тяжело ранен, про себя думаю: зачем его сюда тащат? Надо же в госпиталь везти. И у Амина руки в крови и пиджак тоже. Вместе с начальником Главпура пошли мы вниз. Спустились, я думаю, в этой обстановке я туда не пойду. Пусть идет начальник Главпура Экбаль. И я вернулся на второй этаж, а Экбалю сказал: «Слушай, надо его в госпиталь отправлять».

Тут же его вернули в машину и повезли в госпиталь. И буквально спустя 3–5 минут возвращаются от Тараки Павловский, Пузанов, Горелов и Иванов. И все вместе пошли к Амину. Затем они быстро уехали к послу.

После со слов Экбаля выяснилось, что Амин звонил Тараки и сказал ему: «Ну, ты хорошо встретил меня. Приезжай ко мне, я тебя с чаем встречу».

Что уж там Тараки говорил по обратной связи, не знаю.

Как только уехали Павловский, Пузанов, Иванов, тут началась, я бы сказал, если не паника, то полупаника.

Четверка

Четверка не дремала. Несколько выстрелов было сделано по дворцу, но снаряды во дворец не попали, и если бы попали, они бы ничего, конечно, не сделали, стены крепкие. Во дворце находились Амин и наши советники.

Два боевых вертолета было поднято. И мне с большим трудом удалось через наших советников посадить эти вертолеты, чтобы они не применили ракеты по дворцу. А потом приходит начальник Генерального штаба и заявляет, что идет информация по обстановке: порученцы Тараки по радио обращаются все время к гарнизону, что первый окружен вторым, первый просит помощи.

Первый окружен, первый просит помощи. Наверное, надо отключить все средства связи от Тараки. Я говорю: слушайте, товарищи, я не знаю, кто в этой ситуации прав, кто не прав, и лишать сейчас президента страны связи — это надо взять на себя большую смелость. Не надо этого делать. Нельзя этого делать.

И одновременно звонки из частей пошли, что может выйти на улицы опять же по требованию четверки тяжелая техника.

Тут уж по своей линии все сделаешь для того, чтобы не выпустить из военных городков тяжелую технику к дворцу.

Когда мы с Львом Николаевичем Гореловым в октябре были у министра, нам был задан вопрос: какую цель вы перед собой поставите в подобный момент?

Мы в один голос сказали: не допустить выхода тяжелой техники, не допустить кровопролития, не допустить столкновения уже, по существу, двух хальковских группировок. Что нам и удалось сделать в этот момент.

Считаю, что это была откровенная попытка покушения на Амина. Акция была не со стороны Тараки, а со стороны четверки, которая скрывалась в советском посольстве. Четверка явно была связана с определенными советскими представителями. Поэтому-то у Амина было недоверие к Иванову, почему он и просил заменить его.

Военные мятежи, которые подавил Амин, тоже исходили определенным образом от этой же четверки. Например, мятеж в седьмой пехотной дивизии. Обстановка в то время была сложной. В тот момент Горелов находился в посольстве. Мы с начальником Главного политуправления товарищем Экбалем поехали в четвертую танковую бригаду, которая дислоцировалась в Кабуле, но уже вышла на исходные позиции для того, чтобы подавить этот мятеж.

Операция по подавлению мятежа продолжалась примерно

часа три. Бригада овладела военным городком, кого надо арестовали, кто-то сбежал. Артиллерийский полк этой дивизии был на полевом выходе. Туда тоже отправили небольшой бронеотряд, так как там тоже удалось поднять мятеж. Главная цель была — разъяснить людям, что произошло. По сушеству, там даже стрельбы не было. Таким образом, мятеж был локализован достаточно быстро и бескровно. Такие срывы, конечно же, были.

Реакция на эти события была неоднозначной. Так, Горелов, вернувшись из советского посольства, рассказал: «Слушай, в посольстве сегодня вышел такой разговор, что опять заплатинцы победили». И мы не могли разгадать, что это значит. А на второй день я был тоже в посольстве, и там один товарищ сидит в приемной у посла и плачет. Наш сотрудник. Я его фамилии даже не знаю. Ну, видимо, тоже работник посольства, работавший, возможно, под крышей посольства. Захожу к Александру Михайловичу Пузанову, послу, начали разговор. Я ему: плачет у вас в приемной, кто такой? Он рукой махнул. Да переживает за то, что там провалилось. Я: «А что провалилось?» Посол тоже ничего не знал. А я у этого товарища узнал, того, кто плакал. Оказывается, был замысел, чтобы не только в седьмой дивизии, а в этот день поднять мятежи во всех гарнизонах Кабула. Но цепочка не сработала, и у них все сорвалось. А мятеж в одной дивизии легко подавили. Поэтому вполне вероятно, что с четверкой кто-то был связан из наших товарищей.

Еще один важный момент. Мои письменные донесения по обстановке в стране, партии и армии, направленные мною в ГлавПУ, исчезли.

Один бывший наш, мой в частности, переводчик Королев, работавший впоследствии в 7-м Главном управлении, звонит мне и спрашивает: «Василий Петрович, вы случайно дело такое-то не брали?»

«Да ты что, Игорь, я дело с ГлавПура разве возьму. Да, я его читал, но не забрал». «Но пропало», — говорит.

К сожалению, они не поняли бессмысленность временного, так сказать, ввода войск. Это и погубило их, и раздавило. Ну, скажем, Амин не верил, что мы могли его убить, поскольку он мне лично доверял. Но, в принципе, почему они не понимали, зная свою страну и зная обычаи, что ввод большой группы войск будет трагедией и для нас и для них? Это общее мнение афганских товарищей, в том числе и Экбаля. Они говорят, что на Тараки и Амина постоянно влияли наши товарищи из числа «ближних соседей». Так что Тараки и Амин были своего рода пленниками сложившихся обстоятельств. Нельзя отбрасывать роль в этих событиях и Международного отдела ЦК КПСС. Может

быть, он определял нашу политику в отношении Афганистана.

Пришли же мы к тому, что нас начали ненавидеть больше, чем англичан. Правда, и уйдя так, как мы ушли из Афганистана, по-моему, совершили крупный политический просчет, проявив полное незнание обстановки в стране. Амина убрали — пришел Бабрак. Что такое Бабрак? В армии 93 процентов халькистов, а парчамистов — 7 процентов, только семь процентов сторонников Бабрака. На кого же делали ставку? Кто такой сам Бабрак? Пьяница, прежде всего. И мы вляпались…

Полковник через стенку спал, с заданием не давать пить. Причем халькисты, конечно же, были ближе к народу. Это же голодранцы, так их называли. Выходцы преимущественно из простого люда. Парчамисты в основном были представителями торговцев или феодалов и т. д.

Экбаль Вазири (первый начальник ГлавПУ афганской армии)

Считаю, что между Хафизуллой Амином и Нур Мухаммедом Тараки никаких разногласий и противоречий не было. Они были созданы искусственным путем определенными силами. Ведь оба лидера имели огромное влияние и авторитет в народе и мешали осуществлению плана, предусматривающего приход к власти другого деятеля.

Это бывшее руководство СССР хотело иметь в Афганистане послушное правительство, которому можно было бы диктовать свои условия. Используя своих агентов и огромное доверие к себе со стороны Тараки, ему удалось посеять раздор между ним и Амином. В итоге в народе был подорван авторитет обоих, а сама вражда дошла до вооруженного столкновения.

Вместо Нур Мухаммеда Тараки к власти пришел Хафизулла Амин. Он пользовался большим влиянием в армии и народе. В Афганистане не было силы, которая могла бы устранить его от власти. Поэтому у бывшего советского руководства остался единственный путь: путем провокаций ввести в Афганистан свои войска и силой убрать Хафизуллу Амина. Никакой интернациональной задачи они не выполняли. Главной их целью было привести к власти своего агента Бабрака Кармаля.

Эта ошибка в значительной степени подорвала Апрельскую революцию и в конце концов привела к ее поражению. Она также оказала крайне отрицательное, самое негативное воздействие и на Советский Союз.

Вспоминает бывший заместитель министра общественных работ Салех Пируз

Уже в первые дни революции определенными силами был предпринят целый ряд диверсий и провокаций. Так, например, была спровоцирована борьба за портфели в Кабинете министров, вызвавшая распри и противоречия. К счастью, этот инцидент удалось урегулировать…

В дальнейшем — ввод войск… Мы никоим образом не обвиняем советских солдат и офицеров. Они выполняли приказ своего руководства. А советскому руководству нужно было устранить от власти халькистов во главе с Тараки и Амином, которые были ближайшими союзниками и единомышленниками.

В ряде районов Афганистана, в частности в Герате, Нангархаре, были устроены мятежи, но революционная власть устояла. Нужно было поссорить Тараки с Амином. Ведь советское руководство понимало, что до тех пор, пока между Тараки и Амином будет единство и согласие, ему не удастся поставить во главе афганского государства своего агента.

Тараки и Амин были верными друзьями Советского Союза. На Москву они смотрели так, как мусульмане смотрят на Мекку. Дальнейшие события хорошо известны. Амин был убит советскими солдатами, и власть была передана человеку, которого не могло принять афганское общество.

Таким образом, ввод войск, устранение от власти законного афганского правительства и приход к власти советского агента являются основными причинами, приведшими революцию к поражению.

Экбаль Вазири

Должен подчеркнуть в отношении просьб с афганской стороны, что все обращения были инспирированы советской стороной. В связи с этим я вспоминаю беседу с генералом КГБ Ивановым. Однажды он пришел ко мне в Политуправление и сказал, что, по имеющейся у них информации, моджахеды создают в Нуристане временное правительство. В случае его создания, продолжал он, это правительство признают США, Пакистан, Саудовская Аравия и Китай, которые оказывали помощь моджахедам. В этом случае может начаться третья мировая война. Он посоветовал направить верные революции войска в Бадахшан для проведения операций, одновременно предложив пригласить сюда два-три советских полка.

Если бы Амин отказался от этого предложения, он бы выглядел как не преданный советской стороне.

Одним словом, все просьбы о вводе советских войск носили вышеуказанный характер. Все это было разыграно для осуществления плана по ликвидации законного афганского правительства и насаждению своего агента.

Делится воспоминаниями бывший заместитель министра внутренних дел Мустафа

Вспоминаю, как в Кабул прибыл генерал-лейтенант Папутин. Во время встреч с Амином он также настаивал на необходимости ввода советских войск. Амин дал согласие на их дислокацию на севере Афганистана. После определенного на него давления он согласился на совместную с афганскими войсками дислокацию и в центральной части страны, лишь бы советские друзья не заподозрили его в непреданности. В этой беседе приняли участие Иванов и Папутин, который затем покончил жизнь самоубийством.

Экбаль Вазири

В день штурма дворца Амин в два часа дня должен был выступить с речью перед сотрудниками Главного политического управления. Я прибыл во дворец после обеда. К тому времени он был уже отравлен и лежал без сознания. Тогда я поехал в советское посольство и сказал, что Амин болен, и попросил, чтобы к нему направили доктора.

Затем его состояние улучшилось, он начал разговаривать. Я сообщил ему, что в два часа дня звонил посол Табеев, хотел с ним встретиться и поговорить в отношении объявления в 19 часов о вводе советских войск в Афганистан. На самом же деле Табеев хотел убедиться, как подействовал на Амина яд, который ему во время обеда был добавлен в пищу.

За пять минут до событий, по просьбе врача, я покинул дворец. По пути в Министерство обороны мы услышали взрыв, прозвучавший рядом с Министерством связи. Войдя с начальником Генштаба в его кабинет, мы увидели советских солдат и генерала, руководившего операцией.

Только мы поздоровались, как началась стрельба. Так мы и оказались блокированными в кабинете начальника Генштаба.

Салех Пируз

Мы всегда считали: все, что делает Советский Союз, делает ради победы Апрельской революции, ради мирного будущего афганцев, но на практике все оказалось по-другому. Даже находясь в тюрьме, мы по радио слушали, как и новый ваш руководитель заявил, что ОКСВ введен в Афганистан по просьбе законного афганского правительства.

И мы сами себе задавали вопрос: а какое же это законное правительство? Если это правительство Хафизуллы Амина, то ввод войск носил не интернациональный, а захватнический характер.

В итоге ввода войск любовь и дружба и самые искренние отношения с русским народом поменялись на зло и ненависть…

Первый командующий 40-й объединенной армией генерал-лейтенант в отставке Юрий Владимирович ТУХАРИНОВ делится своими воспоминаниями

В 1979 году я сдал армию в Улан-Удэ и прибыл на новую должность первого заместителя командующего Туркестанским округом в октябре этого же года. И сразу окунулся в работу по изучению округа. Летал, смотрел, знакомился с людьми. В направлении мне командующий дал задание особое внимание обратить на западный район: это граница Ирана, Афганистана, Кушка. Не успел ознакомиться с округом, получил задачу. Вызвал командующий генерал Максимов и сказал: «Товарищ дорогой, сходи к операторам, ознакомься с планом ввода войск в Афганистан».

Это было примерно с 10 до 13 декабря. За пару дней я ознакомился с планом. Вопрос стоял так: надо Афганистану помочь, так как там начинают разрастаться бандформирования, Афганистан якобы уже отходит в сторону, Амин что-то неправильно руководит. И в то же время они просят ввести наши войска, чтобы морально поддержать их, чтобы наши войска были там. И такого особого значения в первый и второй день я даже не придал, что развернутся боевые действия, что это затянется на девять с лишним лет. Но через два дня поступил приказ от командующего выйти в Термез на полигон и формировать армию. Я вылетел в Термез, сформировали штаб, машины забрали все в округе, офицерский состав, генералы, то есть весь комплект был взят в округе. В округе остались командующий, начальник штаба, член военного совета, начальник тыла. Остальные все ушли как бы ниже на одну ступень в армию.

Армии такой не существовало, она только в плане была, на бумаге. Была дивизия 108-я в Термезе, на базе которой развертывалась полностью дивизия, так как она была в сокращенном составе, хотя на бумагах считалась полной. Ее нужно было развернуть до 12 тысяч человек.

Отмобилизование войск шло открыто, скрытности никакой не было. Отмобилизовывалась дивизия личным составом тех районов, в которых проживал народ. Это были узбеки, таджики, туркмены, то есть из республик, которые находились в

Туркестанском округе. Отмобилизование шло очень организованно. Редко когда были опоздания, неприходы.

Я уже имел план в Ташкенте числа 12 декабря, куда мы идем. Мы должны были войти в Афганистан двумя дивизиями и разместиться по двум маршрутам. С 12-го по 24-е мы провели отмобилизование, изучение театра Афганистана, маршрутов, доведение задач до личного состава. Готовность была определена на 25-е число. Занимались мы подготовкой днем и ночью. Поэтому за это короткое время успели очень многое. У нас каждый знал, что, как, куда он идет, особенно с офицерским составом, офицеры изучили с личным составом.

Мы военные люди, если приказ — до такого-то времени, мы его выполняем. К 25-му числу я получил от командующего приказ устный.

Командующий был в Термезе. Группа Генштаба в Термезе. Поэтому все вопросы решались на месте, на карте. Расчеты все докладывались на карте. Мне командующий приказал слетать в Афганистан и переговорить с братом Амина, который правил всем севером, и разместить войска не в Кабуле, а пока на севере. Расчет был такой. Я из Термеза вылетел в Кундуз с группой, там была группа из Генерального штаба из Кабула, афганцы. Принял нас брат Амина, мы посидели, поговорили. Сказали: приехали удовлетворить вашу просьбу и решить вопрос, где разместить войска. Он сказал, чтобы мы съездили в Ханабад, это на востоке, — посмотрите, дескать, где там можно разместить. Мне выделили машину, я съездил на этой машине. Мы ехали открыто, в форме, без маскировки. Посмотрели, где можно разместить, приехали обратно, сказали, это место нам не подходит. Надо смотреть другие места.

Вечером в 18:00 24-го числа войска по команде пошли пересекать границу. Там нас встречали из Генерального штаба. Все делалось по устным командам и распоряжениям. Командир дивизии доложил, что не может пройти напрямую на Кундуз, нет дороги. На карте дорога есть, а практически ее нет. Я вылетел в Ташкурган, где остановилась дивизия. Вертолет сел на окраине города, стоят колонны, много собралось афганцев, женщины, дети. Я вышел из вертолета, все руку подают, здороваются, веселый такой народ, даже цветы дарят.

Колонны пошли на Баглан по ровной асфальтированной дороге вдоль гор. Дошли мы до Баглана, и два полка остановились на ночь, а командир дивизии уже пошел на север и оказался со своим штабом в горах.

На другой день утром мы с маршалом Соколовым облетали войска, дали команду остановиться. Сели, переговорили с

людьми, с афганцами. Никаких эксцессов, каких-то выступлений, наоборот, люди нас как-то очень тепло встречали.

Вдруг в 19:00 мне звонит по телефону командующий из Ташкента и говорит: «Тебе часовая готовность на Кабул». Для меня это был самый сложный момент. Командир дивизии со штабом в горах, связи с ним нет, а в распоряжении только час. Удалось выйти на него через командира полка и передать приказ. И 26 числа дивизия пошла на Кабул. Было приказано к 17:00 быть в Кабуле. И поступить в распоряжение Военного Совета. Я управлял дивизией до того, как она вошла в Кабул. Командир дивизии в ходе марша был сменен на полковника Миронова. Мне было приказано передать дивизию в Кабуле. Маршрут был тяжелейший: 45 с лишним километров подъем и столько же спуск.

Мы выполняли устные приказы, так как получивший приказ по уставу должен выполнить его беспрекословно, точно и вовремя. Это обязанность любого командира, получившего приказ. Если он не выполнит, то он должен идти под военный трибунал.

Были случаи, когда некоторые не захотели, испугались, так их сразу увольняли. Армия без приказа не может существовать. Если мой подчиненный не будет выполнять приказ, то это уже не армия, это уже анархия.

В то время, когда объявили, что войска вошли в Афганистан, по-моему, весь народ аплодировал, никто не был против ввода войск. Принимает решение всегда политическое руководство, а военные выполняют. Военные не начинают войну. Я сейчас сам считаю, что не было необходимости нам вводить войска, это сейчас мое мнение такое. Если мы хотим знать правду об Афганистане, значит, мы должны смотреть с позиции тех лет.

Очень большая работа по управлению войсками осуществлялась маршалами Соколовым и Ахромеевым. Они очень скрупулезно разбирались по всем операциям.

Рассказывает бывший резидент КГБ в Кабуле А. Морозов

После того как Тараки был арестован и было сказано, что он к тому же болен, была встреча с Амином. На одной из бесед утром с дипломатами посол сказал, что Амин в ходе вчерашней встречи заявил, что с товарищем Тараки все в порядке, только он неважно себя чувствует, но если вы хотите с ним встретиться, вы можете это сделать в любую минуту. И посол от такой встречи отказался. Хотя Тараки к тому времени, может быть, уже и не было в живых. Но Амин как психолог рассчитал, что посол на такую встречу не пойдет. А если и пойдет, то будет согласовывать с Москвой, а Москва, может быть, не даст такого согласия. Потом я думал над этим, мне казалось, что, если бы посол пошел, согласился — да, я хочу с ним встретиться, он многое бы узнал.

Узнал бы, наверное, то, что вам рассказывали те, кто убивал Тараки, как это происходило. И как они с ним обращались, что же на самом деле произошло.

Но посол, уважаемый Александр Михайлович, совершил очередное предательство по отношению к тем, кто к нам хорошо относился. Почему не пойти на такую встречу? Почему не навестить в то время, когда об этом говорилось? Тараки был еще Генсеком и Председателем Ревсовета.

И если бы он побывал там, не исключено, что Амин не пошел бы на убийство Тараки.

Незадолго до этого Тараки возвращался из Москвы в Кабул, вернее, через Москву из Гаваны, и ходили слухи, что у Тараки был план убрать Амина уже к своему возвращению. Амин тоже соответственно готовился… и, когда Тараки, спускаясь по трапу, увидел Амина, очень удивился, что он еще жив. «Четверка угловистов» не смогла совершить задуманный акт, да и Тараки, которого они готовы были защищать с оружием в руках, отказался от этого.

С другой стороны, Амин заранее готовился, весь Кабул исполнял национальный танец в честь возвращения Тараки, разыгрывался спектакль под руководством Амина, а как только Тараки в сопровождении почетного эскорта въехал на территорию дворца, ворота закрылись, и практически судьба Тараки была уже решена.

Возможно, это было действительно так. Факты и практическая деятельность Амина говорят о его стремлении к самой высокой ступеньке власти. Амбициозность его отмечалась

всеми людьми из его близкого окружения. То, что он рвался к власти, было нескрываемо. Может быть, даже созданный Амином культ Тараки способствовал всему этому.

Этот культ, на мой взгляд, явился, по крайней мере, одной из серьезных причин того, что Тараки потерял всякое чувство реальности в отношении происходящего в стране и вокруг нее. Он превратился как бы в царька, почивающего на лаврах, сидящего на троне и искренне верящего в то, что он самый великий и могучий не только в Афганистане, но и во всем регионе. Что он как бы знает о будущих революциях и в Иране, и в Пакистане, а может быть, и в Индии. Помнится, даже известный лозунг был переделан на афганский лад — «Мы говорим Тараки, подразумеваем Партия…». Ну и дни рождения, которые устраивал Амин и поздравляли Тараки, проводились таким образом, чтобы показать величие Тараки, что он — мудрейший из мудрейших. Даже в программе халькистов был пункт о том, что партии нужен культ вождя. После прихода к власти эта идея претворилась в реальность.

Кто-то из журналистов спросил у Тараки, как он относится к тому, что повсюду его портреты и плакаты, митинги проходят… Он на это ответил: что я могу с этим поделать, если, мол, народ так любит меня.

Все это способствовало обострению борьбы между парчамистами и халькистами. Тем более после прибытия все большего количества военных и партийных советников из СССР эта тенденция усилилась, так как последние в зависимости от того, кто был подсоветный, невольно занимали сторону тех или других, даже не зная, что такое НДПА… Представители же каждой из сторон били себя в грудь и говорили, что они марксисты, коммунисты.

Людей же, разбиравшихся в обстановке в Афганистане, понимавших пагубность деятельности Амина и мотивы этой деятельности, по просьбе Амина срочно отправляли в Союз, то есть от них избавлялись. Амин хотел, чтобы эти люди отсутствовали, чтобы их не было в Афганистане. Чтобы от них в Москву, в высшую инстанцию не поступала информация о действительном положении дел в Кабуле.

Подобная ситуация возникла даже у Б. Н. Пономарева, которого о реальном положении дел проинформировал резидент Осадчий. Борис Николаевич же с учетом выводов, сделанных еще в Москве, и информации Осадчего начал разговор о проводимых репрессиях, необоснованных арестах и т. д., чем страшно удивил Тараки, который, закинув ногу на ногу, отвернулся от Пономарева, буквально сделав вид, что не хочет его дальше

слушать. Тараки — человек, который из ничего вдруг превратился в руководителя государства, в Генсека, а какой-то секретарь, кандидат в Политбюро из Москвы приехал и делает ему замечание.

Вот тут Амин начал действовать, он понял, что есть какие-то источники, поставщики информации, которые дают истинную картину в Москву, а Москва поэтому негативно относится к деятельности афганского руководства.

Информацией же мы располагали по линии резидентуры внешней разведки, представительства КГБ (из представителей 9-го управления, 2-го управления контрразведки, 4-го и 5-го управлений…), представителей ГРУ, войсковой разведки. Информация эта получалась из источников, которые у них были в разных слоях афганского общества, в том числе и в оппозиции, и в дипкорпусе.

Рассказывает генерал-лейтенант в отставке Владимир Алексеевич БОГДАНОВ (бывший начальник Южного направления Главного оперативного управления Министерства обороны СССР)

22 июня 1977 года я был назначен начальником Южного направления. Южное направление — это, так сказать, кусок земного шара, который включает, включал точнее, два театра военных действий. Это Ближневосточный театр и Средневосточный. Четыре наших военных округа: Северо-Кавказский, Закавказский, Туркестанский и Среднеазиатский.

Начальником моим, начальником Главного оперативного управления в то время был генерал-полковник Ахромеев. 27 апреля 1978 года он позвонил мне где-то в 10 утра и вызвал к себе. Я прибыл к нему. Он мне говорит: «Ты знаешь, что у тебя, на твоем направлении идет революция?»

Ну, я абсолютно не предполагал, что речь идет об Афганистане. Это было очень такое устойчивое образование. Там были свои трудности, но это уже нас нисколько не касалось. Я говорю: «В Израиле, что ли?» Потому что я Израилем тоже занимался. Он говорит: «Нет, Афганистан. Только что позвонил Главный военный советник».

Мне запомнились на всю жизнь такие его слова: «Если революция проиграет, тогда левые силы не только в Афганистане, но и в ближайшем, так сказать, окружении будут подавлены. А если она выиграет, то Советский Союз получит головную боль».

Что, в конце концов, и оказалось правильно.

Ситуация начала развиваться, как и полагалось. Одни хотят взять власть, другие не дают. Так что вроде все нормально было. Те, кто хочет взять власть, они в первую очередь берут в свои руки армию. Ну, обычно, мы знаем, в революцию армию старую разбивают, новую создают. Здесь же она просто перешла, старая армия, и все. Где-то к Первому мая все командиры соединений заявили о своей поддержке нового правительства.

Ну, а затем целый ряд грубейших ошибок. И даже не ошибок, даже не знаю, как и назвать. Эти шаги, которые видел каждый наш офицер, привели к тому, что афганские крестьяне выступили

против нового правительства, правительства Тараки и Амина. Например, решили провести перепись населения, вроде умная и нужная вещь. Но переписчики приходят в дом и требуют: давай хозяина. Ну, хозяин выходит.

Сколько у тебя жен? Он говорит: какое твое дело? Нет, сколько жен? Вот, давай, сколько жен, каков их возраст и так далее. По афганскому обычаю это грубейшее и совершенно непристойное вмешательство в семейные дела афганца, что хуже, чем вмешательство в государственные дела.

Исходило это зачастую от наших советников в министерствах. В армии же были специалисты-самоучки. Подготовки специальной не было. Так было и с земельной реформой.

В конце концов, добились того, что часть крестьянства выступила на стороне защитников религии. Они назывались — моджахедины, то есть борцы за веру.

Чтобы подавлять эти выступления, тоже ума хватило на то, чтобы создать специальные боевые отряды. Вот эти специальные боевые отряды, дежурные подразделения в дивизиях, они занимались тем, что умиротворяли, разгоняли эти группы и прочее, и прочее. Применяли оружие, вплоть до артиллерии и авиации. Это вызывало разрушение полей, оросительных систем, домов и прочее. Потихонечку вот так начиналось нагнетание войны.

Информация об обстановке в стране постоянно сообщалась в Центр. Наше руководство требовало, чтобы информация была за подписями посла, представителя КГБ, представителя Министерства обороны и Главного военного советника. Это был сглаженный документ. Каждый же садился и писал свое видение своему начальнику. Советская ведомственность в Афганистане проявила себя с блеском. Причем на всех уровнях. Бывало, иногда приходило в голову: а думают ли люди об интересах Советского Союза или не думают?

Что касается просьб о вводе, то они были, и, если не ошибаюсь, четыре из них после захвата власти Амином.

Тараки, как я знаю, был задушен офицерами охраны, и фамилии их известны. Их судили потом.

Затем было указание Громыко, завизированное Андроповым и Устиновым, принять обстановку как она есть, продолжать выполнять свои обязанности. Ни в коем случае военным советникам не принимать участия в боевых действиях против народа, по подавлению оппозиции. Это касалось и КГБ. Также было дано указание изучать дальнейшие шаги Амина и докладывать в Центр.

Брежнев поздравил устно Амина, что широко

пропагандировалось в газетах, по радио и телевидению.

Амин развернул активнейшую борьбу против всех парчамистов, а также халькистов, которые его не поддерживали. Бабрак Кармаль был назначен послом в Чехословакию. Вскорости был снят и перебрался в Москву, так как аминовская охранка стала добираться до него в Чехословакии. Это уж, наверное, знали Андропов и его люди. Жил Бабрак в Москве до начала декабрьских событий.

По своей инициативе я нанес на карту (масштаб 1:2 ООО ООО) расположение войск, если бы поступила задача ввести их в Афганистан, типа домашней заготовки, чисто интуитивно, так как задачи такой мне никто не ставил. У меня по расчетам получилось 6 дивизий и 6 главных точек. Когда все произошло, я себя поздравил, так как эти 6 точек были заняты войсками, а вместо 6 дивизий — 4 дивизии и 2 бригады. Видимо, обстановка и интуиция сделали свое дело.

Об этой карте знали только мой заместитель и офицер — направленец по Афганистану.

Я был в отпуске и, вернувшись 25 декабря рано утром, открываю дверь, вдруг слышу — телефон звонит. Жене говорю, кому это так рано понадобился? Продолжает звонить, беру трубку… Мне говорят: «С возвращением, срочно приезжайте». Спрашиваю, что случилось, у меня еще два дня отпуска. И вдруг мне говорят, что «вашу карту вынули из сейфа». И я понял, в чем дело. Приехал на работу, там беготня такая… Меня ввели в курс дела, что сегодня в 15:00 войска вводятся в Афганистан, по московскому времени. Я бросился знакомиться с документами и распоряжениями, которые были отданы до меня. Тут же меня вызвал начальник оперативного управления Варенников, он был только что назначен. Представился и доложил, кто я такой. Он мне говорит: «Что же вы, начальник направления, у вас на направлении что происходит, а вы в отпуске».

Я говорю: «Так я ведь не знал».

«Ну, надо было предвидеть. Давайте знакомьтесь с обстановкой. Организуйте дежурство в Генеральном штабе. Берите смену, вы — начальник смены, вот и дежурить».

Дежурство я организовал. Начал знакомиться со всеми документами, и тогда узнал, что 24 числа проводилось совещание у министра обороны с руководящим составом и некоторыми руководителями главных и центральных управлений. На нем он объявил, что принято решение о вводе войск в Афганистан с целью оказания военной помощи, как в то время говорили: оказания интернациональной помощи. Объявил директиву о вводе войск, в которой говорилось тоже об оказании

интернациональной помощи. Она была доведена вплоть до командиров дивизий, хотя решение было глобальным. До ввода оставались только сутки. Первые распоряжения о приведении войск в готовность начали поступать 10 декабря. С 10 по 30 декабря было отдано примерно 30 отдельных распоряжений, которыми приводились в готовность отдельные соединения и части. Как такового же распоряжения о создании группировки войск просто не было. По всем документам чувствовалось, что человек, который отдавал распоряжение, не знал, чего еще потребуется. Спросить он считал ниже своего достоинства. Устинову, министру обороны, Маршалу Советского Союза, было, очевидно, неудобно спрашивать такие вещи. В то же время он совершенно не знал, если, допустим, ведет боевые действия или собирается вести боевые действия мотострелковая дивизия, то, может, ей чего надо, этой дивизии?

Сейчас я уже знаю, что ставилась задача, чтобы группировка войск имела 75 тысяч человек. Но, как я понял, они подразумевали, что эти 75 тысяч, так сказать, должны воевать.

А остальные проблемы? Чтобы воевали, их надо кормить, одевать, обеспечить горючим, боеприпасами, лечить, ну и сон обеспечить, все там прочее. Это кто будет делать? Поэтому, конечно, за 75 тысяч это дело перешло.

Много, особенно раньше, было обвинений в адрес военных, конкретно Министерства обороны, вроде желали войны — какое-то странное впечатление создается. Думают, что, если ты военный, ты желаешь воевать. Может быть, у наемников это есть, а у нормального военного такого быть просто не может.

Я убедился при изучении документов, что решения и действия были непродуманные и поспешные. Заранее ничего не планировалось. Решение о вводе было принято 12 декабря, и протокол был составлен от руки. Брежнев потребовал написать. Иначе его бы отпечатали. Получается так, что Верховный главнокомандующий, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Совета обороны, Маршал Советского Союза принял решение о вводе войск.

Я это дело так расцениваю. По настоятельной просьбе председателя КГБ, министра иностранных дел, министра обороны. Говорят, мол, решение незаконно. Я, например, сомневаюсь… я не о правильности решения, а о законности говорю. Лично я считаю, что именно такой был механизм принятия решений.

Другого варианта не было, и поэтому, кстати, решение на вывод было принято точно так же.

Тот же Верховный главнокомандующий, на этот раз

М. С. Горбачев, министр иностранных дел, министр обороны, Председатель КГБ приняли решение о выводе войск.

Тоже не было никаких документов, ничего. В Министерство обороны каких-либо документов по вводу войск не поступало. Это совершенно точно, так как я лично по указанию маршала Язова готовил материал о вводе войск (применении ОКСВ). Их мы не нашли, просто их нет. Ни по линии ЦК, ни правительства. Первый официальный документ, который поступил в Министерство обороны, это было постановление Совета министров, если я не ошибаюсь, где-то 16 или 17 февраля 1980 года.

Это постановление регламентировало оплату, то есть без него просто нельзя было обойтись, если бы можно было, то, наверное, и его бы не было. Кстати, когда я его начал искать, оказалось, что его в 80-м уничтожили. Очевидно, в нем иногда пишут, что прямо вот по прочтении сжечь, после реализации сжечь и так далее. По крайней мере, в управлении делами Министерства обороны зафиксировано, что такой документ поступал.

Ввод войск начался 25-го в 15:00 московского времени, а до этого в течение 9 часов наводился понтонный мост силами двух понтонно-мостовых полков из-за того, что река Амударья очень бурная.

Первые колонны на той стороне встречал брат Амина — Абдулла Амин, ответственный за борьбу с мятежным движением на севере страны.

Тухаринов встречался с ним еще до ввода войск, чтобы обсудить все вопросы…

27 декабря закончилась переброска войск. 27-го же передовые части 108-й дивизии встретились со 103-й дивизией на окраине Кабула…

Задача же была поставлена 24 декабря. Сопротивления практически не было. Только на севере было нападение на 860-й полк в районе проживания бывших басмачей.

27 декабря была издана директива о том, что в случае явного нападения разрешается открывать огонь в целях самообороны.

Общее руководство вводом осуществлял Соколов со своей оперативной группой. Она сначала находилась в Термезе, а затем пошла в Афганистан. Соколов сам с вертолета управлял, он все время над войсками висел. Марш совершался в сложных условиях, зима была очень холодная, да еще в горах…

В начале февраля возник вопрос о выводе наших войск, по инициативе Брежнева (по словам Огаркова). Брежнев считал, что задача решена. Амин убран, вместо него прогрессивный Бабрак, вроде все сделано.

Тогда ему Устинов, Андропов и Громыко документ подписали, доклад о том, что выводить нельзя, и соответственно обосновали это. Мы перед всем миром окажемся круглыми дураками, люди будут пальцами на нас показывать, что с нами и дела иметь нельзя, что мы договора и соглашения не можем выполнять, не можем друзьям помочь. То есть вывод был такой: пока не закрепится как следует народная власть, вывод войск не производить. До 1985 года этот вопрос был снят с повестки дня.

Затем Бабрак Кармаль начал просить Соколова, чтобы тот дал команду войскам почистить районы вокруг своих пунктов дислокации, разогнать мятежников…

Соколов сам это сделать не мог и докладывал в Москву. Там подумали и решили сначала почистить вокруг себя.

Потом постепенно начались боевые действия, разведка велась. Когда мы вошли, разведки настоящей не было, обыкновенная войсковая армейская разведка, а пользоваться афганской мы не могли. Мы сразу же засекли, что они нам подсовывают те цели, по которым стрелять нельзя.

Так было в Кунаре, когда афганское руководство уговорило провести операцию. Наша мотострелковая бригада по команде из Москвы провела операцию 15 марта, с этого момента и начались боевые действия с нашей стороны.

Конечно же, наши войска не могли стоять в роли непонятного наблюдателя и смотреть, что же это происходит. Рано или поздно они должны были быть втянуты в боевые действия. Хотят они или не хотят, это уже от них не зависит. Так оно и случилось. Огарков это предвидел, но он был вынужден выполнять… Руководство же, вероятно, многого и не знало, так как читало и слушало то, что доложит помощник. Просто нет механизма такого, и я сомневаюсь, что он сейчас есть.

Да, и министр обороны, который всю жизнь занимался техникой, занимался промышленностью, хорошо, наверное, занимался, стал непосредственно управлять Вооруженными силами. Чего стоят заявления Устинова: «…как нам повезло, что во главе партии и государства стоит Брежнев». Иногда думаешь, зачем он это сказал, совершенно непонятно.

Что касается штурма. Дело заключается в том, что это, слава богу, не наше творчество. Это был КГБ, третьей силы там не было просто-напросто — «Альфа». Нет, это был так называемый «Зенит», по-моему, они назывались так. Задача же нашего специального дивизиона заключалась в том, чтобы смять внешнюю охрану.

Там был такой серпантин и наверху домик. Так вот, по этому серпантину было штук 6 КПП, их надо было просто смять.

Весь бой длился 15 минут. Сразу смяли внешнюю охрану, сыграла свою роль внезапность, открыли двери, и внутрь ворвались вот эти ребята из КГБ. Бабрак находился недалеко во дворце Чехель Сотун вместе с четверкой, где-то километра два. Как только дворец был взят, доложили ему: дело решено, вы президент. Тогда он дал команду проиграть запись его речи, которая была записана на пленку. Ее пустили в эфир.

Мое личное отношение такое: если все сложить, то, на мой взгляд, войска надо было вводить. Но, в общем-то, афганцы справились бы и сами со своими проблемами. И не только с точки зрения сегодняшнего дня. И тогда я боялся этого ввода. Как и любой другой офицер. Потому что я прекрасно понимал, что мы застреваем там непонятно на какое время. Задача не определена. Как выразился этот наш знаменитый разведчик Калугин, к руководству в Министерстве обороны пришли афганцы, которым бы он не доверял.

Почему? Они войну проиграли и поэтому реванша желают. И никто не оборвал его.

Никто никакую войну не проигрывал. Потому что нам вообще не ставили задачу выигрывать эту войну. Кроме того, войны ведут государства, а не армии.

Мы же оказывали военную помощь, и в рамках оказания военной помощи, я считаю, мы с этой задачей справились. Причем справились с потерями минимальными. Никто нам не ставил задачу ликвидировать оппозиционное движение, его нельзя ликвидировать, тогда надо перебить всех.

А поддерживать обстановку на определенном уровне можно, и мы это делали.

ШТУРМ ДВОРЦА ТАДЖ БЕК

(Из книги «Война в Афганистане»)

В это время сам Амин, ничего не подозревая, находился в эйфории от того, что удалось добиться своей цели — советские войска вошли в Афганистан. Днем 27 декабря он устроил обед, принимая в своем роскошном дворце членов Политбюро ЦК НДПА, министров с семьями. Формальным поводом, чтобы собрать всех, стало, с одной стороны, возвращение из Москвы секретаря ЦК Панджшири. Тот заверил его: советское руководство удовлетворено изложенной им версией смерти Тараки и сменой лидера страны, визит еще больше укрепил отношения с СССР. Там подтвердили, что Советский Союз окажет Афганистану широкую военную помощь.

Х. Амин торжественно говорил присутствующим: «Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи».

Порассуждали и о том, как начальнику Генерального штаба Мохаммеду Якубу лучше наладить взаимодействие с командованием советских войск. Кстати, сам Якуб, тоже ни о чем не догадывающийся, пригласил к себе в Генштаб для «налаживания более тесного взаимодействия» советских военных представителей. Ждать он их будет вечером, после 19:30, в своем рабочем кабинете.

Днем ожидалось выступление Х. Амина по афганскому телевидению. На съемки его выступления во дворец Тадж-Бек были приглашены высшие военные чины и начальники политорганов. Однако этому помешала акция, проводимая по плану КГБ СССР.

Неожиданно во время обеда Генеральный секретарь НДПА и многие его гости почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью отключился и Х. Амин. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии Джандада, который начал звонить в Центральный военный госпиталь (Чарсад Бистар) и в поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь. Продукты и гранатовый сок были немедленно направлены на экспертизу. Повара-узбеки задержаны.

В середине дня полковник В. В. Колесник и командир

батальона проинформировали офицеров о плане операции в части, их касающейся, и поставили боевые задачи. Затем объявили порядок действий. Когда проводили рекогносцировку, увидели в бинокли на одной из высоток Джандада и группу офицеров с ним. Подполковник О. Швец поехал к ним, чтобы пригласить на обед, якобы на день рождения одного из офицеров батальона, но командир бригады сказал, что они проводят учение и приедут вечером. Тогда О. Швец попросил отпустить советских военных советников, которые находились в бригаде, и увез их с собой. Возможно, этим он спас многим из них жизни.

В 15:00 из посольства передали, что время начала штурма (время «Ч») установлено — 22:00, потом перенесено на 21:00. Позже оно периодически уточнялось и в конечном итоге стало — 19:30. Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает план устранения Х. Амина путем его отравления, и тогда, возможно, отпадет необходимость штурмовать дворец Тадж-Бек. Но ввиду строгой секретности этого плана советские врачи не были к нему допущены и по незнанию сорвали его выполнение.

Во дворец по просьбе начальника Главного политического управления М. Экбаля Вазири и настоянию начальника политического отдела аппарата главного военного советника в ДРА генерал-майора С. П. Тутушкина прибыла группа советских врачей, находившихся тогда в Кабуле. В нее входили начальник медицинской службы, терапевт советников, командир группы хирургического усиления, врач-инфекционист из Центрального военного госпиталя афганской армии, врач из поликлиники советского посольства, две женщины — врач и медсестра — диетологи, работавшие в медпункте, расположенном на первом этаже дворца Тадж-Бек. Вместе с ними прибыл и афганский доктор подполковник Велаят.

ТАМ ШЛА ВОЙНА…

(рассказывает бывший заместитель начальника кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, профессор, полковник в отставке А. В. Алексеев)

Мы полетели в Афганистан 6 июня 1979 года. Я был руководителем группы хирургического отделения Центрального военного госпиталя афганской армии. Госпиталь представлял собой большое медицинское учреждение, своеобразную госпитальную базу, где оказывалась специализированная помощь раненым. Он был построен советскими строителями совместно с афганцами. Он рассчитывался на 400 коек (поэтому «чарсад бистар», четыреста коек), но когда начали поступать раненые, в нем свободно размещалось 1300–1400 раненых за счет дополнительных площадей, вестибюлей.

К нам относились очень хорошо и нам доверяли. Поэтому нас часто приглашали для консультаций и оказания помощи, в том числе и в семьи Тараки и Амина.

Вспоминается случай с адъютантом Амина Вазиром после перестрелки в резиденции Тараки 14 октября 1978 года. Его привезли в госпиталь, вызвали советских хирургов и меня, в частности, главный хирург афганской армии сказал, что оперировать должны только советские и наркоз осуществляет только советский анестезиолог. Ранение было очень тяжелое. Автоматная очередь прошла в зону правой реберной дуги. Пули разбили, разрушили правые доли печени, диафрагму и нижнюю долю правого легкого. Мы его прооперировали, состояние его было крайне тяжелым, большая кровопотеря, и поэтому влили соответствующее количество крови, сделали резекцию печени и правой доли легкого, ушили диафрагму, поставили плевральные дренажи, обработали все, как полагается в хирургическом плане. Был тяжелый послеоперационный период. В эти дни мы поняли, что здесь какие-то политические дела, потому что сразу отношение переменилось, сразу все забегали, засуетились, появилась какая-то тревога в госпитале.

После выяснилось, что Вазир закрыл собой Х. Амина в ходе перестрелки. Когда его ранило, он начал падать на Амина, который вместе с Вазиром схоронился за колонной. Затем Амин перенес его на своих руках в «Мерседес», и они отвезли его в госпиталь. Стреляли со второго этажа, от кабинета Тараки. Судьба Тараки была предрешена, но до настоящего времени неизвестно, по чьей воле это происходило. Затем мы с главным

хирургом афганской армии Мухамадом Каюмом Тутахелем отвезли Вазира в Москву в больницу 4-го управления. Он поправился, его повторно оперировали. Мне неизвестно, почему его повторно оперировали. После этой операции его направили в санаторий. После санатория он вернулся в Кабул, где власти уже переменились, Амина не было. Короче говоря, Вазир затем погиб, при каких обстоятельствах, я не знаю.

25 декабря у нас в госпитале состоялась вторая научно-практическая конференция, очень интересная, богатая материалом. Прошла конференция, и ничто, казалось бы, не предвещало никакой беды. Хотя гул самолетов был слышен. Непонятный гул самолетов. Мы думали, что просто какая-то помощь идет сюда, везут соответствующие грузы…

27 декабря, когда мы приехали как обычно на автобусе, я поднялся на третий этаж. Около моего кабинета была доска объявлений. На ней висела афганская газета с тремя портретами — Владимира Ильича Ленина, Леонида Ильича Брежнева и Х. Амина. Раньше я такого не видел, и появилось ощущение неопределенного чего-то. Особое ощущение неловкости и недоумения вызывало соседство Амина с В. И. Лениным. Прошел обычный рабочий день. Поступлений в этот день не было, было тихо и спокойно. Я собрал своих врачей, фельдшеров (их было шесть молодых ребят) и сказал, что нужно сегодня пораньше поехать домой, воду горячую давали в этот день…

Я принял душ, пообедал, вышел на балкон покурить. И смотрю, подъезжает на большой скорости «газик», наша легковая машина, оттуда, быстро раскрыв дверку, выскочил главный хирург афганской армии Каюм Тутахель и, увидев меня на балконе, замахал руками. Я подумал, что случилась какая-то беда, потому что Тутахель обычно вел себя спокойно.

И я быстренько оделся и спустился вниз. В машине уже сидели Виктор Петрович Кузнеченков, терапевт, советник госпиталя, и инфекционист, фамилию уже не помню. На большой скорости поехали во дворец Амина. На спидометре скорость 100, потом еще больше — 110. Я говорю: «Тутахель, мы же разобьемся». В условиях дорожного движения в Кабуле это вполне возможно. Он говорит в ответ: «Нельзя, надо ехать быстрее, потому что, если мы минут через 20–30 не приедем, меня могут серьезно наказать, вплоть до того, что могут расстрелять». Я уже знал и понимал, что после таких слов шутки-то плохи. На моей памяти был расстрелян бывший главный хирург Али Садри.

Приехали мы во дворец. Подходим к охране, чтобы предъявить пропуска. Обычно, когда раньше приезжали, сдавали пистолеты и проходили внутрь. Сейчас же к нам подбежали

несколько солдат и сразу начали тщательно обыскивать. В грубой форме забрали оружие, пистолеты «ТТ».

При входе во дворец тщательней, чем обычно, проверили документы и еще раз обыскали. Что-то случилось?

Заходим в вестибюль дворца и видим картину: несколько человек лежат в разных позах, один на диване, со свесившимися руками, второй лежит на полу, одна нога на диване лежит, вторая на полу. В неестественных позах все лежат. Но стало понятно, что тут произошло какое-то массовое отравление. Симптоматика у всех одинаковая. Мы с Виктором Петровичем занялись сортировкой — кого в первую очередь отправить в госпиталь, всего мы увидели человек 10–12, но Тутахель сказал, что отравленные есть и на верхнем этаже. Затем Тутахель пригласил нас наверх, заявив, что там погибает Амин, а на нижнем этаже помощь окажут без нас.

Мы поднялись на верхний этаж, по коридору прошли дальше и дошли до огромной комнаты: она была расположена полукругом, застекленная, светлая и большая, богато обставленная. Справа была открыта дверь в ванную комнату, красивую, круглую и большую. В ванной мы увидели несколько кранов — оказывается, там подавали воду горную, из горных ручьев. Это нам уже после рассказали. А в тот момент там находился действительно погибающий Амин. У него отвисла нижняя челюсть, он задыхался уже, с хрипом, дыхания не было. Практически был в глубочайшей коме, без сознания. Умер? Прощупали пульс — еле уловимое биение. Умирает?

Мы поняли, что у него сильное отравление. Нам стало известно, что во дворце проводился банкет. На нем были все высокопоставленные лица, министры, руководители НДПА, члены Политбюро ЦК НДПА… Все они находились на верхнем этаже и были в таком же состоянии, как и те, кого мы увидели на нижнем этаже.

Надо было спасать Амина. Вставили сначала на место челюсть. Затем восстановили дыхание. В первую очередь нужно убрать яд из организма каким-то образом, коли он получен. И первым делом из желудка. Мы его отнесли на руках в ванную комнату, зонд ввели ему в желудок и стали промывать форсированный дюрез.

Промывали довольно долго, это подействовало на него, видимо, потому что реакция у него появилась на введение зонда, он стал кашлять и даже пытаться что-то рукой сделать.

Мы его отмыли, короче говоря, до чистой воды желудок вымыли, все из него, то, что было. А потом еще он стал получше, так как появилась реакция на наши манипуляции. Затем мы ему и

толстую кишку отмыли. Потом взяли его, положили на койку снова, там две койки стояли, это, видимо, спальня его была. Я ему поставил две системы, под рукой был физиологический раствор, стерильный, мы начали с помощью груши наводнять его. Потом, введя лазикс, начали детоксикацию. Минут через сорок или час появились первые порции мочи. Нас это уже немножко обрадовало, потому что раз почки заработали, значит, есть шанс на спасение.

Вместе с нами была медсестричка Ирина Максимовна, русская. Я ее отправил быстрее в госпиталь с промывными органами для того, чтобы исследовали. Я понял, что здесь какая-то беда должна прийти, не знал еще что. Старались отправить кого только можно оттуда. Ну а нам с Виктором Петровичем нельзя было никуда уходить, надо было Амина спасать. Мы приехали в 4:00. Около половины седьмого он открыл глаза и осмысленно посмотрел на нас. Мы продолжали вводить ему другие медикаменты, стимуляторы сердечной деятельности, дыхательные аналептики.

И когда он открыл глаза и осмысленным взглядом посмотрел на нас, уже воздуховод стал не нужен, его убрали. Придя в себя, он схватился за телефон, который стоял на тумбочке слева от кровати, но телефон не работал. У него были еще неосознанные движения, но он понял, что случилась какая-то беда и нужно действовать. Было около семи часов вечера. Амин удивленно спросил: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?»

Х. Амин приказал своему адъютанту позвонить и предупредить военных советников о нападении на дворец. При этом он сказал: «Советские помогут». Но адъютант доложил Х. Амину, что стреляют советские… Эти слова вывели Генсека из себя, он схватил пепельницу и бросил ее в адъютанта, закричав раздраженно: «Врешь, не может быть!» Затем сам попытался позвонить начальнику Генерального штаба, командиру 4-й танковой бригады, но связи с ними уже не было. После чего Х. Амин тихо проговорил: «Я об этом догадывался, все верно».

Прошло около трех часов после начала его реанимации. И в это время к нам вновь подошел афганский врач и сказал, что погибает старшая дочь Амина. А мы знали, что у нее есть грудной ребеночек. Мы решили идти спасать ее, очередь дошла до нее. Когда я сказал, что Амина нужно транспортировать в госпиталь, нам в категоричной форме было отказано. К счастью, то же с имеющимися возможностями мы смогли сделать и во дворце.

Мы пошли по коридору. И в это время в конце коридора раздался взрыв какой-то. Пошел дым, появился огонь, началась

перестрелка, мы услышали рядом пулеметные и автоматные очереди. Ну, как я и предполагал, беда пришла сюда, хотя мы еще и не знали, что это такое. Мы думали, что это душманы. Там в предгорьях часто появлялись их отряды. Нам показалось, что они пришли расправиться с Амином. Что нам оставалось делать?

Мы с Виктором Петровичем нашли в конце коридора бар с различными напитками типа «Фанта», «Пепси» и др., спрятались в глухом месте, не понимая, что же происходит. Какой-то афганский офицер подбежал и вручил нам автоматы. В голове промелькнула мысль: «Мы же врачи, что делать? Брать автоматы или не брать? Ну, коли так настойчиво дает, возьмем мы их автоматы…» Как только мы взяли автоматы, офицер тут же убежал. Я взял и отсоединил рожок, а он оказался пустой. Пустой рожок был и у Виктора Петровича. Мы поставили их в темный угол, пользы от них не было. Вокруг шел бой, звенели оконные стекла, шел дым, раздавались какие-то непонятные крики. И вот мы увидели, что Амин в маечке и в белых трусиках бежит по коридору, а две наши бутылки с физраствором, подсоединенные к кубитальным венам, держит в высоко поднятых руках как гранаты и бежит. Можно было только представить, каких усилий это ему стоило и как кололи вдетые в кубитальные вены иглы. Я вышел ему навстречу и, поняв бесполезность бутылок, вынул у него иглы. Он остановился. Я прижал места, где были иглы, пальцами подержал, чтобы кровь не поступала наружу.

Он вместе со мной подошел к бару и встал рядом. Затем к нему подошел мальчик, его младший пятилетний сын, бросился к нему в ноги и заплакал. Он его погладил по голове, стал успокаивать на своем языке. Они вдвоем присели у стены. А Виктор Петрович говорит: «Анатолий Владимирович, пойдем отсюда, опасно около него находиться, пойдем. Да и не нужны мы больше, пойдем».

Ну, и мы вышли, по коридору налево пошли, там в конце коридора повторился взрыв, раздались автоматные очереди. Небольшая воздушная волна нас отбросила, и мы оказались через открывшуюся дверь в конференц-зале. А в это время в окно очередь из автомата. Стекла разлетелись, и мы невольно перешли в другое место, он пошел слева от простенка напротив окна, я справа. Ну, через некоторое время, не помню, сколько уж там времени прошло, забегает автоматчик и начинает стрелять в этой комнате. Было темно, и непонятно, кто это был. Там начался пожар, и людей мы видели только на фоне отблесков автоматных очередей. После очередной очереди я услышал… такой непонятный возглас.

Я понял, что Виктор Петрович, стоявший в углу, наверное,

ранен. У меня заговорили врачебные чувства, нужно оказать ему помощь. Вытащил его из этого угла волоком, за ним оставался кровавый след. Понял, что он тяжело ранен. Он никакого сопротивления не оказывал. И когда посмотрел ему на грудь, весь костюм был в крови. Повернул его на спину, смотрю, выходное отверстие большое. Немножко пропульпировал его: входное отверстие больших размеров и оттуда течет кровь. Продукция раневого канала как раз напротив сердца. Я понял, что это уже смерть. Непроизвольно взвалил его на себя и понес вниз, наверное, тоже какой-то рефлекс сработал: раз раненый, надо его выносить и увозить куда-то, так надо полагать.

Взвалил его на себя и понес в коридор. Когда вышел в коридор и пошел по ступенькам вниз на первый этаж, ко мне подбежал автоматчик, внимательно посмотрел на меня, опустил автомат, подошел ближе и помог спустить вниз Кузнеченкова. Автоматчик был наш. Я уже знал, что это наши, потому что, когда мы стояли за простенками, через разбитое окно был слышен русский мат. Мне стало понятно, что это наши пришли выручать Амина, что ли, от душманов. Сразу намного легче стало. Автоматчик в тот момент не произвел на меня никакого впечатления, и он мне даже не запомнился. Наш же человек, вот и все. Вместе с ним вытащили Кузнеченкова, напротив входа стоял БТР, на который мы хотели погрузить Виктора, но подошел офицер и сказал, что мертвых не берут. Я говорю: «Он не мертвый, он тяжело ранен», слукавил. Тогда дали разрешение, и мы погрузили его на БТР. Как военно-полевой хирург понимал, что здесь раненые: стонут, истекают кровью, нужно вернуться, нужно что-то сделать, нужно какую-то помощь оказать. А что можно было сделать? Горной ночью, в темноте, где все в афганской форме, не поймешь, где афганцы, где наши раненые. Кстати говоря, несмотря на тщательный отбор, один афганец вместе с нашими ранеными из охраны Амина поступил в посольскую больницу, его привезли туда.

Погрузили, кого нашли поблизости, около 40 человек и поехали оттуда, дорога была загромождена техникой, подбитую технику начали сваливать в кювет и по сторонам. Примерно через полтора часа дорогу освободили, и мы поехали дальше. «Куда везти раненых?» — спросили меня, я ответил: «Здесь есть одно учреждение, где можно оказать эффективную помощь раненым — это Центральный военный госпиталь афганской армии».

Командир, который сидел рядом, заявил, что туда, в афганский госпиталь, нельзя, не разрешили по политическим соображениям. Куда же тогда везти? Выяснилось, что должны были развернуть медицинский батальон дивизии. Его дислокацию

толком никто не знал, но поехали наугад, все-таки довольно серьезное учреждение, и там можно будет сделать все, что полагается. Приехали туда, а там не смогли развернуть медбатальон, грунт каменистый, палатки не закрепить, привязать фиксаторы тоже невозможно, сильный ветер, снег, грязь, все поднимается и срывается.

Перегрузили раненых на грузовые автомобили с тентами. Связались по рации с посольством. Пришлось назваться, кто я такой, и сказать, что раненые гибнут у нас, они на самом деле гибли. Нам разрешили привезти раненых в посольскую больницу. Через некоторое время доставили мы раненых в больницу. Больница хорошая, светлая и чистенькая, но она не была приспособлена для оказания подобной помощи и такому количеству раненых.

Мы с Николаем Николаевичем Гуриным прооперировали двух раненых, и весь стерильный материал кончился. К тому времени ночь уже близилась к концу. Другим раненым поставили плевральные дренажи в грудь, кого перебинтовали, и наступило утро.

Затем меня увезли на боевой машине пехоты домой и предупредили, чтобы я трое суток побыл у себя дома, отдохнул после стрессовой ситуации. Хотя особенно плохо себя не чувствовал, но пришлось подчиниться…

Через три дня вышел на работу, реакция у всех афганцев на случившееся была однозначно отрицательной. Они считали, что это ошибка советского руководства.

Наутро мы узнали, что Амин убит, к власти пришел Бабрак Кармаль, он выступил по радио с речью, в которой пообещал афганскому народу большие блага…

Мы продолжали свою работу военно-полевых хирургов.

Из книги «Война в Афганистане»

(продолжение)

…Это происшествие очень встревожило офицеров, ответственных за организацию охраны председателя Революционного Совета ДРА (Джандад, Экбаль). Они выставили дополнительные (даже внешние) посты из афганских военнослужащих и позвонили в танковую бригаду, чтобы там были готовы оказать помощь. Однако помощи им ждать было неоткуда, так как наши десантники уже полностью блокировали располагавшиеся в Кабуле части афганских войск.

Вот что рассказывает много лет спустя ныне полковник в отставке В. Г. Салкин, находившийся в Кабуле в декабре 1979 года: «Вечером, приблизительно в 18:30, командиру бригады капитану Ахмад Джану поступила команда ввести один батальон в город. Я и советник командира бригады полковник Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром. Тот отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Моментально взревели танковые двигатели. Первый батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19:10 Виктор Николаевич сам попросил Ахмад Джана связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи (спецгруппой КГБ уже был взорван узел связи).

Убедившись в отсутствии связи, В. Н. Пясецкий посоветовал командиру проконтролировать состояние телефонного провода на территории бригады. Срочно был вызван взвод связи, и солдаты начали тщательно проверять состояние кабеля. На это ушло примерно 30 минут.

…Неожиданно четыре БМД на полном ходу сбили ворота военного городка и, не снижая скорости, окружили здание штаба бригады. Из первой машины вышел советский капитан. Он вошел в здание, представился, отозвал в сторону Пясецкого, переговорил с ним, затем достал фляжку со спиртом и предложил выпить. Капитан, обращаясь к командиру бригады, заявил, что в городе неспокойно и выход бригады в город нежелателен. Командир, посоветовавшись, дал команду «отбой» первому

батальону…»

По свидетельству В. Колесника, около шести вечера его вызвал на связь главный военный советник генерал-полковник С. К. Магометов и сказал, что время штурма перенесено и начинать надо как можно скорее. Буквально спустя пятнадцать-двадцать минут он был там, где были закопаны танки. Офицеры батальона внимательно следили за ним. Танки охранялись часовыми, а их экипажи находились в казарме, расположенной в 150–200 метрах от них. Одна из рот «мусульманского» батальона залегла в указанном ей районе в готовности поддержать огнем действия группы Сатарова. Офицеры увидели, что, когда машина подъехала к расположению третьего батальона, там вдруг послышалась стрельба из стрелкового оружия, которая неожиданно усилилась. Полковник В. Колесник немедленно дал команды «Огонь» и «Вперед». Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты — сигнал для солдат и офицеров «мусульманского» батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Это произошло примерно в четверть восьмого вечера.

Первыми по дворцу прямой наводкой по команде капитана Паутова открыли огонь зенитные самоходные установки ЗСУ-23-4 «Шилки», обрушив на него море снарядов. Автоматические гранатометы «АГС-17» стали вести огонь по расположению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. Подразделения «мусульманского» батальона начали выдвижение в районы предназначения. По дороге к дворцу двинулась рота боевых машин пехоты (БМП) старшего лейтенанта Шарипова. На десяти БМП в качестве десанта находились две спецгруппы КГБ. Общее руководство ими осуществлял полковник Г. И. Бояринов. Боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились к Тадж-Беку. Единственная дорога круто серпантином взбиралась в гору с выездом на площадку перед дворцом. Дорога усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая боевая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулеметы. БМП была подбита. Члены экипажа и десант покинули ее и при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх в гору. Шедшая второй БМП столкнула подбитую машину с дороги и освободила путь остальным. Они быстро выскочили на площадку перед Тадж-Беком.

Сначала на штурм пошли специальные группы КГБ, за ними последовали некоторые солдаты из спецназа. Для устрашения оборонявшихся, а может быть, и со страху атакующие дворец громко кричали, в основном матом. Бой в самом здании сразу же принял ожесточенный и бескомпромиссный характер. Если из

помещений не выходили с поднятыми руками, то выламывались двери, в комнату бросались гранаты. Затем без разбору стреляли из автоматов «Шилки», на это время перенесли огонь на другие объекты. БМП покинули площадку перед дворцом и заблокировали единственную дорогу.

Все шло как будто по плану, но случилось непредвиденное. При выдвижении подразделений батальона в район боевых действий с построенного через арык мостика свалился один бронетранспортер и перевернулся. Люки оказались закрытыми, и экипаж не мог из него выйти. Командир отделения стал вызывать по радиостанции подмогу. Он включился на передачу, безостановочно вызывая своего старшего командира. Этим в самый ответственный момент радиосвязь была парализована. Пришлось командованию батальона использовать другие средства и сигналы. Хорошо еще, что они были предусмотрены заранее.

Другая рота и два взвода АГС-17 вели огонь по танковому батальону и не дали его личному составу добраться до танков. Затем они захватили танки и одновременно разоружили личный состав строительного полка. Специальная группа захватила вооружение зенитного полка, а личный состав взяла в плен. На этом участке руководство боевыми действиями осуществлял подполковник О. Швец.

Во дворце офицеры и солдаты личной охраны Х. Амина, его телохранители (около 100–150 человек) сопротивлялись отчаянно, не сдаваясь в плен. «Шилки» снова перенесли огонь и стали бить по Тадж-Беку и по площадке перед ним (заранее была установка — никому из спецгрупп КГБ и спецназа на площадку из дворца не выходить, потому что никого живым оттуда выпускать не будут). Но не все эту установку выполнили и поплатились за это жизнью. В здании на втором этаже начался пожар. Это оказало сильное моральное воздействие на оборонявшихся.

Однако по мере продвижения спецназа ко второму этажу Тадж-Бека стрельба и взрывы усиливались. Солдаты из охраны Амина, принявшие спецназовцев сперва за собственную мятежную часть, услышав русскую речь и мат, сдались им как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантной школе в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь.

Позже не раз приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брали спецгруппы КГБ, а армейцы только присутствовали при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни чекисты ничего бы сделать не смогли. Конечно, по уровню личной подготовки спецназовцам трудно было тягаться с профессионалами из КГБ, но именно они обеспечивали успех этой операции.

Тем временем спецгруппа КГБ прорвалась к помещению, где находился Хафизулла Амин, и в ходе перестрелки он был убит офицером этой группы. Труп главы правительства ДРА и лидера НДПА завернули в ковер. Основная задача была выполнена.

Валентин Братерский (сотрудник бывшего Управления внешней разведки КГБ СССР), вспоминая о тех днях, поделился некоторыми своими впечатлениями о штурме дворца Тадж-Бек:

«Нас было пятеро из ПГУ (Первого главного управления КГБ) и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию. Уникальная группа «Гром», в которую входили классные спортсмены, должна была непосредственно действовать во дворце. Группа «Зенит» — обеспечить подступы к дворцу. В ней были ребята из балашихинской школы, где готовят спецназовцев. Из 60 ребят в строю остались 14.

С другой стороны были большие потери. В охране Амина было 300 человек. 150 сдались в плен. Убитых не считали. Амин еще пригнал двухтысячный полк, и они окопались вокруг дворца. Полк мы прорезали, как кинжалом. Во время штурма он как-то рассеялся. Бабрак Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты — ждали. Из 500 человек пришел только один.

Была еще одна группа под началом майора КГБ. В их задачу входило доставить некоторых представителей афганского руководства для подтверждения версии о внутреннем перевороте.

Версия же, которая внушалась нам: Амин связан с американцами, мы получим еще одного опасного соседа с юга. Никаких документов, подтверждающих эту версию, никогда предоставлено не было.

Мне все стало окончательно ясно, когда человек, застреливший Амина, сказал, что приказ был живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина лет восьми. Я собственными руками перевязывал рану его дочери — ранило в ногу. Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпало под ногами. Это трудно себе представить…

Перед отлетом нам всем обещали звезды Героев. Двое, насколько я знаю, получили, один — посмертно, всего в КГБ было награждено за это дело 400 человек, вплоть до машинисток и секретарш.

…Уцелевшие после той ночи ребята договорились, что будут встречаться каждый год 27 декабря в семь часов вечера у Могилы Неизвестного Солдата. Крючков запретил — мол, нечего сопли распускать…»

На двух захваченных у афганцев танках к зданию дворца

прибыла группа капитана Сатарова. Он доложил Колеснику, что когда они проезжали мимо третьего батальона бригады охраны, то увидели — в батальоне объявлена тревога. Афганские солдаты получали боеприпасы. Рядом с дорогой, по которой проезжали спецназовцы, стоял командир батальона и еще два офицера. Решение пришло быстро. Выскочив из машины, они захватили командира афганского батальона и обоих офицеров, бросили их в машину и поехали дальше. Некоторые солдаты, успевшие получить патроны, открыли по ним огонь, а затем и весь батальон устремился в погоню за машиной — освобождать своего командира. Тогда спецназовцы спешились и начали стрелять из пулеметов по бегущей пехоте. Открыли огонь и бойцы группы Сатарова. Положили очень много — порядка 250 человек, остальные разбежались. В это же время из снайперских винтовок сняли часовых возле танков и чуть позже захватили их.

Бой во дворце продолжался недолго. Вскоре все там было кончено. Командир роты старший лейтенант Шарипов доложил, что дворец захвачен. Полковник Колесник дал команду на прекращение огня и перенес свой командный пункт непосредственно в Тадж-Бек.

За скрывавшимися долгое время в «мусульманском» батальоне тремя членами будущего правительства ДРА приехали их сторонники и куда-то увезли.

В тот вечер в перестрелке был убит общий руководитель спецгрупп КГБ СССР полковник Г. И. Бояринов, его заменил подполковник Э. Г. Козлов.

В «мусульманском» батальоне погибло 5 человек, ранено — 35. Причем 23 человека, получившие ранения, остались в строю. Остальных раненых медик батальона капитан Ибрагимов вывез на БМП в кабульский госпиталь.

В течение ночи спецназовцы несли охрану дворца, так как опасались, что на его штурм пойдут дислоцировавшиеся в Кабуле дивизия и танковая бригада. Но этого не случилось. Советские военные советники, работавшие в частях афганской армии, и переброшенные в афганскую столицу части воздушно-десантных войск не позволили им этого сделать. К тому же спецслужбами заблаговременно было парализовано управление афганскими силами.

Не обошлось и без курьезов. Ночью нервы у всех были напряжены до предела. Ждали нападения верных Х. Амину войск. Предполагали, что во дворец ведет подземный ход. Вдруг из шахты лифта послышался какой-то шорох. Спецназовцы вскочили, стали стрелять из автоматов, бросили гранаты, но оттуда выскочил обезумевший от страха кот.

Вполне вероятно, что кое-кто из наших соотечественников пострадал от своих же: в темноте личный состав «мусульманского» батальона и спецгруппы КГБ узнавали друг друга по белым повязкам на рукавах и мату. Но ведь все были одеты в афганскую военную форму, а вести стрельбу и бросать гранаты приходилось часто с приличного расстояния. Попробуй уследить ночью, в темноте, да еще в такой неразберихе — у кого на рукаве повязка, а у кого ее нет?!

Делится своими воспоминаниями полковник в отставке Валерий Дмитриевич НЕСТЕРОВ (бывший начальник штаба полка, который одним из первых вошел на территорию Афганистана)

Должен сказать, что на полковом и батальонном уровне о предстоящем вводе войск не было известно. Мне довелось принять участие в проведении рекогносцировки вероятных маршрутов движения колонн. В течение двух недель в общей сложности порядка двух тысяч километров. Весь верхний маршрут, через Памир, и нижний. Замеряли высоту, изучали перевалы, количество серпантинов, мосты, грузоподъемность, ширину дороги, крутизну подъемов и так далее.

Я прибыл в полк часа в два ночи, 20 декабря. Не успел даже с женой толком поздороваться. И в ночь с 20-го на 21-е декабря полк подняли по тревоге. Полк у нас был развернутый, доукомплектовали на 250 человек, наверное, в 4 часа утра. И часа в 4–5 утра полк начал совершать марш по указанному маршруту. За две недели до этого официально было сказано, что полк идет на учения в Сибирский военный округ. Поэтому выдали валенки, телогрейки, полушубки, свитера верблюжьи теплые…

На границе встретились с начальником пограничной комендатуры и начали уточнять дальнейший маршрут до Файзабада. Присутствовал и афганский представитель. Дорогу уточнили. Вот тогда я понял, что мы пойдем действительно туда. Ну, в том плане, что это интервенция — нет.

Психологическая, моральная, политическая подготовка была такая, что личный состав считал: раз правительство попросило помочь, нужно помочь. Настрой был такой, именно помочь. Люди были полны решимости выполнить все, что им приказали, вне всякого сомнения. Но никто не предполагал, что мы столкнемся с такой боевой обстановкой.

Первый раз мы пересекли границу 4-го или 5 января. На 34-м километре мы дошли до Гульханы, до ущелья, соединяющего Файзабад с Пакистаном. И, не знаю, из каких соображений, получили приказ вернуться. Уже в то время начались стычки с оппозицией.

Афганцы встречали нас, прямо скажем, радушно. Афганская погранкомендатура и народное ополчение, как могли, всячески нам помогали.

Когда мы захватили пленных из группировки, с которой столкнулись, мы передали их местным властям, афганским пограничникам.

10-го мы получили приказ перейти границу уже всем полком. Полк пришел весь, кроме танкового батальона, танки по горам не прошли, ну, где-то 8 перевалов.

Самый высокий — 4065 метров, холодно, обстановка сложная… 800 с лишним километров по территории Союза мы прошли где-то за 4 дня, 152 километра до Файзабада мы шли 18 суток. На всем пути мы встречали довольно-таки активное сопротивление.

Вначале солдатам, офицерам, да и мне в том числе, было страшновато привыкать к войне, но постепенно адаптировались. Мы постоянно общались с населением, беседовали со старейшинами и постепенно понимали, что народ не поддерживает не то чтобы правительство, а больше всего местные органы власти.

Народ видел, что представители государственной и партийной власти делят между собой власть, дерутся за портфели. А о народе никто не думает. Постепенно приходили к мнению, что эта война бессмысленная. Нельзя победить в подобной войне народ. С другой стороны, народу все равно, какая власть. Он сам по себе живет, выращивает урожай, едет, торгует… Тем более такой контраст, на уровне средневековья, беднота, нищета… А ему навязывают какую-то власть, революцию. Ему все равно, какая там власть. Он ничего от нее не имел. И ничего от нее не хотел иметь. Были ошибки, типа земельной реформы…

Шла война, было опасно, иногда вся жизнь прокручивалась как в кино ускоренном. Но я скажу так: вот несмотря на то, что, говорят, нехорошая война, я благодарен судьбе, что я попал туда.

Вспоминает подполковник НАСРУЛЛА (бывший офицер-спецпропагандист афганской армии)

Мухамед Дауд отдал приказ 25 апреля арестовать в течение недели всех партийцев и уничтожить их с семьями по всему Афганистану. До этого он совершил поездку в Саудовскую Аравию, Иран и в ряд западных и арабских государств. Там ему было рекомендовано ликвидировать НДПА, которая представляла серьезную угрозу и опасность для существующего режима.

Вновь созданная Даудом партия под руководством Сардара Наима хотела сотрудничать с НДПА в составе объединенного фронта, но Дауд не принял этого предложения. Таким образом, он вынуждал партийцев действовать. В соответствии с планом выступили сначала танкисты и авиаторы. Так, за время штурма королевского дворца летчик майор Мир Гавсуддин совершил 16 вылетов с баграмского аэродрома с целью бомбардировки дворца, в котором находился Дауд и его окружение. В народе Гавсуддина называли «афганский Гагарин». В 1990 году он был военным атташе Республики Афганистан в Ираке.

Командиры всех соединений и объединений афганской армии были назначены накануне революции Военным революционным советом. В ходе захвата дворца Дауд был застрелен из пистолета офицером Иммамудцином (после революции был назначен командиром полка, где служил замполитом Насрулла). После освобождения и прибытия из тюрьмы на кабульское радио Б. Кармаль заявил, что с обращением должны выступить Тараки и Кармаль, но, посоветовавшись, пришли к выводу, что будут выступать Абдул Кадыр и Аслам Ватанджар. С этих «мелочей» начались ошибки нового режима.

Противоречия между Амином и Тараки были постоянно. Во многом этому способствовала и советская сторона. После ареста Тараки халькисты активизировались и хотели уничтожить Амина, захватить власть, но было поздно, и к тому же действовали неудачно. (Опять-таки из-за «угловистов», поддерживаемых советскими.) В результате этого противостояния 21 мийзана 1358 года в седьмой дивизии в Ришхоре (пригород Кабула) произошло восстание во главе с Лаль Пача Амином (Амином Фергалем), Азизом Басамом, инженером Саламом Ака Голь Баэсом, Ник Мухаммедом Урунгаем. Старший лейтенант Назим Голь (командир комендантской роты) со своими подчиненными

захватил штаб дивизии и удерживал его. Против восставших была поднята танковая бригада и 37 дшбр во главе с Иммамуддином. По указанию Х. Амина восстание было жестоко подавлено. Все, за исключением тех, кто сбежал (в том числе и Назим Голь), были уничтожены. Цель восстания заключалась в свержении Амина и восстановлении власти протаракистов. То есть таракисты хотели убрать Амина, но опоздали, он их упредил. Афганцы считают, что советские все делали ради Бабрака Кармаля. Варенников очень верно сказал о Бабраке Кармале. Все соответствует действительности. Лицемерие, двуличие и т. д.

27 декабря я был дежурным в политотделе Центрального армейского корпуса афганской армии. В 19:15 раздался взрыв недалеко от здания Министерства обороны. Произошел взрыв шахты связи на площади Пуштунистана. За несколько часов до этого туда спускались советские представители. Была нарушена радиорелейная связь. После взрыва началась стрельба по всему городу.

СССР понес огромные расходы. Расходы Советского Союза в Афганистане ежедневно составляли от 5 до 7 миллионов рублей. За весь период — более 50 млрд. рублей. Лучше бы поставляли оружие, технику и оказывали экономическую помощь, чем ввод ОКСВ.

Вспоминает «перевертыш» из КГБ экс-генерал Олег Калугин

Решение о вводе было непростым, и оно задерживалось вплоть до глубокой осени 1979 года. Апрельская революция в Афганистане явилась сюрпризом для советского руководства. Тараки информировал Центральный Комитет партии о якобы готовящейся расправе с коммунистами и в этой связи посчитал нужным сделать первый шаг, то есть упредить разгром партии и взять власть в свои руки.

То есть это была скороспелая операция, проведенная с помощью афганских военных. Большинство из них, кстати, были выпускниками советских военных училищ и даже академий. Так что просоветская верхушка в воинских подразделениях Афганистана тогда была довольно весома. Но, пожалуй, самое главное, если говорить о КГБ, то оно было совершенно не подготовлено, и, впрочем, никто не ожидал такого разворота событий в апреле 1978 года.

В то время разведка КГБ имела довольно приличные позиции в афганском руководстве, причем на уровне министров, это довольно характерно для многих развивающихся стран, когда агентура внедрена в руководящие круги того или иного государства.

В Афганистане мы сидели довольно плотно, и необходимости что-то делать с точки зрения стимулирования революционных процессов в пользу социализма никто не видел.

Неожиданно на арене появляется Тараки, ссылаясь на угрозу разгрома партии, решает учинить переворот.

Переворот прошел успешно. Насколько я знаю, когда доложили Брежневу о том, что готовится этот переворот, это было буквально в счи-таные часы до начала, он как будто выразил большое сомнение в необходимости. Потому что создавался очаг напряженности на южных границах. Обстановка была, в общем-то, достаточно стабильной, и вдруг еще один болевой такой нерв, оголенный неожиданно.

Но тем не менее события пошли своим путем. Факт свершился. Нужно было что-то делать. Мы, как известно, приветствовали революцию. И вот здесь, конечно, представилась хорошая возможность для КГБ укрепить свои позиции в стране.

Собственно, с этого началось и личное мое участие. Оно не длилось долго, но было первым в августе 1978 года, то есть несколько месяцев спустя после революции.

Вместе с Крючковым я отправился в Афганистан для заключения формального соглашения о сотрудничестве между органами безопасности Афганистана и Советского Союза. Афганцы встретили нас хорошо. Группа была маленькая, всего 3 человека.

Саравари был тогда начальником контрразведки, Тарун начальником жандармерии, Амин был главой правительства, Тараки, естественно, отцом республики после переворота. Короче, встретили нас исключительно дружелюбно.

Я никогда раньше не был в Афганистане. И искреннее тепло молодых, наполненных высокими идеалами офицеров, которые окружали нас, вселяло в нас надежду, что Афганистан пойдет по социалистическому пути и преодолеет вековую отсталость. Короче, станет, возможно, в потенциале одной из республик великого Советского Союза. Тем более разговоры на эту тему и тогда уже среди афганских офицеров были. Между прочим, по пути в Афганистан мы остановились в Ташкенте, и нас принимал Рашидов. И, конечно, после Ташкента с великолепием его дворцов, царственности, так сказать, приемов Кабул выглядел просто плачевно. Нищета, бедность.

Но был великий энтузиазм руководства молодых симпатичных ребят, которые страстно желали сделать некое подобие, я так думаю, Узбекистана. Наверное, это был у них первый идеал, приближенный к той мечте, которую они лелеяли в то время.

Как начальник внешней контрразведки, я провел несколько просветительских бесед с руководством афганской контрразведки. То есть собралось все руководство контрразведки, которым я рассказал о происках американцев, прежде всего, Центрального разведывательного управления, о том, как нужно организовать работу против представителей ЦРУ в Кабуле. Я сказал, что, несомненно, советская сторона будет заинтересована во взаимных действиях. И действительно, такого рода мероприятия затем стали разрабатываться, и, по сути дела, формальное соглашение, которое мы заключили в августе 1978 года, послужило началом достаточно длительного сотрудничества. Результатом подобного сотрудничества была все более усиливающаяся роль КГБ внутри страны. Затем фактически — выбор Наджибуллы, да и Кармаля, по существу — его предшественника. Это было сделано с подачи КГБ.

ЦРУ там тоже всегда работало. Тем более это было подбрюшье Советского Союза. Но какой-то зловещей роли ЦРУ, с точки зрения смещения акцентов именно на Афганистан, я лично не усматривал. Думаю, что американцев устраивала позиция

тогдашнего руководства. Они не видели в ней особой опасности для своих интересов. Короче, думать о том, что американцы замышляли свержение, — это было исключено.

Должен сказать, что на меня произвел очень хорошее впечатление Амин. Сегодня, может быть, это не к месту, но он был интеллигентный человек, оказалось, что мы учились вместе в Колумбийском университете, когда начали вспоминать какие-то нам знакомые места, он оживился, и мы как-то сразу нашли общий язык. И, честно говоря, он мне был симпатичен.

Но когда познакомился с некоторыми материалами нашей резидентуры в Кабуле о внутриполитической обстановке в Афганистане, в частности по распределению сил в руководстве страны, вдруг узнал, что Амин подозревается в сотрудничестве с ЦРУ. Мои попытки выяснить, насколько весомы эти подозрения, насколько они обоснованы, были безуспешны. То есть не было ничего существенного, что могло свидетельствовать о его причастности к ЦРУ.

Он был атташе каких-то афганских сил, обучаясь в США. Но это ни о чем не говорит. Просто внутриполитическая борьба в афганском руководстве, в то время еще находившаяся в самой начальной стадии, уже приобретала уродливые формы, напоминавшие наши советские 30-х, 40-х, 50-х годов. То есть заподозрить кого-то, обвинить в связи с иностранной разведкой — это лучший способ расправиться с ним как с потенциальным оппонентом.

Думаю, кто-то из халькистов запустил мысль о том, что Амин нечист. Но, так или иначе, мы знаем, что Амин сыграл зловещую роль в том смысле, что он физически убрал Тараки. И, конечно, он фактически ускорил процесс приближения Афганистана к той точке, когда вопрос о том, вторгаться нам или не вторгаться в страну, приобрел особую остроту.

Тараки же произвел впечатление невысокого полета специалиста в какой бы то ни было области. Но он был на Востоке как чтимый старец. В нем уже не было ни заряда энергии, в нем не было такой харизмы, которая бы привлекала, особенно молодежь, совершившую революцию. Амин обладал этими качествами, то есть он был естественным соперником на руководящую роль в стране.

Поэтому не исключаю, что попытка убрать Амина была организована. Именно в основе ее это предположение о том, что он был агентом ЦРУ. Ну, а как это бывает, любая такая попытка имеет обратный результат.

Вся эта информация шла оттуда, от агентуры, доверенных лиц, доброжелателей, которые приходили и говорили: «Слушайте,

не делайте ставку на Амина, это человек, который запачкан кровью, на которого нельзя положиться в политическом смысле». Наши же представители попадались на удочку этим слухам.

Так или иначе, мы среагировали, потому что я помню, как Борис Семенович Иванов, назначенный в 1979 году руководителем советских органов безопасности в представительстве в Кабуле, как раз именно сообщал о том, что Амин — это угроза Афганистану, его социалистическому выбору, вернее скажем, выбору, который был определен целями Апрельской революции. В начале сентября 1979 года я присутствовал на очень узком совещании руководства групп Первого главного управления КГБ, то есть разведки Госбезопасности, и военной разведки в Москве. Оно состоялось в кабинете у Крючкова.

Присутствовали человек 8—10 с обеих сторон. Ивашутин от ГРУ возглавлял, Крючков от КГБ. В то время события в районе Персидского залива развивались очень стремительно. После Апрельской революции, в общем-то, некогда относительно спокойная гавань вдруг забурлила, и у наших военных и политиков складывалось мнение, что обострение американо-иранских отношений, присутствие американской военной эскадры в зоне Персидского залива потенциально чревато опасностью советским интересам.

Эта тема превалировала в сообщении Ивашутина на этом совещании. Он говорил, что мы не можем спокойно относиться к усиливающемуся присутствию американцев в регионе.

Если случится так, что Амин окажется предателем и поведет дело в русло американской политики, то мы фактически потеряем полностью наши рубежи безопасности на южной границе Советского Союза. Поэтому, говорил Ивашутин, надо предпринять необходимые действия для того, чтобы взять под контроль ситуацию в Афганистане, и единственный способ такого контроля — это введение советских Вооруженных сил в страну.

Крючков, выступая от имени руководства КГБ, сказал: «Юрий Владимирович Андропов считает, что нам не следует этого делать сейчас».

Потому что, ввязавшись в афганские внутренние дела, мы можем там завязнуть надолго. И исход такого рода военной операции трудно предсказать. Это, кстати, показывает, что в августе 1979 года Андропов придерживался точки зрения, что вторжение в Афганистан Вооруженными силами было бы неоправданно и чревато последствиями.

Кстати, насколько мне известно, в течение всего 1979 года, особенно во второй половине, афганское руководство, и в том

числе Амин, настаивало на присутствии советских Вооруженных сил в Афганистане, то есть здесь как бы шли параллельно две линии. Одна — это настойчивые просьбы Афганистана и осознание нашими военными, что эти просьбы должны быть удовлетворены.

КГБ в то время занимало позицию как бы нейтральную, но скорее склоняющуюся к отказу от вторжения. Что произошло дальше, можно только предполагать, поскольку окончательное решение принималось на высшем уровне, четырьмя лидерами Политбюро: Андропов, Громыко, Суслов и Устинов. Очевидно, Устинов играл главную скрипку при решении этого вопроса. Ивашутин, выступая на том же совещании, говорил языком Министерства обороны.

Уверен, что это была не его личная точка зрения, а точка зрения, превалирующая в Генштабе и, очевидно, имевшая поддержку самого министра Устинова.

В принятии решения играли главную роль, конечно же, политические руководители самого высшего звена и силовые структуры, которые обеспечивали исполнение этих пожеланий или указаний руководства через посредника — международный отдел Политбюро ЦК КПСС. КГБ влиял на внешнюю политику. Я лично готовил документ в связи с указанием Андропова о подготовке предложений в Политбюро о том, что нам делать в Афганистане. Это был период, предшествовавший вторжению. Но о вторжении речь еще не шла. Приведу некоторые рекомендации, которые показывают роль КГБ в формировании нашей политики.

Первое. Пропагандистское обеспечение. Публично обвинить Пакистан в развязывании агрессивных действий против афганской революции.

Для придания убедительности этим обвинениям систематизировать факты, свидетельствующие о подготовке вооруженных партизанских групп на территории Пакистана. Представить их в Совет Безопасности ООН.

Обратиться к лидеру Ирана Хомейни с письмом о поддержке иранской революции, с выражением надежды на укрепление традиционной дружественной связи.

Мятежников в регионе квалифицировать как наемников империализма США, сионизма, остатка свергнутой в Иране монархии, жаждущих реванша в Афганистане и его расчленения.

Через сторонников правительства среди духовенства обратиться с воззванием к народу, обвинив сионизм, империализм в попытках расколоть мусульман…

Выделить 2–3 ударные части, наиболее верные правительству, вооружить их самой современной техникой и

оружием для использования их в боевых действиях.

Осуществить рейды в тылы повстанцев с целью уничтожения их радиостанций, баз и складов вооружений.

Развернуть несколько мобильных радиостанций на территории страны, особенно в тех районах, где активизируются контрреволюционные силы, для проведения интенсивной радиопропаганды в пользу Тараки и одновременно создания помех для работы враждебных радиопередатчиков.

Существенно усилить объем и мощность радиовещания с территории СССР от имени правительства Тараки.

Второе. Военная поддержка. Привести в боевую готовность советские воинские подразделения на границе с Афганистаном с целью их возможного десантирования в те районы страны, где поставлены под угрозу безопасность советских граждан и необходима их физическая защита или эвакуация. Это чисто по американской технологии — защита собственных граждан, а там и войска — дальше будет видно.

Предусмотреть участие этих подразделений в действиях по охране объектов и учреждений афганского правительства. То есть начинается фактически защита режима от возможных действий оппозиции.

Далее осуществление разведывательных полетов. Направление советников военно-боевых операций: направить наших советников в районы боевых операций для оказания помощи командованию афганской армии и т. д.

Что касается уничтожения Амина, то мы сегодня знаем из различных, зачастую противоречивых показаний, что речь шла о попытке захвата дворца с помощью специальной группы КГБ, боевиков. Они провели эту операцию довольно неудачно. Неудачно потому, что многие из специалистов по Афганистану рассказывали, что Амин всегда любил общаться с советскими представителями. Любил ходить на приемы в посольство. И его устранение можно было организовать совершенно иначе, бескровно, в результате захода его в советское учреждение, посольство, где задержать его. Потом сказать, что у человека был приступ. Он направлен на лечение в Москву. Самый простой способ.

История же, которая произошла, выглядит нелепо. Все это усложнило ситуацию. Это насторожило. Массовое отравление людей, естественно, вызвало чувство какой-то назревающей беды.

То, что это сделал КГБ, не вызывает сомнений, потому что это единственная организация, которая обладала индивидуальными средствами выведения из строя массовых групп… Имеются в виду снадобья, которые добавляются в пищу и в напитки,

растворимые… Они как раз производят соответствующий эффект. Все происшедшее было каким-то нагромождением. В это время я уже готовился к поездке в Ленинград и во всем этом не участвовал.

2 января в 16:00 меня принимал Андропов, и мы обсуждали мою предстоящую работу в северной столице.

Во время встречи позвонил представитель КГБ в Кабуле Борис Семенович Иванов. Он доложил обстановку после ввода войск и положение дел в афганском правительстве. Андропов очень возбужденно сказал ему: «Слушай, Борис, передай Кармалю, чтобы он немедленно выступил по телевидению. Прошло уже три дня, как прошел переворот, а выступления нет. Он же должен понимать, что люди требуют объяснений. Скажи ему, немедленно подготовьте необходимые тезисы, сделайте все, чтобы это произошло как можно быстрее».

В Кабуле действовали четыре главных представительства: посол, советник по линии партии — представитель ЦК КПСС, представитель КГБ, представитель ГРУ, которые имели независимые линии связи и информировали Москву о ходе событий в стране. Когда обстановка в стране начала накаляться, когда афганская оппозиция все более успешно развертывала свои боевые операции на территории Афганистана, в Москву стали поступать противоречивые сведения о том, что же на самом деле творится.

И вот тогда Владимир Александрович Крючков, начальник разведки, выступил с инициативой, которая была одобрена. На мой взгляд, она и затянула на многие годы афганскую войну. Инициатива же заключалась в том, чтобы объединить все потоки информации в один. К тому же Брежнев очень тяжело воспринимал происходящие события. Чтобы не расстраивать, решили не создавать чересполосицы в информационном потоке, а создать единую и приглаженную…

Хотя сам Андропов, насколько мне известно, был противником приукрашивания информации. Не следует сбрасывать со счетов роль Крючкова. Это человек, поднаторевший в дворцовых интригах, старый функционер партийного аппарата, международного отдела, знавший повадки наших руководителей, их потребности. С его приходом в разведку, кстати, началась шлифовка материалов. Шлифовка сглаживала острые углы. Крючков, как типичный представитель партийного аппарата той лживой школы, лицемерной школы, приглаживал информацию по многим позициям, по многим аспектам.

Афганистан — это просто трагедия затянувшаяся, и, конечно же, здесь не Крючкова вина, но во многом он содействовал тому,

что наши руководители не имели правильного представления о том, что происходит в этой стране.

Андропов же в последние годы доверял Крючкову полностью, и тот злоупотреблял его доверием. Информация звучала в бравурных и успокаивающих тонах. К сожалению, мы от этой практики не избавились и сегодня.

В целом КГБ играл очень существенную роль в Афганистане. В большинстве случаев соответствующая информация поступала в Москву от Иванова. До ввода войск и после КГБ был главным поставщиком информации в Москву. КГБ играл роль номер один. Остальная информация имела скорее дополняющий характер, чем основной.

К тому же во главе страны были ставленники КГБ Кармаль, а затем Наджибулла, мнения и просьбы принимались к исполнению этим ведомством.

Думаю, что эта убаюкивающая информация и многочисленные при этом пожелания дать больше средств, вооружений, больше, значит, инвестиций и т. д. изматывали нашу страну. Война длилась многие годы в результате глупости, безответственности органов информации, в частности разведки, которые были обязаны обеспечивать руководство правдивой и объективной информацией о происходящем в стране. Этого не произошло. Считаю, что война продолжалась намного дольше, в частности, по этой причине.

Стереотип мышления, вот эта вера в преимущество советского социалистического строя, этот исторический оптимизм, вера в грядущие поражения всяких сил, которые не смогут устоять перед историческим прогрессом, они, наверное, сыграли свою роль и в Афганистане. Исходили из посылок непогрешимости нашей системы, непогрешимости нашей теории.

Мы ухлопали колоссальное количество денег в этой стране. И, насколько мне известно, это происходило даже после вывода советских войск из Афганистана.

Вооруженные силы также оказались неподготовленными к ведению такой широкомасштабной войны в специфических условиях афганского ландшафта, сложнейшего рельефа местности.

Самонадеянность, чувство победоносной и несокрушимой силы втянуло наших военных в войну, которая, по-моему, закончилась поражением. Мы ушли оттуда вроде с почетом, красиво, но мы бросили на произвол судьбы тех, кто помогал нам, кто хотел вместе с нами строить светлое будущее для Афганистана, поверил нам…

Кармаль и Наджибулла были связаны с КГБ, естественно.

Кармаль не оправдал надежд советского руководства, в том числе КГБ, в силу особых свойств характера, неумения управлять слабостями, на смену ему пришел Наджибулла, тоже воспитанник КГБ.

КГБ подготовил и группу для осуществления дворцового переворота. Не следует путать эту группу с известной группой «Альфа», созданной в 70-х годах с целью противодействия внутри страны всякого рода проявлениям… В Афганистане же группа называлась «Зенит».

То, что мы увязли в афганской ситуации, было на руку Соединенным Штатам. Эта затянувшаяся война весьма негативно сказалась на положении Советского Союза, его авторитете в глазах многих развивающихся стран, прежде всего мусульманского мира.

Заключение

Война в Афганистане, к сожалению, продолжается и сегодня при наличии на ее территории коалиционных вооруженных сил стран Запада во главе с американцами. Страдания и беды афганского народа продолжаются.

Сегодня весь мир является свидетелем того, как США и их союзники почти добились достижения своих целей в этом стратегически очень важном в геополитическом отношении регионе мира. Практически поставлена точка в жестком противоборстве между Соединенными Штатами Америки и бывшим Союзом Советских Социалистических Республик. Война в Афганистане способствовала развалу СССР в угоду тем лицам и кругам, которых история еще расставит по своим заслуженным местам и по «табели о рангах». Развал же Великого Союза, уважаемого друзьями и недругами, укрепил позиции США во всем мире и, в частности, в данном регионе.

Это можно считать объективным фактором. Раскручивание механизма этой войны было очень выгодно многим политическим силам в мире, и эскалация ее — процесс закономерный, ответственность за это несет не только и не столько советская сторона, сколько ведущие политики развитых стран того времени, и в первую очередь США.

Субъективный же фактор — это интересы нашего государства на тот момент.

Кстати, сегодня США как никогда провозглашают это открыто, причем с претензией на мировое господство. Так вот, исходя из интересов Советского Союза на тот момент, мы были готовы к вводу войск в Афганистан. Слишком многое нас тогда объединяло с Афганистаном: экополитика, политика, военное строительство и т. д. Все это как бы давало гарантии того, что еще большее сближение, такое, как ввод войск, будет удачным шагом.

Ошибка советского руководства, а вернее, главный геополитический просчет заключается в том, что оно не смогло или попросту не захотело просчитать все вероятные векторы этой акции и не рассмотрело ее во взаимодействии со всем мировым политическим процессом.

Давая оценку этой войне, думаю, нельзя назвать ее захватнической и несправедливой с нашей стороны. Тем более, как выше отмечалось, она началась и продолжалась до ввода ОКСВ около двадцати месяцев.

Мы оказались не готовы к подобному развитию ситуации и

открытым вмешательством нарушили хрупкое равновесие тогдашнего конфликта. Произошла резкая переориентация многих политических группировок и социальных групп с просоветской на проирано-пакистанскую сторону в противовес внутреннему политическому противостоянию, поддержанному Советским Союзом. Именно это движение и использовали американцы для эскалации конфликта, переплавки его в войну.

Нельзя не отметить и идеологическую мотивацию наших политиков, дипломатов в афганских событиях. Почему боевые действия перекинулись через границу в Душанбе, Сухуми, Карабах, Фергану, Северный Кавказ и другие районы бывшего СССР? Да потому, что в афганской войне потерпела поражение наша идеология. Что смог сделать динамичный сильный Союз в 50-е годы в Венгрии, Чехословакии, то стало невозможным в 80-е годы.

Социалистическая идеология попросту исчерпала себя как геополитика. Она была разъедена червями коррупции, местничества, академичности, заумствований, угодничества и дешевых лозунгов. К сожалению, те же факторы продолжают оставаться и сейчас на всем постсоветском пространстве.

Наш непродуманный и поспешный уход под давлением Запада на Горбачева оказался символом краха социалистической идеи, ее конца. Началась война на изматывание, подрыв России изнутри. Гитлер даже не мог себе представить результатов, которых добился Запад за последние пятнадцать лет в развале СССР, а затем и России. В противостоянии России и США сегодня преимущество явно принадлежит американцам. На мой взгляд, если бы у руля советской политики тогда оказались другие люди, мы смогли бы совсем иначе закончить этот поход.

Какие выводы можно сделать сегодня по самой войне в Афганистане?

Из-за серьезной дезорганизации и слабой боеспособности афганской армии в силу вышеперечисленных причин основную тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюционными отрядами в начале 80-х годов несли на себе советские войска.

Однако регулярные советские войска оказались неподготовленными к партизанской войне мелких чрезвычайно мобильных групп и к самой партизанской тактике. Попытки командования организовать наступление и преследование отрядов душманов крупными войсковыми соединениями по правилам классической войны должного эффекта не приносили. Для советского командования становилось все более очевидным, что полностью разгромить «партизанские» отряды военными средствами, действиями регулярных войск не удается и не

удастся. К сожалению, этот урок не был учтен и в ходе событий в Чеченской республике.

Но главные причины военных неудач и сохранения и даже определенного расширения масштабов партизанской войны «духов» лежали не в военной сфере, а в политической, так как стали складываться явные идеологические издержки ввода в страну регулярных войск соседнего государства, что придало новый импульс контрреволюции для укрепления социально-политической и военной базы партизанского движения. Советское правительство и военное командование не учли национально-исторические факторы Афганистана — его многовековую историю борьбы с различными завоевателями, совершавшими походы на страну с востока и с запада и так и не добившимися ее окончательного покорения. В сознании афганца прочно укрепилось представление, что любой иностранец, вошедший в страну с оружием в руках, пускай даже с самыми благими намерениями, — это иноземный оккупант. Причем исторически главными носителями идей национальной независимости являются наиболее отсталые в экономическом отношении, но самые развитые с военной точки зрения воинственные пуштунские племена. Поэтому в сегодняшних событиях, происходящих в Афганистане, еще не поставлена окончательная точка.

Именно эти племена стали ядром партизанской контрреволюции в борьбе с регулярными частями советских войск. Как они поведут себя в сложившейся ситуации, никто не сможет предсказать, противоборство внутри страны и между силами других стран только начинается.

Постепенно советские войска оказались втянутыми в гражданскую войну, хотя их основное предназначение заключалось в том, чтобы обезопасить страну от агрессии извне. Но на практике частям и подразделениям пришлось действовать в зонах, где не было гражданской администрации, обладавшей реальной властью. После того как войска уходили из зоны, эту власть мгновенно смывало: либо ее представители сами уходили, либо ее убирал напор оппозиции. Личный состав армии начинал все отчетливей чувствовать и понимать драматизм нашего военного присутствия в Афганистане, особенно после прихода к власти М. С. Горбачева.

Анализ событий в Афганистане показывает, что ответственность за состояние дел в Вооруженных силах этой страны, несомненно, несут и советские военные советники. По просьбе правительства ДРА они были введены во все виды вооруженных сил, начиная с батальонного звена и выше. Опыт

показал, что для решения подобных задач нужны советники-профессионалы, как политики, так и военные.

К середине 80-х годов в Афганистане и за рубежом сформировалось мнение о том, что в военном отношении правительственные войска и ОКСВ не способны справиться с моджахедами. Боевые действия против них оказались малоэффективными. Такое положение дел серьезно подрывало веру в то, что власть НДПА и революционного правительства может быть установлена на всей территории Афганистана. Наоборот, абсолютное большинство населения укрепилось во мнении, что после вывода ОКСВ к власти придут противники НДПА.

Отсюда и поведение населения, и даже партийцев. К таким неутешительным результатам пришла НДПА к 1985–1986 гг. В Афганистане и в СССР объективно складывалось мнение, что в создавшихся условиях только военными методами решить афганские проблемы нельзя. Подобная же ситуация сложилась сегодня и в Чечне.

Таким образом, чрезмерное количество советников, специалистов, дипломатов, раздутый штат руководящего состава советских коллективов в Афганистане, наличие большого числа членов их семей в стране, где шла настоящая война, привело к тому, что о военных советниках вспоминали лишь тогда, когда нужно было найти «стрелочников», виновных в складывающейся неблагоприятной обстановке в стране. К примеру, геологи неоднократно обвиняли армию и военных советников в отсутствии условий для выполнения плана геолого-разведывательных работ в провинциях.

Общие ошибки советского и афганского руководства привели к возникновению следующих факторов:

1. Слишком надолго растянулся период «становления» афганского руководства за штыками советских войск, что породило его самоуспокоенность, фальшивую самоуверенность, надежды на статус-кво на период необозримого будущего.

2. Сыграла свою роль и теневая экономика. Она заключалась в том, что часть бывших членов руководства КПСС и Советского правительства погрязла в коррупции, воровстве и взяточничестве. Погрязла не только за счет «внутренних ресурсов» страны, но и «подпитывалась» за счет сложившейся в первые годы после Апрельской революции мафии из числа советских граждан — оборотистых дельцов, командированных по протекции в ДРА и насаждавших там (на благодатной почве всегда дававшего и бравшего взятки Востока) культ безудержной погони за наживой, спекуляции и казнокрадства. Этот процесс стал очень

характерным для них.

3. Руководство НДПА и ДРА заразилось от нашей партийной верхушки бациллами разложения и загнивания, бюрократизации. Остались неизменными и становились даже все более тщательно отшлифованными речи и заявления о «народном благе», «о благородных целях партии», на фоне которых пышно расцветали нигилизм, очковтирательство, приписки, и т. д., и т. п. — все то, что было характерно для части верхушки нашего общества в этот период. Те, кто не успел нахапать тогда, успешно сделали это в последовавший после афганской эпопеи период «перестройки» под руководством Горбачева и Ельцина.

4. Незнание обстановки на местах, отсутствие объективной информации привило руководству неоднократно осужденную, но очень живучую привычку к победным рапортам (реляциям), опять-таки перенятым у нас. Особенно тяжелый урон она нанесла рядам партии. Погоня за количественным ростом рядов НДПА, предоставление партийцам ряда льгот и преимуществ (назначение на вышестоящие должности, командирование на учебу в СССР и т. д.) распахнули двери для лиц, примазавшихся к партии.

В качестве примера того, как советские люди сами насаждали такую порочную систему в НДПА, можно привести откровенное высказывание бывшего заместителя заведующего отделом административных органов ЦК НДПА, а затем заместителя председателя Совета Министров РА генерал-майора М. Хакима. Запись беседы с ним, состоявшейся в 1982 году, была передана В. Н. Пластуном в Международный отдел ЦК КПСС. Он сказал, что на одном из совещаний руководства НДПА советский посол Табеев Ф. А. предложил сделать «подарок» XXVI съезду КПСС и довести число членов НДПА до 50 тысяч. «Мы, — сказал М. Хаким, — перевыполнили план и довели число членов НДПА до 52 тысяч». Автору приходилось в ходе работы в Афганистане наблюдать, как происходил прием в партию списком…

5. Большинство членов руководства НДПА, которым был присущ страх неминуемой расплаты за содеянное, и все, кто был против политики осуществления национального примирения, в первую очередь, не желали ее реализации. Они понимали, что, несмотря на беспрестанно повторяемые фразы о поддержке народом политики НДПА, о глубоких корнях партии в народе, о партии как руководящей и направляющей силе афганского общества, она таковой не является, и, следовательно, именно народ примет участие в расправах даже над честными партийцами, которые вынужденно станут «ответчиками».

Для таких членов руководства осуществление политики

национального примирения и создание коалиционного правительства означало бы одно: потерю хлебного места, материального благополучия, сферы влияния и, как результат, многочисленных сторонников, кормящихся за счет этих «неформальных лидеров».

6. Фракционная борьба между сторонниками «Хальк» и «Парчам», имевшая место в первое время после апрельских событий, постепенно начала затихать, и вместо нее появилась «групповщина», означавшая сплочение вокруг лидера, занимавшего ответственный пост в партии и государстве. Методы привлечения на свою сторону использовались разнообразные: предоставление должностей, повышение в звании или по службе, протекционизм при отправке на учебу в СССР, освобождение сына от службы в армии, материальные льготы, вывод из-под критики или наказания за должностные преступления и т. д.

Отсутствие научного подхода к выработке форм и методов деятельности, к анализу привели к тому, что у многих ответственных должностных лиц появилось стремление доложить вышестоящему руководству именно то, что оно желало бы услышать, а отнюдь не объективную реальность.

Говоря о войне в Афганистане, нельзя хотя бы кратко не сказать и о западных странах и, в первую очередь, о позиции США.

Анализ американской политики показал, что США и другие страны Запада не только поддержали складывающуюся в этом регионе ситуацию нестабильности, но и совместно с Пакистаном, Ираном, Саудовской Аравией и Китаем начали активно создавать антиправительственную оппозицию, претендующую на власть в Афганистане.

Соединенные Штаты Америки применили концепцию конфликтов низкой интенсивности («КНИ»), которая включала в себя три фазы: первую (скрытую) — оказание помощи антиправительственной оппозиции; вторую — организацию «партизанских действий» мелкими подразделениями против государственной власти и третью — организацию широкомасштабной войны.

С такой постановкой вопроса, естественно, не могло согласиться политическое руководство СССР, которое усмотрело в действиях США угрозу национальным интересам в регионе, объявив к этому времени Афганистан страной социалистической ориентации.

Процесс военно-политического урегулирования обстановки в Афганистане принял затяжной и драматический характер. И представление о его быстрой реализации, имевшее место в 1980–

1981 гг., оказалось явно ошибочным. Руководство НДПА и афганское правительство не сумели избежать ряда неверных шагов и оценок в области военной политики. Они были вызваны, прежде всего, рецидивами фракционной борьбы и ошибочным, по сути иждивенческим, пониманием роли 40-й армии и советских военных советников и специалистов.

Уроки Афганистана показали ошибочность силового вмешательства «сверхдержав» во внутренние дела других государств. В частности, ввод войск в соседнюю страну стал недостаточно продуманным политическим шагом бывшего руководства страны. В условиях соперничества СССР и США ни одна из сторон не могла одержать решающую победу, ибо опирались они на материальную и военную поддержку этих государств. Ввод войск нанес ущерб отношениям СССР с Западом, с социалистическими странами, с исламским миром, с другими странами «третьего мира». Кроме того, сложившаяся ситуация оказывала отрицательное воздействие на экономику и внутриполитическую ситуацию в Советском Союзе.

Получилось так, что события в Афганистане раскачали весь мир. Изоляция СССР, эмбарго, беспощадная идеологическая война были развернуты против нашей страны. Весь мир в середине 80-х был так или иначе вовлечен в это противостояние, которое определенным образом сыграло свою роль и в дальнейшем развитии обстановки в СССР.

На практике афганская война стала действенным средством для сокрушения и деморализации политических противников Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева, Арбатова и их окружения, развала и разрушения силовых институтов страны. Вирус «афганского синдрома» расколол советское общество, парализовал в нем веру в собственную армию, в ее участие в судьбе страны, оттолкнул от СССР всех бывших друзей во всех регионах мира, породил целый ряд различных проблем.

В действительности противоборство между СССР (а сегодня Россией) и США было, есть и будет. Наиболее четко и рельефно оно проявилось в годы так называемой афганской войны, а вернее, противоборства между нашими государствами. Умелые и изощренные действия ЦРУ и западных спецслужб, а также корыстные, а зачастую предательские действия «пятой колонны» внутри Советского Союза, руководимой и направляемой кукловодами из ЦРУ, в соответствии со специальной программой «М», разработанной еще Даллесом и совершенствованной Бжезинским, привели к развалу СССР и, соответственно, восточного блока Варшавского договора. «Империя зла», по Рональду Рейгану, рухнула. «Силы миролюбия США» одержали

победу на первом этапе третьей мировой войны, которая продолжается уже десятилетия. Американцы и их союзники действуют под прикрытием лозунгов якобы завершения «холодной войны», «исторического разрушения берлинской стены», открытия «железного занавеса» (последствия чего уже не нужно никому объяснять, даже Валерии Новодворской и прочим демократам-демагогам, благодаря которым разрушается и растлевается общество изнутри), «партнерства и сотрудничества ради мира», и т. д., и т. п. Начался второй этап в третьей мировой войне.

Пора сделать вывод, что Америка не может жить без войн и врагов. Иначе она не выживет. Поэтому и рождаются такие идеи, как «оси зла и насилия», «треугольники зла», «глобальная война против международного терроризма…». Хотя мировому сообществу до сих пор неизвестно, кто организовал эти варварские акты в Вашингтоне и Нью-Йорке, кто, какие силы зла и насилия стоят за этим или кто их породил. Может быть, их нужно искать на оси США — Израиль. Где сегодня террорист номер один Бен Ладен, где десятки тысяч талибов и их вождь Омар? Видимо, на данном этапе для США выгоднее молчать о них. Спектакль по идеально разработанному сценарию разыгран: войска США в Афганистане; натовские базы и опорные пункты развернуты и расширяются в девяти районах на территории бывших республик СССР. Полным ходом реализуются планы тихой переброски американских спецназовцев в Панкисское ущелье, в районы российско-грузинской границы, сначала под невнятное бормотание Шеварднадзе, так и оставшегося на уровне участкового мента и не сумевшего изучить русский язык, а в последнее время на фоне амбиций зарвавшегося Саакашвили. Объявлена война Белоруссии, но ведь оружие и военную технику продают и другие страны. Практически Содружество Независимых Государств (СНГ) не существует де-факто.

Все это происходит рядом с Россией, кольцо вокруг которой все больше сужается. Правда, чтобы показать антитеррористическую войну по всему миру, двести американских рейнджеров обучают своих коллег на Филиппинах вопреки протестам народа этой страны. Нет сомнения в том, что американцы в ближайшее время еще больше активизируют свои действия в Закавказье и на Северном Кавказе с широким привлечением для этого Турции, расходуя на это огромные средства по принципу «цель оправдывает средство».

Последние события демонстрируют, что американцы покупают все и вся. Господин доллар побеждает всех и везде. Времена изменились, изменились и способы, методы ведения

войны. В успешно осуществляемую американцами «теорию конфликтов низкой интенсивности» вносятся коррективы по всем направлениям деятельности государственной машины и Вооруженных сил, а также спецслужб. Успешно и эффективно осуществляется комплексное применение военных и невоенных методов и способов ведения широкомасштабной войны. Все больше совершенствуются виды и формы, содержание психологической войны. Большая часть населения земного шара выглядит «как кролик перед удавом», внимая американским лидерам: «кто не США или поддерживает неугодные США страны или личности, тот является террористом или фашистом при одном заявлении в защиту русского». Происходят непредсказуемые изменения и события, которые все больше и больше угрожают региональной безопасности России, рассчитывать на поддержку кого-либо, видимо, кроме Республики Беларусь, уже не приходится.

Третье тысячелетие поистине началось обострением противостояния сил зла и добра. Россия на стороне вторых, но, к сожалению, ей в силу сложившихся обстоятельств не хватает порой решительности, наступательности, да и желания… Хотя, с другой стороны, нет Советского Союза, нет решающей и направляющей роли коммунистов, нет мощной и угрожающей кому-либо Советской армии.

Сегодня каждому здравомыслящему человеку на земном шаре ясно, что США видит в России своего врага. Конечная цель США — развалить ее окончательно и поставить на колени. Американцы продолжают жить стереотипами чисто в своих интересах. Чтобы удовлетворить их, им нужно было добиться отторжения про-российских территорий: Крыма, Абхазии, Южной Осетии и т. д. Затащить любыми путями Грузию и Украину в североатлантический блок НАТО. Поэтому так разнузданно ведут себя украинцы и грузины в отношении России, чувствуя всестороннюю американскую поддержку. США и НАТО уже имеют вокруг России более 120 военных баз и опорных пунктов. То есть они преследуют цель взять под свой полный контроль так называемую «Дугу нестабильности» на юге России, да еще и столкнуть ее с исламским миром.

Практически прилагают все усилия, чтобы превратить «дугу нестабильности» в «петлю нестабильности». К счастью, их попытки в последнее время не так уж успешно претворяются в жизнь. Но эти попытки будут продолжаться.

Сомнений в этом ни у кого не должно быть.

notes

Примечания

1

Здесь и далее в тексте выступлений в целом сохранены стиль и форма изложения своих воспоминаний нижеперечисленных очевидцев.